

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 12 МАРТ 1988

КРУГЛЫЙ
СТОЛ:
СТОЛКНОВЕНИЕ
МНЕНИЙ

За
далью —
Даль

СЕЛЬСКИЙ
АВАНГАРДИСТ

У ПОДНОЖЬЯ ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЫ

St

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЕК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 12 (3165)

19—26 МАРТА

© Издательство «Правда», «Огонек», 1988.

Главный редактор

В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия:

Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ,

В. В. ГЛОТОВ

(ответственный секретарь),

Л. Н. ГУЩИН

(первый заместитель главного редактора),

К. А. ЕЛЮТИН,

Н. А. ЗЛОБИН,

В. Д. НИКОЛАЕВ

(заместитель главного редактора),

Ю. В. НИКУЛИН,

А. Г. ПАНЧЕНКО,

А. Б. СТУКОВ,

С. Н. ФЕДОРОВ,

Ю. Д. ЧЕРНИЧЕНКО,

В. Б. ЧЕРНОВ,

В. Б. ЮМАШЕВ.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Георгий Попов — пастух-оленьевод.

(См. в номере материал «Олений угол».)

Фото Юрия КАВЕРА

Оформление Н. П. КАЛУГИНА
при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА

Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп.,
на полгода — 10 руб. 38 коп.,
на квартал — 5 руб. 19 коп.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27;
Отделы: Публицистики — 212-21-88; Между-
народный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69;
Искусства — 212-15-39; Морали и писем —
212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных
приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 26.02.88. Подписано к печати 15.03.88. А 00313. Формат 70 × 108%. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 770 000 экз. Заказ № 2027.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП,
Москва, Бумажный проезд, 14.

**С ОГРОМНЫМ УСПЕХОМ
ПРОШЕЛ НА МИНУВШЕЙ НЕДЕЛЕ ОФИЦИАЛЬНЫЙ ДРУЖЕСТВЕННЫЙ ВИЗИТ
ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ ЦК КПСС М. С. ГОРБАЧЕВА В ЮГОСЛАВИЮ.
АВТОРИТЕТ СОВЕТСКОЙ СТРАНЫ СЕГОДНЯ,
КАК НИКОГДА, ВЫСОК, А НАШИ МИРОЛЮБИВЫЕ АКЦИИ,
ГЛУБОЧАЙШАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВЫЖИВАНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ,
ОТКРЫТОСТЬ СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИКИ,
ВЕРНОСТЬ ПРИНЯТЫМ НА СЕБЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ
ПРИВЛЕКАЮТ К НАМ ИСКРЕННЕЕ ВНИМАНИЕ ВСЕХ,
КТО ЖАЖДЕТ НАУЧИТЬСЯ ЖИТЬ ВМЕСТЕ
В СОВРЕМЕННОМ СЛОЖНОМ МИРЕ.
РЕПОРТАЖ,
КОТОРЫЙ ВЫ ПРОЧТЕТЕ,
УБЕДИТЕЛЬНО СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ
О ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ В НАШЕЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ,
ОСНОВАННОЙ НА НОВОМ МЫШЛЕНИИ.**

В Бишофсверде, тихом 14-тысячном городке, расположенном неподалеку от Дрездена, 25 февраля было целое нашествие журналистов. Около ста пятидесяти корреспондентов ведущих агентств, газет и телекомпаний мира стали свидетелями начала досрочного вывода из Центральной Европы советских оперативно-тактических ракет ОТР-22. Как известно, они были доставлены сюда почти четыре года назад с согласия правительства ГДР в ответ на размещение в Западной Европе в 1983 году «Першингов-2» и крылатых ракет. И вот — еще до вступления в силу Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСД и РМД) — наша страна начала практическую реализацию этого исторического соглашения. Путь ракетам предстоял неблизкий — через ГДР, Польшу, Брест — и далее, к месту уничтожения (которое произойдет только после того, как будет ратифицирован Договор).

— Надевайте, пока дают. Старшина все равно потом отберет. А в лесу у платформы, на ветру, без этой амуниции продрогнете.

Уже за КПП, на территории военного городка, на каждом шагу, на всех улицах приметы большого переезда, но не того, несколько бестолкового и суматошного, какой бывает обычно при передислокации солидных гражданских организаций, а переезда четкого, размеренного, где все по неукоснительному графику, где малейший сбой считается ЧП.

По утрам мы просыпались по сигналу подъема. Наспех умывались и завтракали — боялись опоздать к складам, у которых уже гудели тягачи, поджидая, пока тяжелые машины вывезут

**Алексей ПАНЧЕНКО,
Александр НАГРАЛЬЯН
(фото),
специальные
корреспонденты «Огонька»**

К

онечно же, мы нарушили непреложный закон репортеров: во что бы то ни стало передать отчет о событии раньше своих коллег. Но мы понимали,

что за газетами и телевидением по оперативности еженедельнику не угнаться. И тогда у нас родилась мысль... К радости строгих бухгалтеров издательства, ощутимо сэкономив на валюте, мы предпочли променять комфорт дорогих отелей Дрездена на две солдатские койки в части, из которой уходили эшелоны с ракетной техникой. Хотелось собственными глазами увидеть, как и кем «творится История». Командование любезно предоставило нам такую возможность. Нам предложили кирзовые сапоги с мягкими новенькими портянками, теплые меховые куртки. Заметив наше удивление, командир ракетной части полковник Владимир Иванович Янковский засмеялся:

Машинист Гюнтер Рихтер:
«Понимаете, я здесь ощущаю,
как мир на земле
становится прочнее...»

из чрева хранилищ «пеналы» — зеленые контейнеры с ракетами.

...Ракету на наших глазах поднимала из контейнера мощная рука автокрана. Длиннющая, двухступенчатая, со снятой боеголовкой, ракета плыла, очерчивая предвесеннее небо. В могучем ее корпусе грозно дремала сила топлива, которому уже не суждено было доставить боевой заряд — ядерную начинку — к цели. Признаться, обнажили ракету (надо было показать читателям, как она выглядит перед тем, как ее положат в контейнер и повезут к месту уничтожения) по нашей просьбе. А ракета, как бы это ужасно ни звучало, по формам — совершенная красавица. Глядя на нее, я невольно подумал: может быть, на фантастическом мировом конкурсе ее удостоили бы звания «мисс Ракета».

Странно и непривычно было видеть все это днем, без всякой утайки.

А дальше — путь к разъезду — платформе, где формируется состав. После знаменитых автобанов и безукоризненных шоссе между селами-городками трудно было представить, что в этих местах может быть такая разбитая дорога, петляющая через колдобины между сосен. Но пятисотильные тягачи (говорят, что за ними в эти дни гонялись фирмы чуть ли не пол-Европы; но они и нашему народному хозяйству

пригожи) легко преодолевали увалы, бережно неся контейнеры с ракетами — по одной на машину.

А дальше — тоже ювелирная работа. В считанные минуты кран и стропали вывешивают «пенал» над вагоном. Точнейшая центровка. Крепления-расстяжки к деревянным помостам.

— Зэр гут! — показывает большой палец машинист тепловоза Гюнтер Рихтер. — Классная работа у советских солдат.

Спрашиваю у Гюнтера, что он думает об этой инициативе СССР.

Полнолицый, улыбчивый машинист (27 лет у реверса) — отвечает медленно, основательно продумав:

— Я рад, что участвую в этой работе. Понимаете, я здесь ощущаю, как мир на земле становится прочнее. Хорошо, если бы Рейган и его люди последовали бы без проволочек примеру Советского Союза и американцы стали бы вывозить свои ракеты с территории ФРГ.

Позже в беседе с нами первый секретарь района Бишофсверда Ханнелоре Штругалла, передавая сердечный привет читателям «Огонька», сказала:

— Имя нашего рабочего города, так же, как и Варена в нашей республике, и Границе в ЧССР, откуда вывозились ракеты, сейчас на устах у миллиардов людей на Земле. У нас произошло событие поистине исторического значения. Мы братски провожали верных и надежных боевых товарищей — советских ракетчиков. Все, кому дороги судьбы мира, приветствуют этот конкретный шаг, досрочно сделанный СССР на пути к миру без ядерного оружия.

Параллельно с вывозом ракетной техники шла другая сложная работа: демонтаж механизмов, проведение всего комплекса снятия ракет с боевого дежурства, перевоз огромного сопутствующего хозяйства, хлопоты об офицерских семьях, заботы о том, чтобы в эшелонах работали классы на колесах — для школьников...

...При нас к замполиту части В. В. Соколову подошли несколько наших ребят — по виду учащиеся второго-третьего классов.

— Товарищ полковник, разрешите обратиться.

— Разрешаю! — на полном серьезе ответил замполит.

— Не оставляйте здесь Цезаря, Азу и... — последовал еще добрый десяток кличек каких-то пока еще неведомых нам ребячьих подопечных.

— На всех животных уже есть документы. Не оставим! — успокоил их полковник.

— Ура! — радостно закричали ребята. А белоснежный пятилетний пони Цезарь, любимец детворы всего городка, исправно работавший пять дней

Секретарь Бишофсвердского райкома СЕПГ Ханнелоре Штругалла:
«У нас произошло событие поистине исторического значения...»

в неделю на «разных работах» и два дня катавший ребят, не знал, что решалась его судьба и что разлуки не будет.

...И наступил последний день. Предстоял и последний сбор на плацу. Но до него полковник Янковский успел объехать все объекты, обошел казармы. Волнуясь, он подошел к плацу, очищенному от запоздалого снега, оглядел поредевшие ряды, улыбнулся с грустинкой: последние могикане.

И поплыл над плацем марш «Прощание славянки». Восьмой раз за 27 лет службы провожал он из гарнизонов офицера Янковского. Впервые — за рубежом. Счастливый жребий пал на часть, в которой командиром он, сын винницких крестьян.

Сейчас, когда вы читаете этот репортаж, эшелоны с ракетами из части, о которой мы писали, прибыли в специальный район Советского Союза для уничтожения. (Но напомним: сроки его зависят не от нас, а от другой стороны.) Часть полковника Янковского достигла городка своей новой дислокации на территории нашей страны. Личный состав, семья, а также Цезарь и лающее-мяукающее поголовье хорошо перенесли тяготы неблизкого пути.

СЛОВО
ЧИТАТЕЛЯ
ПОЧТА • ПОЧТА
«ОГОНЬКА»
ПОЧТА • ПОЧТА

В селе Старая Ладога Ленинградской области находится около 160 памятников архитектуры и археологии, создававшихся (случай редкий) в течение двенадцати веков русской истории. Основана Старая Ладога в середине VIII века и вскоре стала столицей северной Руси. С этого времени накапливались здесь культурные богатства. Ныне в селе устроен Историко-архитектурный и исторический музей-заповедник республиканского значения.

Увы, на памятники старолadoжской архитектуры сегодня больно смотреть. Один только пример. В строительных лесах стоит церковь Георгия со знаменитыми на весь мир фресками, созданными в XII веке. Эти произведения под угрозой гибели: не просыхает храм от влаги.

С 1984 года по поводу Старой Ладого в Москве, Ленинграде, Волхове принято шесть постановлений. Периодически наезжают в село комиссии Министерства культуры РСФСР. А воз, как говорится, и ныне там: 22 архитектора заняты проектированием музея-заповедника, а их предначертания на месте выполняют четверо рабочих...

Как же сделать, чтобы исторические памятники были доступны, сохранились в порядке, доставляли людям эстетическое наслаждение, воспитывали любовь к Родине да еще приносили доход? Как преодолеть безнаказанность и безответственность в обращении с ними? Вопросы много, и вряд ли мы сможем их решить, если памятниками будут продолжать распоряжаться одновременно несколько организаций, в результате чего у семи нянек дитя без глазу. Далее. Органы охраны памятников в силу подчиненности своего положения (они находятся в ведении местных управлений культуры) часто не отваживаются спорить с вышестоящими инстанциями о судьбе уникальных и гибнущих сооружений. Поэтому то и необходимо создание самостоятельной структуры надзора. И немедленно! Нужны организационные, правовые и иные реформы для коренной перестройки этого дела. Может быть, стоит обсуждение такого рода провести всенародно и печатно. Срочно пора принять государственные меры и укрепить общественные, чтобы начать лечить застарелую болезнь.

А. Н. КИРПИЧНИКОВ,
доктор исторических наук,
заведующий отделом
славяно-финской археологии
Ленинградского отделения
Института археологии АН СССР

Более решительными мерами нужно бороться с безотцовщиной, с прогрессирующей тенденцией отречения молодых матерей от собственного ребенка. Возведение комфортабельных детских домов не главный путь. Это средство борьбы со следствием, а не с причиной. Я голосую за предложение материально наказывать (вплоть до привлечения к принудительным работам) тех,

Командир части полковник В. И. Янковский. Последний рапорт: «Приказ Родины выполнен!»

«ЗАКРЫТЫЙ» МУЗЕЙ. КОМУ СЛУЖАТ ЕГО ЭКСПОНАТЫ? ● А. РЫБАКОВУ — ЧИТАТЕЛЬСКОЕ ПРИЗНАНИЕ ● КТО В ОТВЕТЕ ЗА ТРАГЕДИЮ 1933 ГОДА? ●

кто бросил ребенка или лишен родительских прав. Пусть платят 25 процентов заработка на алименты за каждого отданного на воспитание государству малыша. Не из благотворительных пожертвований, а из алиментов за брошенных детей в основном и должен состоять Детский фонд.

А. СОЛОВЬЕВ,
научный работник
Киров

Это было, в конце апреля 1938 года в Магнитогорске. Вызывает меня, молодого инженера-строителя, начальник стройуправления и говорит: «Нужно установить монумент товарищу Сталину перед зданием комбината. Работа очень ответственная, фигура отлита в Ленинграде, из чистой бронзы и весит семь тонн. Если все благополучно пройдет, то зачтется заодно и выполнение плана. Считаю, премия в кармане. Если не установим, то сам понимаешь, чем это может обернуться...»

Крана в стройуправлении не было, и дали мне экскаватор. Собрал бригаду монтажников, рассказал о цели работы, о сроках. Рабочие испугались: «Вдруг уроним, это же Соловьями пахнет. Вот прораб Забелин как узнал, так и заболел, и начальник участка Палагин слег. Ты парень молодой еще и не понимаешь, за что взялся...»

Решил поговорить с мотористом, который будет непосредственно поднимать фигуру. А он мне: «Подъемная сила моего агрегата всего семь тонн, если разобью, мне верная «вышка». Моторист был из спецпереселенцев (раскулаченный, значит), и понять его можно. Словом, все боялся, а начальство как ветром сдуло!

Понял, что дело серьезное, и не поднимать тоже нельзя — приказ и в диверсии обвинят. И решил я поднимать с подстраховкой. Приподнять фигуру на 30 сантиметров и подложить шпальную клетку: если что и произойдет, то фигура «сядет» на клетку, а растяжки не дадут ей упасть. Обвязали тросами, начали подъем, а фигура идет и идет с наклоном. Строповали, строповали и завязали трос за шею, и пошла она вертикально. Тут подходит ко мне человек с петлицами НКВД и запрещает подъем: «Вы отдаете себе отчет? Снять стропы с шеи немедленно!» Пришлось подчиниться. Изрядно помучились, пока установили фигуру точно по проектной отметке.

Только установили, как появилось все начальство из стройуправления, из «Магнитостроя», городских организаций. Срочно, говорят, надо закрыть памятник до митинга. Я попросил рабочих закрыть его толем. Только начали, а тут опять тот же человек из НКВД: «Зачем черным покрываете, немедленно снять». Погнал я самосвал домой, заставил жену быстро сшить все белое, что было в доме. Вернулся, а тут сам директор Магнитогорского комбината Павел Коробов (знатный металлург, депутат) руку жмет и обещает ордена. Будет, говорит, стоять монумент товарищу Сталину в веках!

С этого памятного дня прошло ровно 50 лет, была война, горе, поте-

ря близких, но того дня мне не забыть. Год назад я приехал в Магнитогорск. Вечером мы сидели со старым другом, вспоминали прошлое, историю с памятником. И вдруг он разоткровенничался и передал слова начальника моего СУ, сказанные полвека назад: «Я специально его поставил поднимать памятник, у него отец репрессирован. Если что случится, начальство решит, что уронил нарочно, а поднял — так можно не награждать...»

Даже мы, пережившие то время, так мало знаем о нем...

Александр Данилович ВЬЯСКОВ,
ветеран труда
Москва

«Самым популярным за исследуемые полтора года автором стал А. Рыбаков: ему отдано наибольшее количество читательских голосов, требующих издать роман книгой в первую очередь и большим тиражом. «Дети Арбата» — самое читаемое произведение последнего года, событие не только литературной, но и общественной жизни» — это цитата из статьи «Что мы читаем», опубликованной в № 1 за этот год в «Литературном обозрении». Старшие научные сотрудники Института книги при Книжной палате Л. Гудков и Б. Дубин, специалисты, социологи, которые профессионально, на основе научных методов изучают читательский спрос, говорят нам: «Прежние «чемпионы» «теряют очки», например, В. Пиккуль — год назад бесспорный лидер читательских предпочтений — переместился в конец десятки, а такие авторы, как Ю. Семенов, А. Иванов, Вал. Иванов, П. Проскурин и другие, просто выпали из списка лидеров... Разве не отрадно узнать, что вслед за Рыбаковым «следует Булгаков и уж потом, с известным отрывом, Ахматова, Твардовский, Бех, Дудинцев, Гранин, Пастернак, Платонов, Высоцкий, Цветаева и многие другие».

Вот они, золотые, бессмертные имена нашей литературы! Все мы знаем, что процесс их возвращения не был безличным: они вернулись благодаря сподвижникам, выдержавшим, быть может, неравную борьбу с теми, кто вычеркивал эти имена, отодвигал их. Мое мнение — настало время честно поведать о первых и о вторых.

Виктор КРИВОНОС,
кандидат технических наук
Старый Оскол Белгородской области

С 1 января этого года в Грозном введены талоны на сахар (1,5 кг на человека в месяц). Нигде об этом не было объявлено, никто из местного руководства не удосужился выступить на эту тему, да и к чему — их эта мера не касается. Кстати, уже в течение нескольких лет у нас действуют талоны на масло (0,5 кг в месяц). Принятие этой меры также никто не объявлял, и никто не объяснил ее введение.

О сахаре можно догадаться — борьба с самогонноварением. Но спекулянты немедленно отреагировали на «сахарные» талоны — с черного хода магазинов и прямо на улицах города с автомобилями можно приобрести сахар по цене 55–60 рублей

мешок (50 кг). А что будет летом, когда начнется заготовка компотов, варенья и т. п.?

Вот какие последствия имеет «эта борьба», только не ясно, в чью она пользу. Как видите, страдают честные люди.

Ю. И. ЕКИМОВ
от имени 87 коммунистов
парторганизации при Доме офицеров
Грозненского гарнизона

В 1932 году мне было 19 лет. В 1937 году окончил исторический факультет Киевского пединститута. Я бывал на полях Кировоградской и Киевской областей, где созрел высокий урожай, и смею утверждать, что в 1932 году на Украине никакой сильной засухи не было. Однако из-за грубых нарушений ленинских принципов коллективизации и в силу других причин крестьяне уклонялись от вступления в колхоз. Земля же их тем не менее была обобществлена и оказалась необработанной. Глубоко уверен, что Сталин костлявой рукой голода пытался заставить мужика идти в колхоз и работать за почти неоплачиваемые трудодни.

Заранее спланированный голод и искусственное манипулирование переписями 30-х годов, чтобы скрыть количество умерших и зачислить мертвые души в качестве живых, — вот одно из трагических последствий сталинизма.

Я уже упомянул, что к 1932 году мне было 19 лет. Но я переростком ходил в школу в другое село. По дороге в степи видел лежащих людей, мертвых или умирающих от голода. Они шли невесть куда в поисках пищи, но, не находя ее, по дороге умирали. Села Степанки, Вергуны, Бузюков, как и другие села Черкасского района, буквально опустели. Мне доподлинно известно, что то же самое происходило и в Запорожской, Кировоградской, Житомирской и других областях Украины. И все это результат так называемой выкачки хлеба.

Как практически эта выкачка осуществлялась? Вот один пример.

...Шел февраль 1933 года. Директор школы в Степанках, где я учился, Федор Иванович Чигирик вызвал меня и ученицу Анастасию Бровую (она еще жива) в кабинет: «Пойдете сегодня вечером к Макару Хандусь, там собирается комиссия, которая будет работать ночью по хлебозаготовке. Вы будете в этой комиссии от школы». Трое мужчин во главе с Макаром и нас двое подростков зашли в домик, в котором проживали совсем старые дед с бабушкой и внук 3–4 лет. Родители его невесть куда выехали. Макар сразу же грубо предложил деду сдать зерно. Дед ответил, что нет у него. Зерна действительно не оказалось. Тогда члены комиссии отправились в сарай и нашли припрятанный клунок ржи — килограммов двадцать. Дед стал на колени и начал просить: «Сыночки, оставьте... Он же умрет от голода». На санках в три часа ночи зерно увезли. Дед с бабушкой и внуком скоро умерли с голоду.

Хлеб изымался до последнего килограмма. Причем эта дикость прикрывалась лозунгом, рожденным

в совершенно иных исторических условиях: «Борьба за хлеб — борьба за социализм». Миллионы обездоленных и голодных молча умирали. Если же кто-либо выражал возмущение, на него немедленно сыпались репрессии.

Повторяю, это наша история, одна из трагических ее страниц. Я глубоко убежден, что не было фатальной неизбежности этого голода, его можно было избежать, но для этого надо было строго руководствоваться ленинским идейным наследием в вопросах социалистического преобразования в сельском хозяйстве. Для этого требовалось своевременно изменить сталинское руководство в Политбюро. За трагедию 1933 года ответственность перед историей несут не только Сталин, но и другие члены Политбюро, на которых он опирался.

И. М. ХМИЛЬКОВСКИЙ
Черкассы

Много уже прошло времени, как я прочитал интересную статью Л. Шерстенникова «Спутники славы воинской» (№ 50 за 1987 г.), но все-таки решил написать. Главное, конечно, не интеллигентские курьезы. Смею уверить, что мое самочувствие как участника Парада Победы было преотличным, хотя мой мундир был пошит из обыкновенной ткани. Главное для меня то, что экспонаты, о которых написал автор статьи и которые снова погрузились во мрак после показа ему, недоступны для широкой, нормальной музейной демонстрации. Речь идет, увы, о «закрытом» музее. А жаль, очень жаль...

В связи с этим мне вспомнилось одно давнее происшествие. Совершенно случайно я оказался на территории подмосковного гарнизона, в котором были вещевые склады Министерства обороны и музей военной одежды. Когда-то в музее были даже научные сотрудники, которые вели исследовательскую работу, принимали экскурсии из близлежащих домов отдыха. Потом штаты сократили, и остался единственный смотритель. Что же я увидел в сокращенном от посторонних глаз музее? Образцы (на манекенах) солдатской, офицерской, генеральской одежды, вероятно, от Александра Невского до Октября, и отдельно — после Октября, другие воинские атрибуты, свидетельствующие о славе Российского государства, его боевой мощи. Вот только не было ответа на вопрос: почему музей не сделали доступным для свободного осмотра, почему такой верный инструмент истинно патриотического воспитания буквально спрятан в нафталине? Неужели нельзя открыть в Москве скромный, но тем не менее очень нужный музей, располагая готовыми, спрятанными от нас сегодня, интереснейшими экспонатами?

А. МАЙОРОВ,
доктор технических наук
Москва

Наш адрес:
101456,
ГСП, Москва,
Бумажный
проезд, 14

БОЛЬШЕ СОЦИА

«А где гарантии, что это «окно в правду», «окно в демократию» не захлопнут опять, как уже было в 60-е годы? Где гарантии, что через годик-другой не изымут из библиотек эти очень смелые номера вашего журнала, а также Гроссмана, «Доктора Живаго», «Детей Арбата», «Котлован», «По праву памяти»? (Дмитрий Соколов, Ленинград)».

«Если гласность и демократию нам дали сверху, то их — сменись руководство — могут и забрать (А. К. Свищук, Рига)».

Это цитаты из писем. И, чего греха таить, подобные мысли многих из нас время от времени посещают.

Горький опыт поворотов вспять — в ложь, в лицемерие, страх, угодливость, к приказу, команде и неизменному «слушаюсь!», к «вам не стоит влезать в это дело, если не хотите неприятностей», к грифам секретности, к глухо закрытым дверям и плотно сжатым губам — «тс-с-с», к чьим-то слишком чутким ушам, к «чуждому», «вредительскому», «тлетворному»... Оттого и опасение, что «оттепель» может снова смениться страшными морозами и буранами. Оттого и хочется воздвигнуть крепость гарантий...

Журналы «Огонек» и «Рабочий класс и современный мир» решили собрать видных обществоведов, дабы обсудить столь наболевшую проблему: как обеспечить необратимость перестройки, демократизации. Дать, наконец, слово ученым — не это ли главная задача сегодняшнего дня?

Ведь слишком долго мы работали в условиях, когда идеи спускались сверху, снабженные номером и печатью, а снизу поднимался исключительно лес рук, затопляемый волнами энтузиазма.

Преодоление этой ориентированности на «указание» — одна из целей перестройки.

Кто станет всерьез утверждать, что наука бесстрашна? «Дайте мне точку опоры, и я переверну мир» — уже в этой архимедовой фразе точность научной формулы легко уживается с полемической страстностью.

«Точку опоры» искали и участники «круглого стола». Рассчитанная на несколько академических часов, встреча социологов, экономистов, правоведов, философов, историков длилась без малого два рабочих дня. Разговор был страстным и несколько сумбурным, и это понятно: участники беседы еще не успели создать о перестройке научные трактаты.

Они, как и мы, идут по горячим следам. Нам кажется, здесь важен не только результат беседы за «круглым столом», не только конечный вывод — его еще предстоит сделать, — но и сам ход разговора.

Стенограмма встречи заняла бы весь номер «Огонька» от первой до последней страницы, и мы приводим лишь отдельные фрагменты разговора.

Представляем участников:
доктор философских наук,
главный редактор журнала
«Рабочий класс и
современный мир»
Игорь Константинович
ПАНТИН,
научный сотрудник
Юрий Федорович КАРЯКИН
(Институт международного
рабочего движения АН СССР),
доктор исторических наук
Евгений Григорьевич ПЛИМАК
(ИМРД АН СССР),
доктор исторических наук
Леонид Абрамович ГОРДОН
(ИМРД АН СССР),
доктор юридических наук
Борис Павлович КУРАШВИЛИ
(Институт государства и
права АН СССР),
доктор философских наук
Григорий Григорьевич
ВОДОЛАЗОВ
(руководитель кафедры
Академии общественных
наук при ЦК КПСС),
доктор исторических наук
Вилия Гдаливич ГЕЛЬБРАС
(ИМРД АН СССР),
кандидат экономических наук
Юрий Самойлович МАРХАШОВ
(журнал «Рабочий класс и
современный мир»),
доктор экономических наук
Юрий Алексеевич ВАСИЛЬЧУК
(Институт мировой
экономики и международных
отношений АН СССР),
доктор философских наук
Борис Андреевич ГРУШИН
(заместитель директора
Всесоюзного центра
изучения общественного
мнения при ВЦСПС и
Госкомтруде СССР),
доктор философских наук
Владимир Николаевич
ШУБКИН
(ИМРД АН СССР),
кандидат психологических
наук
Леонид Яковлевич ГОЗМАН
(МГУ),
доктор исторических наук
Эдуард Викторович КЛОПОВ
(заместитель директора
ИМРД АН СССР).

И. К. ПАНТИН: Проблема гарантий, проблема необратимости перестройки волнует людей, страну. Вспомним слова Маркса о том, что творить мировую историю было бы, конечно, очень удобно, если бы борьба велась только при условии непогрешимых шансов. «Непогрешимых шансов» у сторонников перестройки нет. Дело даже не в прямом, открытом сопротивлении, хотя и оно при определенных условиях способно обрести политическую форму. Более распространенное — сопротивление совсем иного рода: хотя задачи перестройки были четко определены партией, в выступлениях Михаила Сергеевича Горбачева, однако в жизни мы находим подчас разное, иногда даже просто противоположное понимание самих задач перестройки, ее характера и исторических рамок. Значит, по-разному понимаются и методы ее практического осуществления. В этом смысле борьба уже развернулась. Конечно же, большинство поддерживает перемены, но сегодня, на мой взгляд, речь должна идти о препятствиях, стоящих на пути перестройки, включая и такой фактор, как стремление определенных слоев нашего общества вернуться к гарантированному и молчаливому спокойствию жизни, лишенной событий и движения.

И еще об одном препятствии. Наши люди вынуждены были притерпеться ко всему: ко взяточничеству, лихоимству, карьеризму, воровству, но не привыкли к социальным издержкам, которые сопутствуют любому крупному преобразованию. А ведь именно на них пытаются сыграть серьезные враги перестройки. Да, да, серьезные, реальные враги, которые отошли сейчас в сторону, но выжидают своего часа.

В. Г. ГЕЛЬБРАС: Будем думать, будут абсолютно все гарантии перестройки уже созданы, и дело, дескать, теперь лишь в том, чтобы каждый с полной отдачей работал на своем месте?

И. К. ПАНТИН: А не вернее ли говорить о том, что история вообще никогда не предоставляет гарантий? Вот привыкли мы жить с уверенностью в будущем, привыкли гарантированно, с уверенностью шествовать вперед, в светлое завтра — и никак иначе...

Л. А. ГОРДОН: Я бы сказал так: гарантии нам нужны, но уверенность в гарантиях вредна. Мы должны, наконец, забеспокоиться, зашевелиться! Как писал Гете: «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идет за них на бой». Это особенно важно понять сторонникам демократизации общества, потому что пока получается так: далеко не прогрессивные силы, вроде «Памяти», оказываются и лучше организованы, и более самоотверженны.

В. Г. ГЕЛЬБРАС: Конечно, живая жизнь ломает любые трафареты, опровергает любые прогнозы. Но вот смысл, направление и цель перестройки надо представлять себе как можно четче. Скажем, если мы с сегодняшним опытом, с сегодняшних позиций не осмыслим толком, что же все-таки есть подлинный социализм, то не свернем ли мы снова влево или вправо?

И. К. ПАНТИН: Это бывало в истории.

В. Г. ГЕЛЬБРАС: Да, к сожалению. Мы должны, наконец, определить для себя, почему же некоторые нормы и представления, выработанные марксизмом, оказались в свое время отрицательными. Как можно оперировать марксизмом, выступать от имени марксизма, посягая на основы основ этого учения? Но так же было!

Убежден: гарантий нет и не будет до тех пор, пока общество и партия не разобрались во всей совокупности причин, породивших культ личности, а затем и механизм торможения. Маркс говорил в одном из предисловий к «Капиталу»: «Мы страдаем не только от живых, но и от мертвых». Не уяснив уроков прошлого, мы не разомкнем хватку своих мертвецов. Прежде всего необходимы гарантии от «целого ряда унаследованных бедствий», если опять-таки воспользоваться словами Маркса.

МОЖНО ЛИ НАЧАТЬ С ЧИСТОГО ЛИСТА?

Л. А. ГОРДОН: Социализм, как и любой другой общественный строй, имеет множество форм экономического и политического развития. Сегодня это хорошо видно из разнообразия социалистических порядков, образно говоря, от Берлина до Пекина.

Вдумаемся: при всем огромном авторитете Ленина в партии не было съезда, на котором не выступали бы его оппоненты, на котором бы его не критиковали. А Сталин был обожествлен, и никому в голову не приходило хоть в малости подвергнуть сомнению правоту вождя. Брежнев по меньшей мере обожествлен не был, но высказать свое критическое отношение никто не осмеливался.

С конца 20-х годов внутри партии шла ожесточенная борьба по поводу путей социалистического развития. Обсуждался вариант соразмерного, пропорционального и потому не слишком стремительного развития. В резолюции XV съезда, принятой по докладом Рыкова и Кржижановского — о директивах по пятилетке, — формулируются три цели: индустриализации как таковой; повышения благосостояния народа; социального развития и кооперирования деревни на добровольной основе. Причем подчеркивается, что эти цели равнозначны, что надо так развивать экономику, чтобы само народное благосостояние, его рост создавали бы рынок для промышленности, что не следует ускорять преобразование деревни путем чрезвычайных и неэкономических мер: выкачивания из нее средств, принуждения, форсированной коллективизации. Раздавались голоса, что развитая легкая промышленность даст на рынок хорошие товары, которые крестьяне захотят купить, а значит, и захотят — по доброй воле — продавать хлеб. Тогдашние крупные экономисты, впоследствии объявленные врагами и потому на долгие десятилетия «исключенные» из советской науки и нам до последнего времени неизвестные, — Чаянов, Кондратьев — четко все это доказывали. К их идеям нам еще не раз придется возвращаться.

Согласно этому плану весь хозяй-

ЛИЗМА!

МЫ СТРЕМИМСЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ ВОЗРОДИТЬ ЛЕНИНСКИЙ ОБЛИК НОВОГО СТРОЯ, ОЧИСТИТЬ ЕГО ОТ НАСЛОЕНИЙ И ДЕФОРМАЦИЙ, ОСВОБОДИТЬСЯ ОТ ВСЕГО ТОГО, ЧТО СКОВЫВАЛО ОБЩЕСТВО И НЕ ДАВАЛО В ПОЛНОЙ МЕРЕ РЕАЛИЗОВАТЬ ПОТЕНЦИАЛ СОЦИАЛИЗМА.

Из речи Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. ГОРБАЧЕВА на февральском (1988 года) Пленуме ЦК КПСС.

ственный механизм предполагалось строить экономическими методами, на основе рынка. Поэтому дело иначе и не мыслилось, как в рамках ленинского представления о нэпе, который вводился «всерьез и надолго». Все это в свое время было названо «правым уклоном».

Сегодня мы видим, что подобные варианты социалистического строительства вполне возможны. Пожалуй, в Югославии после краткого периода военного коммунизма социализм строится без коллективизации крестьянского хозяйства, с широким развитием рынка и товарно-денежных отношений. В Польше практически никогда не было коллективизации. В Венгрии роль рынка резко возрастает. А в Китае?..

Второй вариант, обсуждавшийся в конце 20-х годов, — «сталинский». Это стратегия форсированного развития, где одна из целей — индустриализация — объявляется главной, приоритетной. Считается, что без этого страна погибнет, и все подчиняется этой цели, приносится ей в жертву. Был ли неосуществленный вариант лучше? Трудно сказать, но высокие показатели были заложены и в его планах, мощь страны определенно росла бы. Во всяком случае, он не потребовал бы таких жертв, какие принесла форсированная индустриализация. Да и сейчас бы мы имели совсем иную экономическую ситуацию... А вот был ли этот так называемый «правый», «бухаринский» вариант возможен в конкретных условиях того времени? Не знаю, это тема для отдельной сложнейшей дискуссии, и боюсь, что окончательный ответ тут невозможен. Но для понимания сегодняшней ситуации важнее другое: так или иначе выбор был сделан именно в пользу форсированной стратегии.

Форсированное развитие означало сведение на нет товарно-денежных отношений. В этой системе решающим условием становилась неукоснительная дисциплина: подчинение команде и ее выполнение. Потеря инициативы для нее тяжела, но переносима. Потеря дисциплины в рамках этой системы означает катастрофу. А необходимость поддержания железной дисциплины толкает к установлению авторитарных методов управления страной. Форсированная индустриализация предполагает также резкое снижение уровня жизни. Здесь многое можно сделать с помощью убеждения. Многие, но не все. Уместно перефразировать известный афоризм Линкольна и сказать: можно убедить жить в чрезвычайных условиях некоторое время все население, можно убедить некоторую часть населения жить всю жизнь в таких условиях, но нельзя только убеждением добиться того, чтобы в тяжелых условиях все население огромной страны жило всю жизнь. Так экономический выбор ведет к выбору политическому. Демократический централизм оказался потеснен централизмом авторитарным, недемократическим.

И. К. ПАНТИН: Но ведь тут не один только выбор форсированного развития послужил причиной. Это, конечно, главная причина, но было еще что-то, отчего стрелка «исторического барометра», так сказать, все время показывала на культ.

Л. А. ГОРДОН: Ленин еще в 22-м году писал о том, что пролетарская политика партии (а демократический централизм безусловно является неотъемлемой частью пролетарской политики) держится авторитетом тончайшего слоя старой партийной гвардии. Это были несколько тысяч человек, прошедшие еще дореволюционную выучку, проникнутые ценностями внутрипартийной демократии и оказывавшие нравственное, моральное влияние на всю партию. А основная масса партии и партийного актива состояла из людей иной культурной среды. Это была преимущественно молодежь, пришедшая, вернее, прискакавшая к политической жизни на конях гражданской войны, увлеченная огненной красотой революционной романтики. В ощущениях этих людей политика от военного дела ничем особенно не отличается, и чем стремительнее будет раздвинута «контра», и вообще любой враг, тем дело будет лучше. Слушать команду для них было естественнее, чем проходить школу самостоятельного принятия решений, самостоятельной выработки какой-то позиции.

Одновременно в ходе форсированной индустриализации ослабли и социальные силы, которые могли бы сопротивляться становлению авторитаризма. Ведь главной такой силой было пролетарское ядро рабочего класса, у которого десятилетиями вырабатывались традиции пролетарского демократизма. И умение постоять за свои интересы, и непочтение к бюрократии, и умение с ней бороться. Но форсированная индустриализация означала не только увеличение в три-четыре раза производства стали, электроэнергии и танков, она одновременно означала ускоренное создание многочисленного рабочего класса. В 1928 году в стране было 8—9 миллионов рабочих, в 1940-м — 24 миллиона. Рабочий класс вырос в три раза! Такой стремительный рост шел не на основе, так сказать, естественного воспроизводства, а за счет притока извне, главным образом за счет деревни. Окрестьянивание рабочего класса неизбежно влекло ослабление его пролетарского ядра и потерю им демократических традиций.

Е. Г. ПЛИМАК: Иногда говорят, что авторитарный режим сам по себе — не всегда такая уж скверная вещь. Он может быть, условно говоря, «правильным», он не обязательно связан с беззакониями и массовыми репрессиями.

Л. А. ГОРДОН: Но беда заключается в том, что в условиях форсированной индустриализации, в условиях административно-хозяйственной экономики такой «правильный» авторитарный режим крайне неустойчив. Он нестационарен: либо возвращается назад, к демократическому централизму, либо, что бывает гораздо чаще, вырождается в режим с серьезнейшими элементами произвола. Когда экономика включает в себя и независимые производственные единицы, когда есть не зависящие от государства экономические субъекты, когда развитие экономики зависит больше от рынка, чем от государственной власти, тогда есть препятствие для неограниченной власти отдельных личностей. Когда же экономика по-

строена на административно-хозяйственной основе, то она как бы подыгрывает авторитарному режиму, отключает у него тормоза, и он скатывается к произволу.

Прибавьте еще личные «заслуги» Сталина и его окружения — и станет, в первом приближении, понятно, почему в нашей стране произошли именно такие политические деформации.

Э. В. КЛОПОВ: Этот деформированный режим нанес гигантский вред самой социалистической идее. Но я хочу сказать и о другом. Буквально катастрофические последствия имеет то, что Сталин сумел придать этому режиму некий ореол теоретической, идеологической марксистской обоснованности.

Л. А. ГОРДОН: Это поразительно, как он владел магией формул, чувствовал, какими словами можно «взять» души молодых партийных активистов, полных веры и энтузиазма, но не владевших еще глубинами марксистской политической культуры. Сталин выдвигал идеи, выглядевшие для политически не слишком искушенных, а то и не очень грамотных людей «вполне» марксистскими, хотя по сути они прямо противоречили взглядам Маркса и Ленина, противоречили сущности социализма. Так, Ленин видел идеал в том, чтобы управление осуществлялось не только «для трудящихся», но и «через трудящихся». Сталин же с первых лет Советской власти представлял идеал управления как хорошо отлаженную деятельность аппарата. «Страной», — говорил он в 1920 году, — управляют на деле не те, которые выбирают своих делегатов в парламенты при буржуазном порядке или на съезды Советов при советских порядках. Нет. Страной управляют фактически те, которые овладели на деле исполнительными аппаратами государства, которые руководят этими аппаратами».

С подобным, в сущности антидемократическим, пониманием государственности вполне согласуется сформулированный в те же годы сталинский подход к определению характера Коммунистической партии и ее роли в советском обществе. В соответствии с его представлениями коммунистический авангард рабочего класса — это вовсе не массовая и демократическая организация, слитая с жизнью трудящихся, открытая и доступная для них. Как записал Сталин в своих заметках 1921 года, партия составляет «своего рода орден меченосцев внутри государства Советского, направляющий органы последнего и одухотворяющий их деятельность». Характерно, что при жизни Ленина Сталин не стал публиковать этот свой теоретический вывод. Он был предан гласности только в 1947 году, в пятом томе его сочинений, страница 71. В это время «корифей марксизма» считал, что соотечественники примут любое его суждение.

Э. В. КЛОПОВ: В массовом сознании произошло сращивание конкретной формы авторитарного режима с общей идеей социализма. И в умах поколений, в умах большинства практиков, хозяйственников, политиков, в чем-то еще сегодня определяющих судьбы нашей страны, конкретные особенности наше-

го развития в 30—40-е годы приобрели черты общесоциалистические, стали единственно возможной сущностью социализма вообще и социалистической политики в частности.

Л. А. ГОРДОН: После разоблачения культа Сталина и неудавшейся реформы 60-х годов авторитарный централизм переродился в такой, я бы сказал, авторитарно-бюрократический централизм, основные структуры которого существуют до сих пор. А так как экономическая система до последнего времени не допускала существования независимых экономических субъектов, то сохранялась и возможность реставрации авторитарного управления и повторения любых эксцессов. Отсюда и ощущение, что отсутствуют гарантии необратимости перестройки.

В. Н. ШУБКИН: Я считаю, что проблема форсированной индустриализации была искусственной, искусственно нагнетаемой. Самую идею сверхиндустриализации выдвинул, как вы знаете, не Сталин, а Троцкий. Потом Сталин, как он часто поступал, прибрал эту идею к рукам. Еще академик С. Г. Струмилин писал, что троцкисты предлагали осуществлять индустриализацию страны за счет разорения крестьянства, и хотя такая политика была формально осуждена, но она проводилась вплоть до 1953 года... Да и те, кто в конце пятидесятых призывал за несколько лет обогнать Америку по производству мяса, молока, масла на душу населения и установил на эти продукты цены, сделавшие их производство нерентабельным в масштабе всей колхозной системы, — эти люди поставили крестьянство, все наше сельское хозяйство перед серьезнейшими испытаниями.

Б. П. КУРАШВИЛИ: Есть два типа управления. Чрезвычайное управление — в условиях, когда страна находится в критическом состоянии, и управление нормальное — когда реализуются коренные свойства данного общественного строя.

Что касается чрезвычайного управления, то оно более или менее одинаково при любом общественном строе. Оно всегда связано с усилением принудительных мер, с жесточайшей дисциплиной, с большим или меньшим культом первого руководителя. Так вот, если требуется чрезвычайное управление, то никакое морализаторство не спасет. Объективная необходимость формирует жесткую систему.

Как раз так у нас и было. Был бы Сталин, не было бы Сталина, — у нас период чрезвычайного управления, я убежден, был необходим. Потому что нельзя было не осознать того, что осознал Сталин: «Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут». Сказано это было в феврале 1931 года! Магическое совпадение или предвидение?.. Конечно, можно спорить о том, что продолжение нэпа дало бы те же результаты, — этого мы не

Продолжение на стр. 18.

— Подождите меня, я скоро вернусь!..

Из окон его квартиры на шестом этаже виден старинный особняк. В клумбово-скамеечном полукружье — сидящая фигура классика. Когда смотришь вниз из-за гардин, упираешься в Льва Толстого... ..Неожиданно его вызвали в высокую инстанцию, очень высокую, и мы прервали наш разговор. Два часа просидел я в его рабочем кабинете. Но времени даром не терял.

Грамота о присвоении звания Героя Социалистического Труда. Подпись: Н. Подгорный. Под стеклом сверкающие в утренних лучах медали, знаки отличия

Портреты писателя, маслом. На фотографии — создатели Государственного Гимна Советского Союза. Среди них — мой собеседник.

В овальной рамке Лафонтен, чуть поодаль Иван Крылов.

Резьба по кости. На сюжеты его басен. На мамонтовом бивне. Бивню — двадцать миллионов лет. Басням — сорок. «Дальновидная Сорока», «Енот, да не тот», «Нужный Осел».

Картины художника П. Кончаловского — его тестя, В. Сурикова — деда жены.

На письменном столе — фотография Ленина.

Грамоты о почетном гражданстве в Пятигорске, Георгиевске, Габрове... Улыбающиеся, знаменитые на весь белый свет сыновья-режиссеры.

Книжные шкафы. Десятки названий: собрания сочинений, объемистые сборники, тонюсенькие копеечные малышки. Прикинул общий тираж: почти двести миллионов экземпляров. Прикинул...

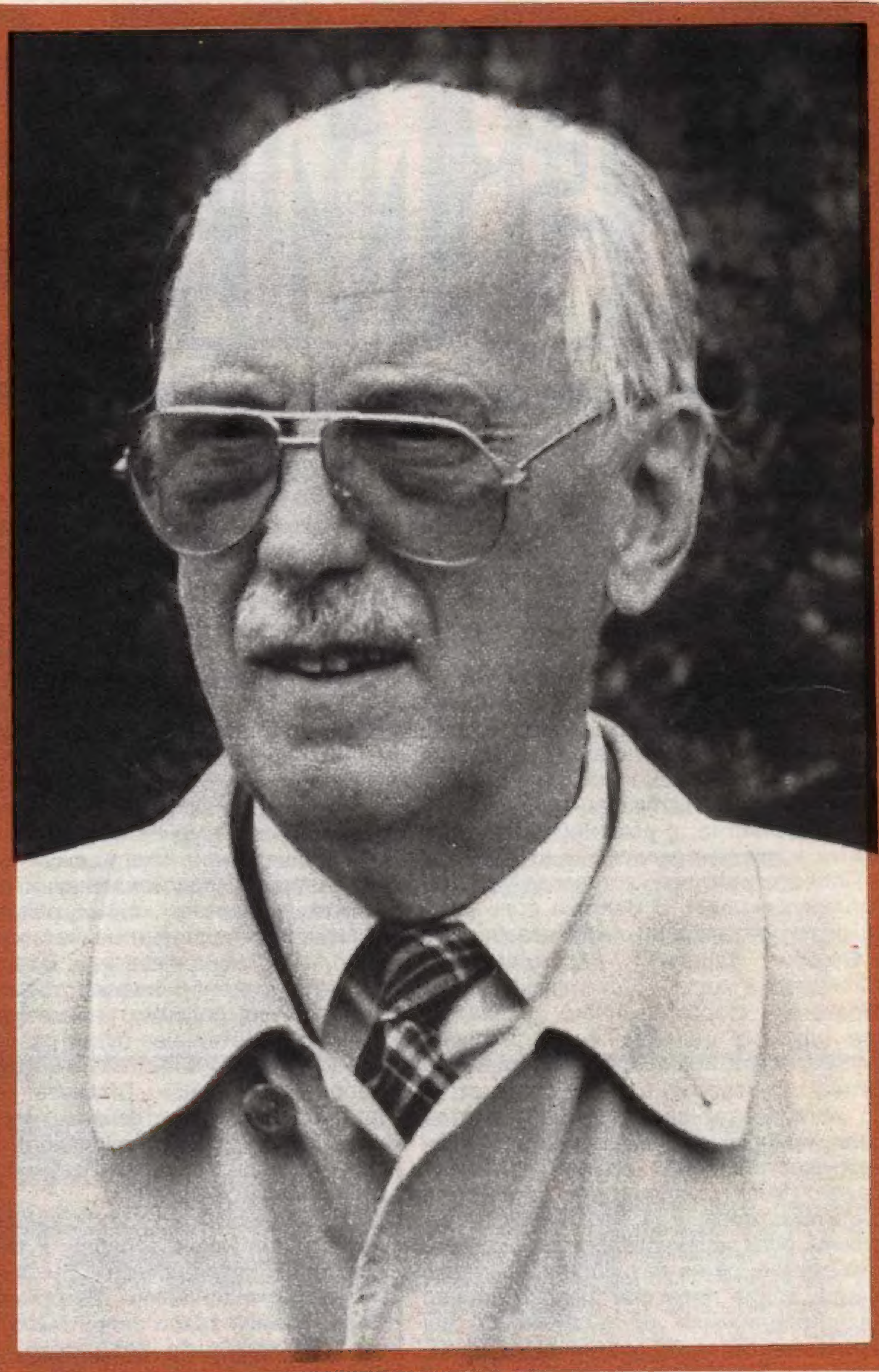
Родословное древо. Истоки в XV веке. Это не шутки. Одна из древнейших русских фамилий. Воеводы, служивые люди, дьяки, стольники, воины — защитники отечества. Дворянство...

В углу — огромные дорожные чемоданы. Хозяин их легок на подъем.

Сегодня Грозный, завтра Париж.

Над дверью элементарная железная подкова. Символ удачи? Возможно, помогает.

— В этом кресле, — говорит Полина Николаевна (она ведет дом давным-давно и помнит хозяина всегда знаменитым), — любит сидеть наш классик... И тут раздался звонок в дверь.

ШЛЮЗЫ ИЛИ КИНГСТОНЫ?

ШТРИХИ ВРЕМЕНИ И СУДЬБЫ
Разговоры с Сергеем МИХАЛКОВЫМ
специального корреспондента «Огонька» Феликса МЕДВЕДЕВА

Сергей Владимирович Михалков — человек-эпоха. Его биография невероятна. Я не знаю другого в конгломерате людских судеб, жизнь которого была бы так богата. Как распутать перипетии этой человеческой судьбы?! Тронул тонюсенькую ниточку, и потянулось: великое, смешное, трагическое... Сиротство, страсть к литературе, безответные чувства к русоволосой и голубоглазой, звонок из ЦК ВКП(б), Сталин, трагедии, знаменитые шальные друзья...

Невозможно представить наше время, да что там наше — последние полвека — без двухметровой, гвардейской фигуры дяди Степы — Михалкова. И знать стихи Михалкова и не знать их — давно уже стало моветоном. Их знали наши прабабушки и прадедушки, их будут заучивать наши правнучки и правнуки. «Дядя Степа», «Дело было вечером, делать было нечего», «Упрямый Фома» — понятия, навечно прописанные в детской литературе?

Остроумный, невозмутимый, доверчивый, философски на все смотрящий с высоты своего роста и величия — Сергей Михалков. Я был поражен, как однажды он открывал крупнейший международный литературный форум. Публика чинно расселась: наши, не наши, молодые, уходящие, начинающие, великие; повиныли из карманов и «дипломатов» золоченые «паркеры» и двухкопеечные карандаши; деловито пристроили наушники, включили каналы синхронного перевода, замерли и вдруг:

— Ну что, начнем, ребята!

Отец, сын и слуга своего времени, он весь переполнен памятью и парадоксален. Волей-неволей он готовил и нынешние перемены — ну хотя бы своим «Фитилем», одним из оазисов перестройки до перестройки, его лакмусовой бумажкой.

Он ошибался, и он находит мужество сегодня не скрывать этого. Да, ошибался, точнее сомневался, правильно ли поступал в том или ином случае. Успокаивало то, что, если поступил бы иначе, его бы просто не поняли. Наивно?

Да. Но честно. Не скрывает. В позорные дни позорной вакханалии вокруг Бориса Пастернака был с большинством. Одобрял, голосовал. Давно уже понял, что не надо было так поступать. Это честно, ибо некоторые до сих пор не поняли.

Добрый по натуре, участливый, он всегда считал себя обязанным доброжелательно вмешиваться в людские судьбы, если верил, что человек несправедливо обижен или если человеку необходима немедленная помощь. Использовал для этого все: служебное положение, депутатские возможности, свою популярность, свое имя, наконец — чтобы помочь, выволить, облегчить. Лекарства, квартиры, издания, членство, билеты, выезды — о чем он только не хлопотал. «Вертушка» ему не нужна: он снимает трубку, называет себя, и с ним разговаривают министры, недоступные для простого смертного столоначальники. Он никогда не робел перед вышестоящими чинами и чиновниками, разговаривал с ними независимо: за плечами богатая школа обще-

ния с людьми, облеченными властью.

Сергей Владимирович Михалков. Вот он уверенно, неторопливо шагает по Москве. Его все знают и узнают. Сверхпопулярность?

Его можно любить. Его можно ненавидеть. Он прощает. Хочет снисходительности и к себе. Позади и счастливая, и драматическая судьба. Нелегкая ноша служения своему времени.

Но он пришел к нам «через головы поэтов и правительств».

Мои вопросы к Сергею Михалкову были самыми элементарными: «когда?», «с кем?», «где?», «за что?», «почему?», «знал ли?», «участвовал ли?», «сомневался ли?», «верил ли?». Меня интересовали ответы. А комментарии и вопросы к ответам — за читателями. Пусть думают.

— Однажды на пресс-конференции в Италии меня спросили: «Почему вы, известный при Сталине человек, уцелели? Давид Кугультинов был репрессирован, а вы — нет?» Я ответил: «Даже самые злостные браконьеры не могут отстрелять всех птиц».

В отличие от судеб других литераторов моя жизнь действительно складывалась благополучно, хотя каждый из нас ходил по острию ножа. А теперь мы знаем, что неприкасаемых во времена культа личности не могло быть. Многие выдающиеся полководцы, государственные и партийные деятели, крупнейшие хозяйственники, видные мастера культуры безвинно пострадали в тюрьмах и лагерях.

Мне кажется, что жизнь человека состоит из цепи случайностей. Оглядываясь с высоты 75 лет на прошлое, перебирая в памяти события своей жизни — на глазах у людей, вобравшей все перипетии нашей эпохи, я всерьез думаю о банальной вещи — о его величии в случае.

Мой отец, выходец из русской дворянской семьи, один из основоположников советского промышленного птицеводства, автор многих работ по этой отрасли, умер в 1932 году, не успев принять кафедру профессора в Воронежском сельскохозяйственном институте. Умер он в городе Георгиевске от воспаления легких, ему было 46 лет. Я к тому времени уже два года жил в Москве. Сначала работал на Москворецкой ткацко-отделочной фабрике разнорабочим, потом — рабочим геологоразведочной экспедиции в Восточном Казахстане. Писал стихи. Семья наша, пока продолжала жить в Георгиевске, жила чрезвычайно скромно. На меня легла забота о матери и двух младших братьях. Они перебрались в Москву и устроились «на птичьих правах»: все мы разбрелись по родственникам и знакомым.

Но кто знает, как повернулась бы моя судьба, если бы отец был жив? Смог бы он с его происхождением, знанием иностранных языков, с его научным трудом под названием «Почему в Америке куры хорошо несутся», с его дружескими связями не стать «врагом народа»? Маловероятно. А значит, и я не стал бы писателем и вряд ли давал бы сегодня это интервью. Более того, уже начинающим писателем я дружил с Михаилом Герасимовым, Борисом Корниловым, Павлом Васильевым, Ярославом Смеляковым, которых постигла тяжелая участь. Мне, видимо, везло.

— Что значит «везло»? Спасал случай?

— Во многом. Ну вот хотя бы такой пример. Мне безответно нравилась одна девушка. Она училась со мной в Литературном институте имени Горького, который я, к сожалению, не окончил по семейным обстоятельствам — нужно было содержать семью. Работал я тогда в отделе писем газеты «Известия» и уже начал печататься. Так вот, в «Известиях» у меня шло стихотворение «Колыбельная», которое я до сих пор публикую. В клубе писателей я встречаю свою девушку и в шутку говорю: «Хочешь, я напишу сегодня стихотворение и посвящу его тебе, а завтра ты прочитаешь его в «Известиях»? Светлана, так звали мою знакомую, только усмехнулась в ответ. Я же поспешил в редакцию и назвал стихотворение «Светлана». Ну, думал, теперь уж наверняка сердце Светланы будет завоевано.

Но так вышло, что я «завоевал сердце» совсем другого человека. Я был назавтра вызван в ЦК ВКП(б), и ответственный работник С. Динамов мне сказал: «Ваши стихи, молодой человек, понравились товарищу Сталину. Он заинтересовался, как вы живете; не нуждаетесь ли в чем?»

Я поведал о своем неустроенном житье-бытье.

Так благодаря случайным стечениям обстоятельств, в том числе и тому, что дочь Сталина звали Светланой, моя жизнь изменилась. Русоволосая девушка, ради которой «Колыбельная» превратилась в «Светлану», продолжала меня игнорировать...

На меня обратили внимание, мои стихи, опубликованные в журнале «Огонек», перепечатала «Правда».

Чем мы, молодые литераторы, жили в те годы? У нас на устах были слова: Абиссиния, челюскинцы, Испания, германский фашизм, Чкалов, Папанин, Громов... И мы откликались в своих произведениях именно на эти темы, и откликались искренне. Сталин был для нас человеком с большой буквы. Конечно, нас тревожило, что исчезали люди, что кого-то исключают из партии, арестовывают, ссылают, но мы думали, что это наверняка за дело. Разве могли мы не доверять официальной информации? И в то же время каждый из нас после очередного тревожного сообщения, безусловно, чувствовал себя тоже незащищенным.

В 1938 году Александр Фадеев пишет обо мне статью в «Правде». Я тогда был уже автором «Дяди Степы» и по совету Фадеева, Маршака и Чуковского писал в основном для детей.

В 1939 году произошло заметное событие в литературной жизни — первое награждение большой группы писателей. Вместе с С. Маршаком, М. Шолоховым и В. Катаевым меня наградили орденом Ленина. Мне было тогда 26 лет. Как мне казалось, я крепко стал на ноги, а присуждение в 1941 году Сталинской премии за книги для детей, может быть, опять стало для меня своеобразной «охранной грамотой».

22 июня 1941 года я с группой писателей находился в Риге. Услышав рано утром по радио сообщение о том, что нужно ждать другого важного сообщения — выступления Молотова, я тут же сел в поезд и уехал в Москву. Я понял, что вот-вот начнется война, потому что услышал немецкую фразу: «Всем судам немедленно вернуться в порты своей приписки». Случилось неотвратимое. Бомбили станцию Даугавпилс, но наш состав благополучно ее проскочил. Приехал в Москву и встретившей меня около дома матери сказал, что иду в политуправление. До сих пор помню ее слова: «От службы не отказывайся, на службу не навязывайся». 27 июня по предписанию ГЛАВПУРА я выехал на Южный фронт.

— А как вам повезло стать автором Государственного Гимна Советского Союза?

— Да, повезло. И вот как.

Однажды летом 1943 года совершенно случайно узнаю, что правительство приняло решение создать новый Гимн СССР. В тот же день я рассказал об этом Эль-Регистану. На следующее утро ко мне является мой друг и говорит: «Я видел сон о том, что мы с тобой авторы текста Гимна, я даже записал какие-то слова». И показывает гостиничный счет, на котором что-то записано. Так началось и мое участие в создании Государственного Гимна СССР. Комиссия во главе с К. Ворошиловым и А. Щербаковым прочла и прослушала десятки текстов и вариантов музыки. Однажды Ворошилов приглашает нас с Регистаном в Кремль и сообщает: «Товарищ Сталин обратил внимание на ваш текст, будем работать с вами...» Как-то Сталин позвонил мне домой в час ночи, извинился за поздний звонок и сказал, что они слушали Гимн, что впечатление куцее — мало текста, нужен еще куплет. Я спросил: «О чем?» «О нашей армии». «Мы армию нашу растили в сражениях» — так родился этот третий куплет. За время работы мы неоднократно встречались со Сталиным. Вносили поправки по его замечаниям, пока, наконец, текст и музыка не были окончательно утверждены. В ночь на 1 января 1944 года новый Гимн Советского Союза впервые прозвучал по Всесоюзному радио.

Надо сказать, что последнее прослушивание Гимна проводилось в Большом театре, где исполнялись гимны всех стран мира. После прослушивания нас пригласили в ложу правительства — к накрытому столу. Сталин нас встретил и сказал, что по русскому обычаю надо «обмыть» Гимн. Посадили рядом. Здесь же были члены Политбюро: Калинин, Молотов, Ворошилов, Берия, Микоян, Хрущев, приехавший с Украи-

ны, другие товарищи. Мы находились в ложе до пяти часов утра. Говорили в основном Эль-Регистан, я и Сталин. Остальные молчали. Когда было смешно, все смеялись. Сталин попросил меня почитать стихи. Я прочитал «Дядю Степу», другие веселые детские стихи. Сталин смеялся до слез. Слезы капали по усам. Во время разговора Сталин цитировал Чехова, он сказал такую фразу, я ее запомнил, что «мы робких не любим, но и нахалов не любим». Тосты поднимали мы и товарищ Щербаков. Сталин сделал нам замечание: «Вы зачем осушаете бокал до дна? С вами будет неинтересно разговаривать». Он спросил меня, партийный ли я. Я сказал, что беспартийный. Он ответил: «Ну ничего, я тоже был беспартийным». Нашими биографиями Сталин, видимо, не интересовался. Регистан он иронически спросил: «Почему вы Эль-Регистан? Вы кому подчиняетесь: католику или муфти?»

Что мы могли сказать о Сталине тогда, в то время? Сталин был для нас — Сталиным... А мы, русский и армянин, Михалков и Эль-Регистан, два беспартийных офицера Красной Армии, — авторами текста Государственного Гимна СССР. И только впоследствии мы узнали, что в то же самое время нашего друга, сотрудника газеты «Красная звезда» полковника Николая Николаевича Кружкова допрашивал в КГБ генерал Абакумов: «Твои дружки Михалков и Регистан давно у нас и во всем признались».

Об этом позже рассказывал нам сам Н. Н. Кружков, к тому времени полностью реабилитированный и работавший в «Огоньке». Но нас никто не трогал. Очевидно, не очень просто было скомпрометировать в глазах Сталина тех, кому суждено было стать авторами слов только что утвержденного Государственного Гимна СССР. Вот так и эта работа оказалась для меня снова как бы «охранной грамотой».

Еще одна «небольшая» деталь: однажды, когда мы с Регистаном вышли из кабинета Сталина, за нами вышел Берия. «А если мы вас отсюда не выпустим?» — мрачно «пошутил» он.

В иных обстоятельствах эта «шутка» стоила бы нам дорого...

— Вы просто фаталист, Сергей Владимирович, и мне кажется, во всем доверились судьбе?

— Нет, я не фаталист, но моя жизнь — это действительно цепь случайностей, игра судьбы. Вообще мне кажется, что, кроме фашистского плена, я ничего не боялся.

— Даже Сталина?

Вообще расскажите о встречах с этим человеком. Что вы думали о нем тогда и что думаете о «великом из великих, мудрейшем из мудрейших» сейчас, в наши дни?

— Однажды в музее Сталина в Гори меня попросили оставить запись в книге посетителей. Я написал: «Я в него верил, он мне доверял». Наивно? Может быть. Ну, что я мог еще написать?! Так ведь оно и было! Это только сейчас история открывает нам глаза, и мы видим, что Сталин был непосредственно повинен во многих злодеяниях.

Фигура Сталина очень противоречивая: тиран, палач... Но трудно понять, почему он поддерживал хороших писателей, режиссеров, актеров? И в то же время не менее талантливые люди сидели в тюрьмах, уничтожались.

Я согласен с формулировкой Д. Волкогонова в его статье о Сталине, напечатанной «Литературной газетой»: жизнь Сталина — триумф и трагедия. Как осмыслить, например, такой эпизод? Однажды меня с огромным трудом разыскали на фронте и привезли к командующему Курочкину. Тот говорит: «Срочно звоните товарищу Ворошилову, он интересовался, где вы пропадаете?» Дозваниваюсь до Ворошилова. Слышу в трубке: «Товарищ Сталин просит у вас узнать, можно ли изменить знак препинания в такой-то строке?»

Что это?! Тысячи замученных людей, а тут знак препинания.

— За какие произведения вы получили Сталинские премии?

— Первую — за стихи для детей. Вторую — за сценарий кинофильма «Фронтовые подруги». Третью — за пьесы «Я хочу домой» и «Илья Головин». Я был представлен и к четвертой премии — за басни. Но при обсуждении на Политбюро списка кандидатов на премию, который зачитывал Маленков, Берия с усмешкой спросил: «Это что, за «Лису и Бобра», что ли?» Воцарилось молчание. Все ждали реакции Сталина, прохаживающегося по кабинету. После большой паузы Сталин произнес: «Михалков — детский писатель».

В опубликованном списке награжденных моей фамилии не значилось. Свидетелем этого обсуждения был Н. С. Тихонов, который мне о нем и рассказал.

— А за что вы удостоены Государственных премий?

— Одну премию я получил за организацию и работу сатирического киножурнала «Фитиль», другую — за сатирический спектакль «Пена» в Театре сатиры.

— «Илья Головин», пьеса, которая шла на сцене МХАТа имени Горького. Тот, кто знает содержание этой пьесы и время написания — сразу же после печально знаменитого постановления ЦК ВКП(б) о музыке, — тот вправе спросить: пьеса явилась вашим откликом на это постановление?

— Не скрою. Главную роль исполнял незабвенной памяти артист В. Топорков. Музыку к спектаклю написал Арам Хачатурян, имя которого, кстати, тоже фигурировало в постановлении. В некотором смысле пьеса была как бы конъюнктурной, так сказать, написанной по свежим следам жесткого, несправедливого постановления. В моей пьесе утверждался примат народности искусства в борьбе с искусством абстрактным. Впрочем, я и сейчас стою на этой позиции. Спектакль имел успех. И тем не менее его появление на сцене выглядело желанием угнать партийной власти. Я сожалею об этом.

— Ваше отношение к Жданову, о котором сейчас много пишут и говорят?

— Жданова я лично знал плохо. Не общался с ним. Но его расправа с Ахматовой и Зощенко меня ошеломила. Я не понимал смысла его действий. Больше я о нем ничего сказать не могу, ибо только один раз видел его вблизи, когда он играл на рояле, а Сталин пел деревенские частушки. Это было 22 мая 1941 года, когда Сталин пригласил небольшую группу первых лауреатов Сталинской премии и показал нам фильм «Если завтра война». Ровно через месяц она началась...

— А что вы сегодня думаете о Хрущеве?

— Хрущев, безусловно, очень много сделал в свое время для изменения обстановки в стране: началась реабилитация невинно осужденных во времена культа, он первый заговорил о всеобщем разоружении. Самобытная личность, крепкий крестьянский ум! Помню, на одном из писательских съездов Хрущев делал доклад — большой, длинный доклад. Довольно интересно было его слушать. Он говорил о многом, если не обо всем. Но всего все-таки не сказал. После доклада ко мне подошли наши чиновники от литературы, которые недвусмысленно заметили, что, мол, дело мое проиграно: «Хрущев о сатире ничего не сказал. Не сказал ни слова. Значит, нужна ли она теперь?» Вот такие были времена... Чиновники только и прислушивались к каждому слову свыше — не сказано, значит, не надо.

Я понимал, что надо исправить положение, надо, чтобы Хрущев хотя бы несколько слов сказал о сатире. И вот на приеме в Георгиевском зале я подошел к Хрущеву и заговорил о сатире. «Что такое?» — удивился Хрущев.

А почему я должен был еще что-то сказать?!» «А потому,— говорю я,— что каждое ваше слово начинают цитировать, изучать, и если вы ничего не сказали о сатире, значит, Никита Сергеевич, вы к этому жанру плохо относитесь, и это будет иметь роковые последствия не только для литературы...» «А где же мне это сказать?» — спрашивает Хрущев. «А вот сейчас и скажите прямо в микрофон». Хрущев подошел к микрофону и обратился к залу: «Вот тут товарищ Михалков говорит, что я ничего не сказал о сатире. Сатира нам нужна, она нам очень помогает!» — и повернулся в мою сторону: «Ну вот я и сказал». Я опять обращаюсь к нему: «Надо, Никита Сергеевич, чтобы слова ваши попали в стенограмму доклада». Хрущев подозвал редактора «Правды» П. А. Сатюкова и дал указание: «То, что я сейчас сказал о сатире, вставьте в доклад». Этот эпизод лишний раз возвращает нас к временам, когда руководящее мнение, компетентное или некомпетентное, волюнтаристски могло решать очень многое.

Вспоминается один из Пленумов ЦК. Раньше на Пленумы приглашалось много гостей. И вот однажды перед началом очередного Пленума ЦК ко мне обратились некоторые товарищи, ратовавшие за сохранение памятников старины. То есть за то, что сейчас с таким успехом утверждается и поддерживается правительством. Они попросили меня передать Хрущеву письмо, в котором предлагалось создать общество охраны памятников культуры. Об этом я, собственно, и говорил с трибуны. Передаю письмо Хрущеву, а он не берет. «Не возьму», — говорит. Я настаиваю: «Никита Сергеевич, очень прошу взять, люди просили, и сам я всем сердцем за это дело». Он опять: «Не возьму!» Я в дурацком положении: на глазах у всего Пленума идет между нами обмен репликами. В конце концов Хрущев уступил и с сердитым видом принял письмо. И вот я жду, когда кто-нибудь из выступающих меня поддержит. Ни один человек не поддержал! Ни один. В заключительном слове Никита Сергеевич говорит: «Вот тут Михалков и Паустовский защищают памятники старины», — и... выступил против содержания переданного мною письма. И тут же, на трибуне, что-то порвал. Не знаю, что именно: то ли текст письма, то ли какие-то свои заметки. По всей Москве поползли слухи: дескать, Михалков вылез и получил по мозгам. Злые языки всегда найдутся. Но в конце концов общество по охране памятников истории и культуры было создано, и сегодня оно достойно служит Отечеству.

Правда, о том же Пленуме остался в памяти и более веселый эпизод. Два первых секретаря крайкомов, серьезные люди, сидят и хохочут. Хрущев из президиума им говорит: «Вы что, на концерт пришли? Что вы там смеетесь?!» Один из них отвечает: «Извините, мы тут басни Михалкова читаем». Они книжку мою купили в киоске. Вот так всегда: серьезное и смешное бывает рядом. Бывало так и в моей жизни.

— **А как относился к сатире, к критике Брежнев?**

— Я однажды спросил у Брежнева: — Леонид Ильич, ваше мнение о «Фитиле»?

Он говорит:

— Неприятно смотреть.

Как-то спросил Мазурова:

— Кирилл Трофимович, «Фитиль» смотрите?

— Смотрю.

— Ну и как?

— Три ночи потом не сплю.

— Ну так что, может, его прикрыть? — пошутил я.

— Нет-нет, он нам нужен!

А выступая чуть позднее в Баку, Брежнев поддержал «Фитиль», когда я ему сообщил, что острый сюжет, затрагивающий честь мундира азербай-

джанских руководителей, не допущен в прокат.

Какие парадоксы! С одной стороны — застой, с другой — поддержка «Фитиля»!

— **Сергей Владимирович, в книге неизвестного Джона Баррона вы и ваша супруга именуется «агентами КГБ». Вопрос, я понимаю, деликатный, правда, не с точки зрения Баррона.**

— Насчет жены не знаю. Но вспоминаю вот что.

Смерть Брежнева застала меня в Испании. Требуя комментариев к событиям, происшедшим в Советском Союзе, журналисты мне как депутату Верховного Совета СССР не давали прохода. Все спрашивали об одном: «Как вы смотрите на то, что во главе страны будет теперь шеф КГБ Юрий Андропов?» Когда наиболее приставучий газетчик довел меня до белого каления, на помощь мне пришел присутствующий при беседе испанец. «Что ты к нему пристал? — набросился он на соотечественника. — При чем тут Комитет государственной безопасности? Да у них в СССР большинство людей думают о безопасности государства!»

Мне не раз приходилось встречаться с Л. И. Брежневым. Он производил на меня впечатление доброжелательного и контактного человека. Необъяснимо быстро Брежнев утратил связи с реальностью. Наверное, потому, что по характеру был сибаритом. Как говорится, «красиво жить не запретишь». Но когда такой личности придается бесконтрольная власть, создаются все условия для удовлетворения ее любых потребностей. А угодничество и вседозволенность окружающих как бы стимулируют безнаказанность в тех сферах общества, для которых личное благополучие превыше всего. Нарушения социалистической законности — приписки, казнокрадство и коррупция, парадная показуха, тотальный бюрократизм в годы застоя при попустительстве высшей иерархии в государственном аппарате разъедали общество, тормозили его развитие. Здоровые же силы практически не имели возможности противостоять этой беспринципности чиновников и руководителей. Колесо истории катилось не в ту сторону. Рождалось недоверие и к тому, что провозглашалось с трибун, и к средствам массовой информации. Генеральным секретарем партии становится Ю. В. Андропов, честнейший и скромнейший коммунист, все видевший со своего поста Председателя Комитета государственной безопасности, но в условиях полного забвения демократизма и гласности не имевший возможности содействовать коренному изменению обстановки в стране. Для всего нужны соответствующие условия...

— **Может быть, мы поговорим о роли личности в истории?**

— Когда меня сегодня спрашивают за границей о Михаиле Сергеевиче Горбачеве, я говорю, что сама жизнь выдвинула его на пост Генерального секретаря. Пришло время нового мышления.

Вспомним: при Сталине человека могли оклеветать, убрать с дороги, арестовать, уничтожить... При Хрущеве можно было попасть в такую немилость, в какую попали тогда, скажем, поэт Андрей Вознесенский, кинорежиссер Марлен Хуциев, скульптор Эрнст Неизвестный, некоторые другие. Неправедливый гнев руководителя партии — и поэта перестали печатать, художника выставать. Разгромные статьи в прессе предавали остракизму имя человека. В первую очередь вспоминаю о Борисе Пастернаке. В обстановке морального террора, развязанного вокруг имени Пастернака, многие писатели, в том числе и я, не нашли в себе гражданского мужества и согласились с решением об исключении его из Союза писателей. И приветствовали это решение. Сегодня горько об этом

вспоминать. Время ставит все на свои места. При Брежневе многие, очень многие на себе почувствовали, куда уходит разрыв между словом и делом, угнетала общая нестабильность. Только при Юрии Владимировиче Андропове атмосфера общественной жизни начала оздоравливаться. Но судьба отпустила ему так мало времени...

Что такое лично для меня перестройка? Это совсем иное отношение к жизни. Я, например, честно говоря, порою шел на поводу вместе со всеми. Не один, а вместе со всеми. Однако, когда громили Владимира Дудинцева за его прекрасную повесть «Не хлебом единым», я резко выступал в его поддержку. Это было в Дубовом зале Центрального дома литераторов.

Долго я боролся за реабилитацию честного имени художника-оформителя К., которого оклеветали, арестовали, обвинили, посадили, состряпав на него уголовное дело. В конце концов его не только реабилитировали, но еще и извинились перед ним.

Дело в данном случае, конечно, не во мне одном, я не тяну на себя одеяло. Я просто знаю, что и во времена культа, и во времена застоя всегда находились честные, мужественные люди — коммунисты и беспартийные, которые не могли не сделать того, что надо было пытаться делать во имя справедливости. Когда невозможно было доказать что-то Рашидову, Щелокову, Чурбанову или Медуну, когда с трудом удавалось пробиваться к правде, тогда приходилось ждать подходящего момента для какого-то ходатайства, заступничества.

Герой моей басни «В нашем доме» сантехник Степан говорит: «...Не смеять ли всю эту систему?» Не системе строя, а систему управления, систему хозяйствования, систему наплевательского отношения к людским заботам.

— **Забота о человеке «в нашем доме» до недавних пор была «праздником непослушания» со стороны предрержавших власть чиновников. Этим праздником они ограничивали, мягко говоря, свободу своих действий.**

— **А что вы думаете о понятии границ демократии и гласности?**

— Любая свобода не отрицает порядка. Только гуляя по лесу, но без топора в руках, человек может ощущать относительно полную свободу. Полная свобода в любом обществе переходит в анархию. Я написал об этом сказку для детей «Праздник Непослушания».

Безграничной свободой наслаждаются, пожалуй, только настоящие йоги: они сидят, никого не трогают, никому не мешают — пребывают в нирване, это, как утверждают специалисты, свобода духа. Но если ты свой дух навязываешь другому?

Разве не готовили перестройку те писатели, которые писали произведения острые, злободневные, смелые и печальные их чаще всего с великим трудом? Я имею в виду Абрамова, Думбадзе, Гончара, Быкова, Трифонова, Бондарева, В. Гроссмана, Бека, Троепольского. То, что Шолохов долгое время молчал, разве не показывало, что он за перестройку? Он не воспринимал какие-то явления в нашей жизни, поэтому молчал. Сложными были судьбы Овечкина, Дороша, Радова. Впереди времени шли Дворецкий, Володин, Рошин.

Для меня же перестройка открыла новые возможности сатирика и общественного деятеля. Стало легче противостоять несправедливости.

Я встретил Октябрьскую революцию в возрасте четырех лет. Сегодня мне — семьдесят пять. Я воспитан советской школой, советским образом жизни, я сын своего времени, прошел Отечественную войну; многого в своем времени, может быть, не понимал, да просто не знал, как и миллионы советских людей. И только после двадцато-

го, а затем после XXVII съездов КПСС все мы прозрели.

Но я не могу затаптывать прошлое в грязь и присоединяться к тем, кто пытается спекулировать на трагических периодах в жизни моей Родины. Несмотря на пережитое, за семьдесят лет моя Родина стала Великой Державой. Народ страдал, воевал, побеждал, трудился, верил, терпел — народ выстоял.

К перестройке сегодня пристраиваются и те, кому вообще социалистический строй противопоказан и кто только и ждет повода, чтобы злорадно прошептать: «Эксперимент не удался!..» И говорят они об этом, конечно, не прямо, не очень гласно. Это тот «человеческий фактор» — балласт, который хочет отбросить нас в прошлое.

Однажды, это было в 1962 году, меня пригласили в Центральный Комитет партии, в отдел агитации и пропаганды. Говорил со мной Александр Николаевич Яковлев. Мне предложили организовать сатирический киножурнал. Когда меня спросили, что мне для этого надо, я ответил: только одно — доверять! Если же я не оправдаю доверия, то пускай этот киножурнал делает кто-нибудь другой. И вот уже 26 лет каждый месяц выходит наш «Фитиль». Когда же возникали цензурные проблемы, мы спорили, отстаивали нашу позицию, доказывали. И нас поддерживали. Как правило, «наверху» находились товарищи, которые говорили: «Продолжайте свое дело! «Фитиль» полюбился народу». И вправду «Фитиль» был в годы застоя (теперь это особенно видно) среди тех общественных сил, которые подготавливали демократизацию общества.

Сейчас много говорят о том, что критика воспринимается деятелями литературы и искусства болезненно, что у нас есть неприкасаемые, то есть люди, защищенные своими высокими постами, своими амбициями. Доля правды в этом есть. Но ведь любой литератор, любой деятель искусства всегда болезненно воспринимает критику в свой адрес. Однако критика критике рознь. На доброжелательную, объективную критику обижаться бессмысленно. В моей творческой жизни большую роль сыграла доброжелательная критика Александра Фадеева, Самуила Маршака и кинокритика Ильи Вайсфельда. Он в свое время был очень удивлен, когда я попросил его быть редактором моей новой пьесы, несмотря на то что перед этим он довольно жестоко покритиковал одну не самую удачную мою работу.

К сожалению, у нас под словом «критика» часто подразумевается ругань. Когда сегодня критика спрашивают: «Почему не критикуете такого-то?», это равносильно вопросу: почему не ругаете?

В последнее время общая тональность многих публичных выступлений вызывает у меня большую настороженность. Зачем, например, МОСХу накануне съезда художников, когда самое время на страницах собственного органа печати, газеты «Московский художник», обсуждать проблемы изобразительного искусства, выступать с чудовищно безграмотными, развязными статьями против Владимира Маяковского? Кому сие понадобилось? Ведь все подверстывается под имя Сталина! Можно ли всю литературу 30-х годов клеймить именем Сталина, пытаясь этим компрометировать многих литераторов? Для чего? Чтобы и Горькому, и Алексею Толстому, и Всеволоду Вишневскому, и Александру Фадееву предъявить счет: почему, дескать, они не были репрессированы, почему получали от правительства награды, почему их издавали в то время, когда другие сидели в тюрьмах и сталинских лагерях? Это эмигрантский взгляд на лите-

Продолжение на стр. 28.

Н. И. БАРЧЕНКОВ. Род. 1918. ВАСИЛЬКИ И МАЛИНА. 1983.

В ПОИСКАХ КРАСОТЫ

На окраине Загорска в простом крестьянском доме уже долгие годы живет и работает народный художник Российской Федерации Николай Иванович Барченков, почетный гражданин города, почетный член Итальянской академии искусств. Дом деревянный, красивый, с высоким крыльцом и резными наличниками окон. Здесь же находится и мастерская художника.

Основная тема его творчества — родной город. Художник умеет увидеть красоту как в архитектуре старого, так и современного города: в стоящей около деревянного дома молоденькой рябинке, в февральских навесах снега на крыше и оконных наличниках провинциального домика, в кружевах теней на искристом снегу, присущих только русской зиме с ее первозданной чистотой.

Загорск зимой очень красив. Зима как бы высвечивает золотые купола Троице-Сергиевой лавры, они смот-

рятся, как драгоценные камни в обрамлении снежного покрова и причудливого узора деревьев.

В лучших работах Николая Барченкова архитектурные и исторические памятники выступают как величавые немые свидетели ушедших исторических эпох Российского государства, вокруг которых продолжается жизнь. Он показывает их неотделимыми от нашего времени. Это та особенность творчества Николая Барченкова, благодаря которой его произведения становятся близкими людям сегодняшнего дня.

Художник говорит, что тема Загорска для него еще ассоциируется со знаменитыми на всю округу базарами. «У меня и сейчас в памяти этот базар. Он был тогда непосредственно под монастырскими стенами. Масса народу, подвод. Бочки, сено, деревянные и гончарные изделия, всякая живность. У мельницы голуби, галки, воробьи... Мы ходили каждый день через него в школу. Студентом и после окончания художественного училища я пропадал у мельницы, на

рынке — рисовал, писал...» — рассказывает Николай Иванович. Здесь же, под стенами лавры, вспоминает он, были расположены посадские лавочки, где продавались известные на всю Россию деревянные игрушки. Ведь жители Загорска (раньше он назывался Сергиев посад) испокон веков занимались различными ремеслами, самым распространенным из них был игрушечный промысел. Барченковы тоже славились своими изделиями из дерева. В работе принимала участие вся семья. Приучались к ремеслу и дети, познавая радость творчества. И сегодня в Загорске и близлежащих деревнях работают народные умельцы.

Большое место в творчестве Николая Барченкова занимает и натюрморт. Когда цветут ромашки, васильки, колокольчики, он выходит в поле, а оно начинается сразу же за его домом, и приносит в мастерскую целые охапки свежих, душистых полевых цветов. Такие они и на его холстах.

Владимир МУРАВЬЕВ

БАЗАР. ЗАГОРСК В 1920-е ГОДЫ. 1976—1978.

Н. И. БАРЧЕНКОВ.

ОСЕНЬ. ЗАГОРСК 1941 ГОДА. 1974.

Семен КИРСАНОВ

1906—1972

В 1924 году Маяковский встретил в Одессе 18-летнего юного поэта — сына портного, и взял его под свое крыло, печатал в Лефе, приглашая в совместные поездки. Если говорить о поэзии весовыми категориями бокса, то Маяковский был тяжеловесом, а Кирсанов был в весе «пера», но блистательным мастером формы. Про Кирсанова была такая эпиграмма: «У Кирсанова три качества: трюкачество, трюкачество и еще раз трюкачество». Эпиграмма хлесткая и частично правильная, но в ней забывается и четвертое качество Кирсанова — его несомненная талантливость. Его поиски стихотворной формы, ассонансные способы рифмовки были впоследствии развиты поэтами, пришедшими в пятидесятые — шестидесятые годы, а затем и другими поэтами.

помоложе. Поэтика Кирсанова циркового происхождения — это вольтижировка, жонглиж, фейерверк; как жаль, что у нас на сегодняшний день нет ни одного формалиста такого класса. Формалисты тоже до зарезу нужны. Но все же только формалистом Кирсанова назвать было бы несправедливо. Пожалуй, лучшая его вещь — это «Твоя поэма», трагический реквием, посвященный безвременно умершей жене Клавье. В поэме «Семь дней недели» (1956) Кирсанов атаковал бюрократию. Перед самой смертью долго и мучительно умиравший от рака горла поэт написал несколько пронзительных прощальных стихов. Кирсанов любил молодежь и помог многим, в том числе и мне. Я был принят в Союз писателей с его рекомендацией.

ПОЭТИЧЕСКАЯ
АНТОЛОГИЯ

РУССКАЯ
МУЗА
XX
ВЕКА

ВЕДЕТ ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

БОЙ БЫКОВ

В. В. Маяковский

Бой быков!
Бой быков!
Бой!
Бой!

Прошибайте
проходы
головой!

Сквозь плакаты,
билеты,
номера —
веера,
эполеты,
веера!..

Бой быков!
Бой быков!
Бой!
Бой!

А в соседстве
с оркестровой трубой,
поворачивая
черный
бок,
поворачивался
черный
бык.

Он томился, стеная:
— Ммм-у!..
Я бы шею отдал
яру,
у меня перетяжки
мышц.
что твои рычаги,
тверды,—
я хочу для твоих
домиц
рыть поля и таскать
пуды-ы...

Но в оркестре гудит
труба,
и заводит печаль
скрипач,
и не слышит уже
толпа
придушенный бычачий
плач.

И толпе нипочем!
Голубым плащом
сам торреро укрыл плечо.
Надо брови ему
подчеркнуть еще
и взмахнуть
голубым плащом.
Ведь недаром улыбка
на губках той,
и награда ему
за то,
чтобы, ярче розы
перевитой,
разгорался
его задор:
— Тор
реа

дор,
веди
смелее
в бой!

Торреадор!
Торреадор!

Пускай грохочет в груди задор,
песок и кровь — твоя дорога,
взмахни плащом, торреадор,
плащом, распахнутым широко!..

Рокот кастаньетный — цок-там и так-там,
донны в ладоши подхлопывают тактам.
Встал торреадор, поклонился
с тактом,—

бык!
бык!!
бык!!!
Свинцовая муть повеяла.
— Пунцовое!
— Ммм-у!
— Охейло!

А ну-ка ему, скорей — раз!
Бык бросился.
— Ммм-у!
— Торрейрос.

Арена в дыму. Парад — ах!
Бросается!
— Ммм-у!
— Торрада!

Беснуется галерея,
Торрера на...
— Ммм-у!
— Оррейя!

Развеелась, растаяла
галерея и вся Севилья,
и в самое бычье хайло
впивается бандерилья.

И — раз,
и шпагой
в затылок
влез.

И красного черный ток,—
и птичьей стаей
с окружающих мест
за белым платком
полетел платок.

Это:
— Ура!
— Bravo!!
— Герой!!!
— Слава ему!
— Роза ему!

А бык
даже крикнуть не может:
ой!

Он
давится хриплым:
— Ммм-уу...

Я шею
хотел отдать
яру,

ворочать
мышц
шатуны,
чтоб жить
на прелом
его корму...
Ммм...
нет
у меня
во рту
слюны.

чтоб
плюнуть
в глаза
ему!..

Смерти больше нет.
Смерти больше нет.
Больше нет.
Больше нет.
Нет. Нет.
Нет.

Смерти больше нет.
Есть рассветный воздух.
Узкая заря.
Есть роса на розах.
Струйки янтара
на коре сосновой.
Камень на песке.
Есть начало новой
клетки в лепестке.
Смерти больше нет.

Смерти больше нет.
Будет жарким полдень,
сено — чтоб уснуть.
Солнцем будет пройден
половинный путь.
Будет из волокон
скручен узелок,—
лопнет белый кокон,
вспыхнет василек.
Смерти больше нет.

Смерти больше нет.
Родился кузнечик
пять минут назад —
странный человечек,
зелен и носат;
у него, как зуммер,
песенка своя,
оттого что я
пять минут как умер...
Смерти больше нет.

Смерти больше нет.
Больше нет!
Нет!

Скоро в снег побегут струйки,
скоро будут поля в хлебе.
Не хочу я сикицу в руки,
а хочу журавля в небе.

ХОЧУ РОДИТЬСЯ

Хочу родиться дважды,
а если можно —
трижды.

но жить
не в стаде жвачных —
такой не мыслю жизни.
Но кстати —
если в стаде,
то в табуне степном,
где ржанье,
топот,
статии
и пыль под скакуном.

Кабы такие б лица,
где из ноздрей —
огонь!
Где бой за кобылицу —
в смерть загоню —
не троны!
Хочу родиться дважды,
чтоб пена на боках,
но ни за что —
в упряжке
на скачках и бегах.

СКЛОНЕНИЯ

— Именительный — это ты,
собирающая цветы,
а родительный — для тебя
трель и щелканье соловья.
Если дательный — всё тебе.
счастьем названное в судьбе,
то винительный — нет, постой,
я в грамматике не простой,
хочешь — новые падежи
предложу тебе? — Предложи!
— Повстречательный есть падеж,
узнавательный есть падеж,
полубительный, обнимательный,
целовательный есть падеж.
Но они не одни и те ж —
ожидательный и томительный,
расставательный и мучительный,
и ревнительный есть падеж.
У меня их сто тысяч есть,
а в грамматике — только шесть!

В САДУ ЖИЗНИ

ЗИМНЕЕ СОЛНЦЕ
СОЧИЛОСЬ ИЗ ОБЛАКОВ.
КАК СКВОЗЬ ПОЛУПРИКРЫТЫЕ ЖАЛЮЗИ
ТОНКИМИ СТРУЯМИ ЗАМОРОЖЕННОГО КЛУБНИЧНОГО СОКА
ОНИ В НЕСКОЛЬКО МИНУТ СМЫЛИ НОЧНУЮ НАКИПЬ
ИНЕЯ С ОБОСТРЕННЫХ СВОДОВ САЛАНТИЙСКОГО КОСТЕЛА.
РАСТОПИЛИ ЧЕРНЫЕ ЗРАЧКИ КЛАДБИЩЕНСКИХ ВОРОН, КОТОРЫЕ
ВЗМЕТНУЛИСЬ В НЕБО И УНЕСЛИСЬ ВДАЛЬ ТЕМНОЙ ОРУЩЕЙ МЕТЕЛЮ
И УЖ ТОЛЬКО ПОСЛЕ ТОГО, КАК ТУМАН РАССЕЯЛСЯ, ВСЕ МЫ УВИДЕЛИ
ПРИЗРАЧНЫЙ ОСТРОВ ВОЗВЫШАЮЩИЙСЯ
НАД ПРОМЕРЗШЕЙ СТЕПЬЮ
И ДОРОГУ К НЕМУ, И ЧЕРНЫЙ
ГРАНИТ У ДОРОГИ.

«Собрался бог жаворонка
сотворить, взял комок глины
и подбросил его вверх. Комок
глины обернулся птахой, взлетел
в поднебесье и запел.
А черт, сидя на камне, все это
видел, и захотелось ему тоже
пташку сотворить. Взял он
горсть грязи и швырнул вверх.
А грязь упала наземь, прямо
под камень, и заквакала. Стала
она жабой».

(Литовская
сказка)

Дмитрий
ЛИХАНОВ,
спец. корр.
«Огонька»

Фото
Олега
МЫШКИНА

Н австречу, скрипя ботинками по щебенке, вышел Брат — страж Сада Жизни. На нем была старая кофта и драные башмаки. Он беспрестанно мял свои большие белые руки, словно это был кусок глины, и он хотел вылепить из них что-то новое, он то и дело мотал головой, смотрел исподлобья мутными, полинявшими от транквилизаторов глазами. Суетность жизни уже не пред-

ВНИ

ставляла для него какого-нибудь смысла, и потому он охранял этот Сад, ухаживал за скотиной и помогал перетаскивать огромные валуны. Ведь он был очень сильным.

— Отец уехал, — сказал Брат по-литовски, — но он вернется. А Казис спит. Он опять работал всю ночь. К тому же он нездоров — попал топором прямо по ноге.

И тогда мы прошли в дом и сели на лавку рядом с Девой Марией. Брат, как всегда, заперся в своей комнатке, а Мать принесла целую тарелку красных, чуть прихваченных морозом яблок. Мы хрустели яблоками и смотрели то на Мать, готовившую горячее пойло для осликов, то на пахнущую свежей стружкой Деву Марию.

— Слушай, — спросил я Саулюса, — что это у нее на короне?

— Крест — вера, — сказал мой друг

Саулюс, — якорь — надежда, а сердце — любовь.

— Такая огромная корона. Вот-вот бедняжку раздавит.

— А ты думаешь, что вера, любовь и надежда — это такая легкая ноша, — сказал Саулюс и спросил Мать: — Это Казис сделал?

— Казис, — ответила Мать по-литовски, — только мне она не нравится.

Она отворила комнату, где прятался страж Сада Жизни, и указала на другую Деву Марию. Та была из гипса: яркая, расфуфыренная, кроткая, словно кукла из «Детского мира».

— Я эту больше люблю, — сказала Мать, — а та, — она кивнула на неотесанную скульптуру Казиса, — пьяница и хулиганка.

— Святые разные бывают, — крикнул из комнаты Брат, — и неизвестно еще, кто из них святее.

II

Отца подвез на машине сосед. Но старик Орвидас не спешил идти в дом. Нахлобучив на седой затылок потертую солдатскую шапку и плотнее укутавшись в короткое пальтецо, он подошел к многотонному валуну и теперь словно слепой ощупывал его своими короткими пальцами. Старый Орвидас никогда не понимал странного увлечения сына, а Сад Жизни казался ему дурацкой выдумкой, мальчишеством, блажью, и, если бы Казис не помогал ему мастерить надгробия, он давным-давно выставил бы его за порог.

В свои восемьдесят четыре года старый Орвидас уже и не вспомнит, скольким людям обустроил он место последнего приюта. Их имена, даты рождения и ухода прошли через его пальцы, словно сквозь сито, а острые сколы гранита

оставили на ладонях глубокие порезы, которые теперь, на склоне лет, перепутались с линиями судьбы. Выбивая на черных плитах слова прощания, старый Орвидас непременно хотел, чтобы его работа понравилась живым. И лишь однажды — чтоб они понравились мертвому — его Отцу.

Хотел того старый Орвидас или нет, он был и останется вечным служителем смерти, ее символами: крестами и надгробными плитами окружил он своих детей. И, может, поэтому дети его с самого своего рождения привыкли к смерти, как привыкли к игривой дворовой собачонке или кошке, мурлыкающей возле ног. Но отчего вдруг Казис взялся строить Сад Жизни — этого старый Орвидас понять не мог.

Войдя в дом, Отец напился колодезной воды, обтер рукой двухдневную щетину и сказал сердито:

— Опять меня обвиняют. «Зачем,— говорят,— кресты и святые?» Думают, я очень верующий. А моя вера — моя работа. Понял?

— Понял,— сказал я.

— А знаешь, где я родился? — спросил старый Орвидас. — Меня папа с мамой на камнях сделали, я и жил на камнях, на камнях и помру. Эх, ничего они не понимают!

III

«Мы, инспектор архитектуры Кретингского района, заместитель председателя сельсовета, заместитель председателя колхоза, установили, что Орвидас Казис своевольно и в разное вре-

мя на тридцати десятинах земли построил и продолжает строить разные строения. Из них: вспомогательная постройка, переделанная в кузницу, три строения, пирамида из стволов дуба и камней с красными и силикатными кирпичами, трехгранная постройка из стволов и крышей из оцинкованной жести, постройка для экспозиции. Кроме этого, на всей территории усадьбы складываются разного габарита валуны, и из них сделаны тропы, лестницы, гроты и т. д.

Строительство велось долгие годы и не прекращается по сей день.

Орвидасу Казису надлежит немедленно прекратить все произвольные работы».

«Несколько лет назад наша семья по собственной инициативе внутри усадьбы оборудовала музей. Были изготовлены, а также приобретены различные виды скульптур, статуи, всевозможные поделки из металла, дерева, камня. Очень много сил и средств ушло на внешнее оформление. Здесь и привезенные деревья, и красивые сооружения, и каменные пирамиды. Со всех концов Литвы приезжали к нам на экскурсии. Были и автобусы, и частные машины, и пешие. Посещали приезжие и местные жители. Надо заметить, что наш музей вошел даже в каталог достопримечательностей Литовской ССР. Мы радовались, что приносим людям радость, и притом делалось все от чистого сердца и безвозмездно. Нам было приятно видеть, как уходили и уезжали люди довольные, улыбающиеся, как бы одухотворенные».

Но вдруг стали приезжать комиссии. Одни приказали снять кресты, мы сняли, другим не понравилась башня, мы ее трактором разрушили, третьи приказали разбить все: статуи, памятники и камни на мелкие кусочки, в щебень. Мы люди темные, нигде не учились, выросли самоучками. Возможно, что-то сделали не так, допускаем, что в оформлении было немного религиозного, но, во-первых, это же искусство, а во-вторых, неужели нельзя объяснить, мы бы исправили. Зачем же все крушить? Мы же не враги!»

«Кретингский районный Совет народных депутатов постановил:

обязать К. Орвидаса после получения копии решения снести все постройки, оставить только хлев, кузницу и баню. Обязать Кретингское мелиоративно-строительное управление снести своевольно построенные сооружения в том случае, если К. Орвидас не сделает этого сам. Обязать управление внутренних дел выяснить законность приобретения К. Орвидасом стройматериалов».

IV

...В каком-то первозданном спокойствии, сотканном из запахов хлева, пряного сена и легкого дыма из печи, мы сидели на деревянных лавках, покрытых шкурами неизвестных животных. Мы слушали, как кудахчут за дощатой стеной пестрые куры и тяжело вздыхает древняя корова. Мы смотрели, как, оторвавшись от деревянного колеса, парил по комнате невесомый лоскут паутины. Мы пластали ножом черный, как земля, каравай и намазывали его янтарем прошлогоднего меда. В этот час мы были уже не одни. С нами был Казис и его скульптуры — все эти грешники и святые, монстры и феи, карлики и великаны, которых он каким-то чудом спас от уничтожения.

— Ты видел цифры? — спросил Казис. — Цифры на камнях?

— Видел. Синей масляной краской. Единица, девятка, тройка. Что это?

— В тот день,— сказал Казис,— они вывезли на камнедробилку двадцать четыре «КраЗа» моих камней. А что не успели — пронумеровали. Я не стал смывать — пусть будет память.

— Нужна тебе такая память...

— Нужна, ведь напоминание о зле — это тоже частица Сада.

И вышли мы в Сад.

По осклизлым замшелым камням, по оледеневшим дубовым стволам, хватаясь за пахучие кустики можжевельника, мы взбирались все выше и выше, до тех пор, пока в лицо не ударило сыростью, а из темноты зыркнул пустыми глазами белесый череп древней коровы.

— Вот и пришли,— сказал Казис,— это Пещера Страшных Сказок.

...Ему всегда не хватало свободы. Ни дома, где царствовал отец и его черные надгробия, ни в школе, где он считался дрянным мальчишкой и родители других детей запрещали водить с ним дружбу, ни даже во сне. Единственное место, где он мог надыхаться свободой, был лес, старый лес на краю деревни Гаргждеде. Здесь он дразнил

пересвисты птиц, гонялся за лисами, а утомившись, дремал в теплой тени могучих валунов. А когда наступала ночь, разводил костер и рассказывал своим друзьям страшные сказки. И про «черный-черный дом», и про «праздник мертвецов», и про «девушку-оборотня». Кто знал их лучше сына надгробных дел мастера!

— Когда разведешь костер, вся пещера светится изнутри. Вон та кикимора глаза пялит, череп скрипит-качается. А мальчишки сказки рассказывают. Вдруг завоюет кто-нибудь вурдалаком или крыса заскребется в норе. Ох и страшно! Как в детстве.

...Они везде. За каждым камнем, под каждым кустом: глядят тебе в спину, преследуют долгим взглядом и тут, и там. Пробираясь по Саду Жизни, ты даже представить себе не можешь, что выкинут они в следующее мгновение. То вдруг наткнешься на устремленные в никуда волоокие глаза сфинкса, то угодишь под разящее копьё Юргиса, а то вдруг протянет к тебе свой скользкий язык ацтекский божок Тлалок или остановит властной рукой выступающий из воды Иисус.

Они везде. И здесь тоже — под соломенным навесом возле проржавевшей молотилки — стоят по колено во льду скульптуры Казиса.

Отсюда все и пошло. Десять лет назад Казис уговорил отца с матерью выделить ему кусок бросовой земли и по весне начал стаскивать к молотилке огромные валуны — свидетели ледниковой эпохи. Он высматривал их в жемайтских полях, как высматривает любитель сафари спящих в грязи бегемотов. Тем более что некоторые камни и впрямь напоминали ему каких-то фантастических зверей: мамонтов, драконов, тигров. После каждой такой охоты Казис сговаривался с местными трактористами, и те волокли каменную добычу на усадьбу Орвидасов. Через десять лет Казис вознес над полем целые горы камней и оживил спящие в них души. Он выкопал маленькое море и запустил в него тучных рыб и зеленых раков. Он посадил можжевеловые кусты, пахучие цветы и пряные травы, он прибил к сараям и обрубкам деревьев пятьдесят скворечников, чтобы птицы никогда не улетали на юг, а пели в его Саду зимой и летом, он населил свой мир выдуманными людьми и настоящими богами. И над всем этим воздвиг на постамент Мотонарты Неизвестного Морьяка, которого никогда не было. А может, он и жил здесь много лет назад, только этого теперь не узнать — все перепуталось в Саду Жизни народного мастера Казиса Орвидаса.

V

Отворив дверь в дупло старого дуба, я вновь войду в его сырое нутро и оттуда долго буду смотреть на бесконечно черное небо с созвездием Стрельца над головой. Но даже тогда из этого древнего телескопа я не увижу того, о чем говорил Казис. И я войду в дом без дверей и окон, в дом, продуваемый ветрами Космоса и Земли...

Здесь стоит старая фисгармония фирмы «Heinr Zimmermann» с запыленными клавишами, на которой никто из Орвидасов так ни разу и не сыграл. Надавливаю на ее педали и почувствую, как ветхий мех всосут в себя студеной воздух моря, потяну на себя регистры, дотронусь до клавиш слоновой кости. И только она — эта простуженная фисгармония — поведает мне обо всем, о том главным, что говорил Казис. И станет понятна Истина: музыка — безмолвие зимы, добро — зло, жизнь — смерть. И я снова войду в Сад.

VI

— А это,— сказал Казис,— Качели Над Водой.

В воде отражается небо. И, кажется, качаешься в облаках.

Гаргждеде — Москва

ЩИКАДЫ

Юрий ТУРЧИК

Давно знаю творчество Юрия Турчика, живущего и работающего в Ялте. Думаю, что он вполне зрелый писатель со своей манерой письма, со своей неуклонной верностью традициям русской классической прозы. К сожалению, в годы так называемого застоя (они же — годы равнодушия всех ко всем) он так и не смог пробиться к всесоюзному читателю. Будем надеяться, что публикация этого рассказа наконец привлечет к писателю вполне заслуженный интерес наших столичных издательств.

Фазиль ИСКАНДЕР

РАССКАЗ

Теперь на винограднике темнеет медленно — листья на кустах пожелтели, покраснели за последние дни. Вот и сейчас, — солнце давно зашло, но все кажется, что на земле еще держится его свет. А горы темнеют быстро, вырастают, как грозные тучи. Над ними уже горят звезды.

Толя, как обычно, поет мне о своем, но я его не слушаю, жду, когда он поднимется и уйдет на свой участок. Я думаю о Вальке, представляю себе, как она приходит ко мне, как возникает бесшумно в темноте между рядами розового муската: она не торопится, то и дело наклоняется, отщипывает виноградину и кладет ее в рот двумя пальцами, как конфету... Долго со мной Валька не задерживается, скоро начинает спешить домой — рано утром ей тоже выходить сюда на дежурство, и я прежде и не старался ее удерживать, наоборот, радовался даже, когда она уходила, не меньше, чем тогда, когда она появлялась...

— Ты вот говорил, — продолжает свое Толя, — как она пришла, так и ушла, любовь... Как вроде и не было вовсе!.. Так? Но если была у нее любовь?.. Значит, и вернется, раз была! Понял?.. Как, скажем, солнце! Или звезда, например: то не было днем, а сейчас вот она!.. Если б у нее вообще не было любви с самого начала, тогда понятно: не было и нет!.. А если была?.. Значит, и есть, хотя временно вроде нет, понял? — Толя заглядывает мне в глаза, хочет увидеть, какое впечатление произвело на меня его «открытие», но я помалкиваю: это «открытие» Толя совершает при мне уже который раз, но оно ему, как видно, не помогает.

Я поднимаюсь с земли, надеваю ружье на плечо, все делаю неспешно, но основательно, как будто мне и неохота вставать, но, делать нечего, пора браться за работу. Снимаю с железобетонного кола плащ, негнувшийся, задубевший от дождей и солнца, с грохотом отряхиваю его, закидываю за спину и иду к своей вышке.

Я поднимаюсь по шаткой стремянке, а Толя продолжает, как будто я не отходил от него, только его белорусский выговор, по-детски умиленный, радостный и одновременно как бы плачущий, становится громче, как будто Толя запевает новую песню:

— А пожалела ж, когда меня засудили!.. Передачку принесла, плакала!.. Вот такие слезы бежали! — Толя показывает пальцами от своего глаза до подбородка. — А и тут же говорит: «Не люблю я тебя — его люблю!..» Того же, за кого я сел!.. Сильно, конечно, я врезал ему, побил, можно сказать, здоровый я был, справедливый: разъяснил сначала... Как узнал, что она до него бежит, так и сказал ей: «Ты что же, Вера? У нас же с тобой любовь, а не брак по расчету!..» Так она мне: «У нас с тобой была любовь, а теперь один брак. А с ним у меня любовь!..» Во задачка, да? — Толя смотрит на меня снизу и улыбается так, будто в том, что его бывшая жена любит теперь другого, есть надежда и для него, Толи.

Я делаю вид, как будто заметил кого-то со своей высоты. Я рассчитываю, что Толя подумает, что приближается кто-нибудь из дирекции совхоза или объездчик, проверяющий посты, и уйдет наконец к себе на участок. Но Толя понимает меня иначе.

— Валька, что ли? — спрашивает он.

Рисунок
Олега
ВУКОЛОВА.

От неожиданности я не нахожу, что ответить, хотя для меня не такая уж неожиданность, что кому-то в совхозе известно о моей связи с Валькой.

— До танцев хочет поспеть! — говорит Толя. — А послы на танцы пойдут! — продолжает он сокрушенно.

— Послы чего пойдут? — передразниваю я Толю. Он не замечает моего тона и так же, с жалостью ко мне, отвечает:

— А послы тебя ж! Жадина ж! Точно как мать! Даром только молодая да красивая!.. Знает же, что студент, на дороге зарабатывает, а тоже тянет!..

— Что тянет? — грубо спрашиваю я и чувствую, что краснею.

— А ей же все годится, Валера! — объясняет мне Толя. — Как сороке! А даром приходиться не станет, не расчит! Это всем известно! — Толя встает с земли, закидывает за спину ружье. — Бессовестная она, Валера!.. Ты б лучше с Томкой подружил! Томка и накормит, и постирает что надо... Томка — человек!.. А эта...

— А мне ее совесть не нужна! — отвечаю я Толе сверху.

— Ну как же... Без совести? — удивляется он.

— Ты-то свою... Жену бывшую... любишь? — говорю я зло. — Она про совесть не вспомнила! Тебя не пожалела!..

— Ты что, Валера! — изумляется Толя. — Она ж полюбила!.. Хоть и другого!.. Тут обиды нет, тут... Беда!.. Любовь же!.. Верка моя, знаешь, какой человек! Ей ни денег, ничего не надо! Только чтоб любовь была, понял?.. Что ты! Сравнил! С кем!..

Толя отворачивается и выходит на дорогу. Мне хочется остановить его, сказать, что не хотел его обидеть, но Толя останавливается сам, стряхивает с плеча ружье и тут же ловко стреляет вверх и в сторону дороги, откуда обычно приходит ко мне Валька.

— Пускай боится! — подмигивает мне Толя. — Послы наведаться! — обещает он и уходит к темной уже ложине, за которой начинается его участок.

В ответ на Толин выстрел со всех сторон виноградника откликаются сторожа — кто ружьем, кто свистком. Так будет всю ночь, пока мы не расстреляем всех патронов; но у кого-нибудь обязательно останется на один выстрел, чтобы на рассвете объявить всему свету, что ночь пошлабила, свалилась с плеч долой, и солнце вот-вот взойдет там, где уже порозовело и горит уже Венера, «Звезда Венеры», как величает ее Толя словами из какой-то неизвестной мне белорусской песни...

Я спускаюсь с вышки, забираюсь в шалаш, где у меня припрятана бутылка дешевого вина и триста граммов шоколадных конфет — для Вальки. Вина она не пьет, но когда в бутылке остается совсем немного, «пробует», как она говорит. Засовываю бутылку в карман фуфайки, конфеты же укрываю соломой и прижимаю сухими ветками. Так распорядится Валька. Конфеты она забирает утром, когда сменяет меня, приходит сюда на дежурство. Лицо у нее тогда хмурое, сонное, она вроде бы не замечает моей улыбки и спрашивает, озабоченно и официально, как будто мы не были ночью вместе: «Все в порядке?.. На участку?» До обеда она прячется в шалаше от солнца, спит. Я тоже, если не иду на море, отсыпаюсь где-нибудь поблизости, где виноградная лоза повыше и погуще, а когда просыпаюсь, бываю, вижу Вальку уже на вышке. На ней старая соломенная шляпа, выцветшее розово-лиловое платье, и вместе с колченогой деревянной вышкой, на которой она красуется, Валька напоминает мне гигантский репейник, сумевший так разрастись не иначе как благодаря этому щедрому южному солнцу... Днем она не подпускает меня к себе, боится, что увидят люди, и я долго лежу, как в детской люльке, между зелеными стенами, ем виноград, смотрю на нее и слушаю, как трудятся цикады, их яростный скрежет, треск и зудение. Где-то я читал, что цикады глухи, и для меня загадка, как они умудряются придерживаться заданного ритма, почти одновременно начинать и умолкать...

Пока я обхожу свой участок, становится совсем темно. Слышно, как идут пограничники: тяжело и часто бьют сапоги по каменистой дороге. Это смена постов. Значит, уже девять часов. Я приближаюсь к участку Виктора, прислушиваюсь. Виктор догадывается, для кого я беру виноград, и много с собой не дает. «Ешь здесь!» — говорит он мне обычно. У Виктора отборные столовые сорта: мускат александрийский и каталон — по три килограмма гроздь. На моем же участке — одни технические сорта: розовый мускат и саперави. Конечно же, Виктор понимает, для кого я стараюсь: однажды он рассказывал мне, что Валькина мать продает на базаре каталон втридорога... Я представляю себе Валькину мать, пышногрудую моложавую женщину с маленькими спрятанными глазками на оплывшем лице, стертом, как у каменных скифских или половецких баб, и мне вдруг делается неудержимо радостно оттого, что Валька совершенно не похожа на свою мать, что я один знаю, вижу в Вальке то, чего в ней, возмож-

но, из-за ее матери, не видят другие: ее прекрасное, тонкое лицо, такое удивительное, неожиданное у нее, простой совхозной девчонки, как будто оно у нее крадено!.. От избытка чувств я срываю с плеча ружье и стреляю вверх. И вся сторожка, весь виноградник от края до края, откликается мне кто ружьем, кто свистком, даже не подозревая, в честь кого салютует...

Теперь я знаю, где Виктор, — по его ответному выстрелу. Я двигаюсь быстрее, но стараюсь не шуметь. Вокруг тишина, лишь поют цикады, «турчат», как говорит Валька. К вечеру цикады то ли устают, то ли настраиваются на лирический лад: их голоса похожи теперь на далекие милицейские свистки, мирные, нетревожные, задумчивые... А может, это другие цикады, ночные... Я вхожу на участок Виктора, иду, не пригибаясь, — кусты здесь высокие, в человеческий рост; междурядья пропаханы, по борозде идти неудобно, и я стараюсь ступать по отвалу, ближе к кустам. Моя нога ударяет по чему-то тяжелому, я наклоняюсь, рука шарит в пустоте листьев, пока не наталкивается на крупную гроздь. Внезапная нагота винограда с такой ясностью напоминает мне о Вальке, что у меня перехватывает дыхание. Я быстро отрываю две большие грозди и уношу их к себе. Пригибаюсь теперь — на моем участке невысокие кусты. Наконец укладываю на траву виноград, снимаю ружье, кладу его на землю и сам ложусь рядом с ним. Это «наше» место, Валька сама показала его мне, когда мы познакомились, — островок густой, всегда зеленой, невысокой травы...

Я лежу, смотрю на звезды, прислушиваясь к отдаленной музыке из санатория, под которую сейчас, наверное, танцует Валька.

— Приветик! — вдруг раздается надо мной Валькин голос.

От неожиданности я не отвечаю, даже не поворачиваюсь к ней.

— Мы что, послули? — продолжает Валька игриво.

— Чего так... Рано? — говорю я, и, поскольку мой голос от волнения сипит и хрипит, может показаться, что я в самом деле спал и недоволен, что меня разбудили.

— Та! — отвечает она. — Тематический вечер и кино!..

— Про что вечер-то?

— Чего про что? Кино, что ли?

— Вечер!.. Тематический же!

— Это название такое! — объясняет мне Валька. — Поговорил один. Лектор. Потом музыку покрутили и — кино. Никто и не потанцевал... Старички одни собрались!..

— А ты бы поговорила со старичком, все же польза!

— Какая ж с него польза? — говорит Валька насмешливо и вертит ногой в лакированной туфле, как будто пританцовывает. — А как правильно шейк танцевать, Валера?.. Так?.. — Валька чуть приседает, я не могу удержаться и обнимаю ее ноги. — Ты! — отталкивает она меня. — Капрон порвешь!.. Пустит! Глухой, что ли?..

Я отпускаю ее, она осматривает чулки — вроде все цело.

— Дай фуфайку, что ли! Присесть хотя бы!.. Ого! Молодец! — Она увидела виноград, который я принес. — А конфетки нету?

— В шалаше, — отвечаю я и покорно снимаю с себя фуфайку.

— Отвернись! — говорит Валька. Она садится на фуфайку и стягивает чулки. — Можешь посмотреть! — Она аккуратно складывает чулки и прячет их в карман кофты. Затем осматривает туфли, стирает с них пыль. — Один, однако, подкатился, — рассказывает она. — Старик же... Когда музыку дали... Думала, на танец приглашает, а он просто так... Поговорить захотелось... Очень мне ваше лицо, говорит, знакомо, очень!.. И смотрит на меня... Сидит и смотрит... Ну, и я, как дура, сижу и молчу... А он все смотрит, смотрит... Потом и говорит: «Какое у вас красивое лицо!..» И смотрит дальше... Был бы помоложе, ответила бы! Ну, тут киношку начали... Я ее уже видала: «Братья Карамазовы» называется... Я и ушла...

— Посмотрела бы еще раз, — говорю я.

— Ну да, не хватало еще такое посмотреть!

— Не понравилось, что ли?

— А чего в нем хорошего?.. Из-за чего вся заваруха-то?.. Если она, эта Грушенька, то к одному, то к другому бегала, так и договорились бы между собой — родные вроде: отец и сын!..

— Что ты мелешь, Валька! — удивляюсь я новому Валькиному откровению. — Ты подумай, что ты говоришь!

— А что? — вскидывается она. — Лучше, по-твоему, убивать друг дружку, да?.. Все вы, мужики, такие, загребистые!.. Охо-хо! — как бы зевает она. — Пойти спать завалиться, что ли?.. Хоть ночь на мягком поспать!..

Она вытягивает голые ноги, опирается руками на фуфайку, на которой сидит, запрокидывает голову, как будто любит звезды. У меня захватывает дух от ее красоты, удивительной, необъяснимой

женственности, заключенной в каждом ее движении. Я смотрю на нее, не отрываясь, не двигаясь с места, как будто вижу чудо и боюсь к нему прикоснуться. Тогда она тянется к винограду, который я принес, отрывает одну ягоду, разглядывает ее, как драгоценный камень, улыбается нежно, мечтательно.

— И люблю ж я его, этот каталон! — говорит она и кладет виноградину в рот. Вдруг она замечает бутылку вина, поставленную мной под куст. — О господи! — вырывается у нее, как будто она видит змею. — И охота же людям деньги переводить!.. Девать больше некуда! Век бы его не видала, вина этого! — Она отворачивается.

— Может, попробуешь? — улыбаюсь я.

— Та! — не очень решительно отмахивается Валька. — Виноград — это да! Это ты молодец!.. Охо-хо! — опять как бы зевает она и ложится на фуфайку. — Чего-то спать схотелось!..

Она протягивает руку, шарит по низу куста, под которым лежит, и отламывает маленькую гроздь. Не глядя на нее, отщипывает маленькую ягоду и кладет ее в рот. Но есть не спешит, перекашивает в губах — это не каталон! Глаза ее закрыты, но я понимаю, что она видит меня.

— Возьми этот! — киваю я на каталон.

— Не, — отвечает она. — Домой заберу.

— Ешь здесь, — говорю я, совсем как Виктор.

— Не. Дома.

— Дома? — смотрю я на нее.

— Ага, — Валька открывает глаза. — Чего ты какой сегодня? А?.. По дому скучил? Ага? — Валька улыбается мне, как ребенку, прекрасные ее зубы влажно блестят, сияют в темноте. — Ничего, Валера, скоро пошабашишь... Через три дня, агрономша сказала, уборку почнем. Массовый сбор. Ты и поедешь. А чего тебе тут еще делать?..

— Поедем со мной! — вдруг говорю я.

— Куда? В Москву, что ли?.. А чего я там не видала? Очередница?.. Не. Больше проеждишь, чем привезешь!.. Денег пока столько нету. Может, правда, в Ригу съезжу. Или в Вильнюс. Сапожки хочу на зиму купить...

— А хочешь, я останусь здесь? Навсегда!.. Хочешь? — Я беру Вальку за руку.

— А мне-то чего хотеть? — усмехается Валька. — Как сам хочешь, так и делай. Мне-то что?..

— А если я женюсь на тебе?.. А в институте на заочное переведусь?.. Хочешь? — Я сжимаю твердую Валькину ладонь.

Неожиданная эта идея приводит меня в восторг, захватывает с тем большей силой, чем очевиднее для меня ее нелепость.

— Не, — отвечает Валька серьезно. — Замуж пока что не пойду — еще молодая, девятнадцати нет. Погуляю еще. Пока красота не сошла... Федька тоже прошлый год грозился жениться: на «Жигули» полувину собрал, вдвоем, говорит, скорей купим... Обижался, что отказала...

— Валé! — раздается вдруг негромко, но близко от нас. Это Толя.

Я пригибаюсь, затем ложусь на фуфайку рядом с Валькой.

— Валé! — зовет Толя.

Мы лежим тихо, не двигаемся. Голоса цикад поредели, слились в одну усталую, прерывистую трель, как будто все сторожа уснули, а милицейские свистки так и остались у них, спящих, во рту... Над морем поднялся Орион. Значит, уже одиннадцать часов...

— Если бы ты знала, если бы ты знала, как тоскуют руки по штурвалу, — запевает Толя и смолкает.

Так он всегда: пропоет начало песни и замолкает. Потом начинает другую. Или он не знает всех слов в песне, или ему скучно петь одному.

— Ребя! — слышим мы. Толя двинулся дальше.

Мы поднимаемся. Валька расправляет юбку. Затем поправляет волосы, откидывает их назад.

— Звезда Венера, звезда Венера! — опять запевает Толя.

— Верку свою поминает, дурачок! — говорит Валька. — Надеется, что вернется к нему, охламону!..

— Валé! — зовет Толя.

— Зови, зови! — усмехается Валька. Она застегивает кофту — становится прохладней.

Я беру свою бутылку, открываю ее, отпиваю немного.

— Может, еще и вернется, — говорю я.

— Верка, что ли? Как же! Подождет!

— Поймет, как он любит ее, и вернется.

— Поймет! Давно поняла: ни шагу не давал ступить без себя! Не говоря уже на танцы или в кино, на работе и то не отступал! Куда она, туда и он!..

— Любил, значит!

— Любил! Такой любви — спаси и помилуй! Любил! Она за ним ничего и не видала! Одни эти горы да море! На свободу вылетела, как его засадили! Хоть пожила немного для себя!..

— Почему — «для себя»? — говорю я. — Она друго полюбила!..

— Кого? Парикмахера, что ли?.. Ну как же! Есть на кого смотреть! И детный же, семейный! Одни обещания давал: уедем, уедем, а сам с ней в одну Ялту только и съездил. В ресторане посидели, один танец станцевали, тут Толька и наскочил, драку завел... И дали год за хулиганство... Может, они еще куда б поехали, не знаю, так этот все им перемешал...

— Валё! — раздается совсем близко от нас, но теперь с другой стороны: Толя дошел до конца ряда и теперь возвращается. По его голосу чувствуется, что он заметил нас или услышал. Мы ложимся.

— Ребя! — В Толином голосе уже нет уверенности.

Он идет вниз, к дороге, по которой шагают пограничники, новый наряд. Значит, уже двенадцать. Валька не шевелится, тихо лежит рядом со мной. Орион уже набрал высоту, распрямился во весь свой рост. Слева под ним яркий Сириус. Он горит, переливается всеми цветами. Наверное, там тоже каждую секунду происходят какие-то свои катастрофы. Но как красиво это издалека!.. Толи больше не слышно. Видно, ушел к себе на участок. Больше идти ему некуда — всем давно надоело слушать одно и то же, и все от него прячутся.

Валька сладко зевает, зажимивает глаза. Я прикасаюсь к ее руке, несильно сжимаю ее твердые сточенные пальцы, и они напоминают мне о прокаленной каменной земле, на которой мы лежим... Ты любила когда-нибудь, Валя? — говорю я.

Она не отвечает, глаза ее закрыты, а во рту, как глаз, блестит новая виноградина. Волосы ее почти неразличимы на темной фуфайке, и Валькино лицо кажется мне сейчас некрасивым, каким-то оголенным, даже уродливым. Мне делается пронзительно жалко ее: и ее красота, и бесстыдная, деловая откровенность со мной кажутся мне одним притворством, маской, за которой прячется что-то жалкое, маленькое, беспомощное. Я приподнимаюсь над ней, целую ее руку, пальцы.

— Валя! — говорю я. — Валя моя!.. Ты для меня стала... Все! Земля эта, звезды... Сам не знаю, как... Получилось... Никогда такого не было... У меня... А то, что было... Как не было... Понимаешь?..

— Валё! — жалобно доносится издалека.

— От дурачок! — незлобно, улыбаясь, как сквозь сон, говорит Валька.

— Мне ничего от тебя не надо!.. Я сам все для тебя... Буду... И если ревновать буду, не трону... Ничем... Не упрекну никогда... Как Толя буду... Любить только!.. — Я прижимаюсь лицом к ее лицу, чувствую щекой и виском ее холодный крепкий нос, теплые закрытые глаза, брови...

Над нами пылают звезды. Чернота между ними теперь огромней, тяжелей, и гор уже не видно, они только угадываются в этой непроглядной тьме, и кажется, что ночь остановилась и не может сдвинуться с места от своей тяжести. Вот быстро, как мышь, бежит по своей орбите спутник. Холод пронизывает меня — старая моя гимнастерка совсем не греет. Но я не двигаюсь, сжимаю зубы и смотрю на звезды, как будто хочу вобрать в себя их свет, далекое их тепло, и в самом деле чувствую тепло. Радость заполняет меня. Я приподнимаюсь и говорю громко:

— Я люблю тебя!.. Слышишь?.. Я тебя люблю!..

— Та тише ты! — открывает она глаза. — Услышит же!..

— Пускай слышит! — говорю я. — Он поймет!

— Ну да, как же! — Валька поднимается, садится. — Враз и прибежит!.. Ой, угрелась я! — Она расправляет юбку, кофту. — Пойду, пока не надоело, — говорит она. — От как я его донесу? — смотрит она на виноград. — Куфайку у тебя взята, что ли?.. А ты плащ накинешь, как смерзнешь, — говорит она, хотя знает, что дубовый наш, негнувшийся плащ только и хорош при дожде.

— Бери, — отвечаю я.

Валька оглядывается и видит не допитую мной бутылку вина.

— Попробовать, что ли? — спрашивает она. — Жажду удалить?

— Утолить, — поправляю я ее.

— Жалко стало? — улыбается она так тонко, нежно, умно.

Я беру бутылку и отдаю ей. Она отпивает немного и морщится.

— Не... Ну, была ж охота деньги переводить! На что!.. Хосподи!..

Однако делает еще глоток, отдает мне бутылку и встает.

— Не. Не надо мне твоего вина, — говорит она. — Давай лучше куфайку. Виноград положу.

— Не уходи еще... Побудь еще немного, — прошу я.

— Не. Пойду, — отвечает она. — Смерзла сегодня чего-то. Не простыть бы... Давай! — Она наклоняется за фуфайкой.

Я отодвигаюсь. Она поднимает фуфайку, отряхивает ее. Я смотрю, как она накладывает виноград, но не двигаюсь, полулежу по-прежнему, как будто я каменный.

— Ну все. Побегла, — улыбается мне Валька. Она держит двумя руками фуфайку с виноградом и своими туфлями. Затем поворачивается и уходит по тропке между рядами. А я смотрю ей вслед.

Вот она пропадает в темноте, и все у меня внутри пустеет. Господи, думаю я, на кой черт мне понадобилось объясняться ей в любви, в которой она ничего не понимает, как не понимает ни красоты земли, где выросла, ни гор, ни моря, в котором она даже не купается? Ведь она сама — и эта земля, и звезды, и море!.. Я хватаю ружье и бросаюсь вслед за Валькой. Я уже вижу ее, как она идет по ряду, то и дело отводя в сторону руки со своей ношей, выбирает место, куда поставить ногу: босиком здесь ходить опасно, того и гляди напорешься на острый камень или на конец проволоки, отставшей от железобетонного кола. Валька слышит, что я ее догоняю, но не останавливается и не оглядывается.

— Валя! — говорю я.

— Чего? — Она не оборачивается, продолжает идти.

— Поймай! — говорю я. — Обожди!

— Ну, чего? — Она останавливается, но не оборачивается.

— Поймай! — Я беру ее за руку.

— Ну, стой! — говорит она.

Сердце у меня колотится, во рту сухо, как будто я пробежал километров пять, а не пятьдесят метров.

— Положи виноград, — говорю я. — Посидим минутку...

— Не, — отвечает она. — Завтра приду.

— Минуту же! — прошу я и беру ее за локоть, но она отводит руки в сторону.

— Сказала, завтра! — Она идет по ряду, выбирая место, куда поставить ногу, как будто танцует.

— Валя! — иду я за ней. — Валечка!.. Валуша!..

Она не отвечает. Я пользуюсь моментом, когда она делает шаг в сторону, к кустам, быстро обхожу ее и преграждаю ей дорогу.

— Одну же минутку, Валя! — чуть не кричу я.

— Та сказала ж, завтра! — злобно говорит она. — Глухой, что ли? Минутку ему!.. Целую ночь почти что отбыла — минутки не хватило!.. Отступись!..

Она пытается обойти меня, но я отступаю на шаг, снимаю с плеча ружье и навожу на нее.

— Клади виноград! — говорю я громко. — Ну!

Она удивленно смотрит на меня, затем пытается улыбнуться.

— Ты чего? — говорит она.

— Клади!.. Кому говорят? — Я приподнимаю ружье.

— Стрельнет же! — пугается Валька. — Ты что?

— И стрельнет! А ты как думала? Попорчу твою красоту, пока не сошла еще!..

— Ты что ж? Как Толька? Силу применять? — приходит в себя Валька. — Силком хочешь, да?.. А за это, знаешь, сколько дадут? А?.. Ты спроси у дружка своего, он знает!..

— А за это? — показываю я дулом на фуфайку с виноградом. — А?.. Или объездчика позвать, чтоб он тебе объяснил?.. Клади давай!..

Валька приседает, не сводя с меня глаз, бережно опускает на землю свою ношу, смотрит на меня снизу.

— Вот так, — говорю я. — Вытряхивай виноград!

— Ты что, Валерик? — нежно улыбается мне Валька. — Обиделся, что ли? Чего ты какой сегодня?.. Целую ночь бунтуешься!..

— А ты какая? — отвечаю я.

— А какая? Такая же самая! — говорит Валька ласково, кротко.

Я опускаюсь на колени рядом с ней, отбрасываю в сторону ружье, обнимаю ее и целую. Она пытается что-то сказать, но я больше не даю ей говорить...

Я лежу час, или два, или совсем немного, я не знаю. Сколько сейчас?.. Я не слышал, проходил ли следующий наряд пограничников. Вот опять бежит по небу спутник. Вальки давно уже нет со мной, она убежала, унесла фуфайку и виноград. Больше она не придет ко мне. И не надо ей больше приходить. Скоро я уеду. Еще две-три ночи, и все. Надо за эти дни накопаться на прощание, поплавать, понырять, пока море еще теплое... Холодно. Я встаю, беру ружье и иду к своему посту, где оставил плащ. Все-таки в плаще теплее. И в шалаше. С гор дует ветер, и кусты клонятся и шумят, как деревья. Звезды уже задымились, чернота между ними посерела — скоро начнет светать, самое время поспать немного. В эти часы наверняка никто не появится, не «найдет»: ни объездчик, ни вор, ни зверь. Да и какой там вор! За две недели, что я «сторожую», я не спугнул ни одного вора, ни одной лисицы! А кому здесь воровать? Виноградник далеко от шоссе, и два ряда старой колючей проволоки да новенькая проволочная сетка остановят любого желающего. Однако каждую ночь мы, пятеро мужиков, выходим сюда на дежурство и получаем за это по три рубля. У каждого — ружье, и хотя нам разрешается стрелять только холостыми, кто удержится

и не зарядит патрон дробью или чем-нибудь посуше — стальной — мало ли что! Поэтому иногда среди ночи можно услышать вслед за выстрелом долгий воющий звук, как будто кто-то попал в какого-то зверя и раненый зверь убегает. Такой звук издает свинцовая закрутка. Она водится у сторожей, хотя применять ее категорически запрещается. Два года назад такой закруткой был убит на винограднике местный парень, совхозный шофер. Ночью он залез на виноградник, набрал в продуктовую сумку винограда и уже уходил, как тут проснулся сторож и спросонья, с перепугу пальнул в ту сторону, где шевелились кусты. Обычно закрутка не летит прямо, как пуля, а виляет, меняет направление — оттого у нее такой звук, но сторож стрелял с близкого расстояния, и парень был убит сразу — закрутка попала ему в висок. Сторож тот еще отбывает срок, пять лет строгого режима, а жена его работает в совхозе, сторожит на винограднике, как Валька, днем. В обед к женщине приходят ее дети, мальчик и девочка. Идут они из школы с портфелями, а от матери уходят еще и с продуктовой сумкой, полной винограда, несут ее вдвоем, но никто не обращает на это внимания — все понимают, что семье без отца приходится несладко...

Вот и мой пост: шалаш, вышка и плащ на ней. Я взбираюсь по стремянке, беру плащ и быстро спускаюсь — наверху ветер кажется особенно пронизывающим. Выбрасываю из шалаша сухие ветки, залезаю внутрь и укрываюсь плащом. Лежу неподвижно, стараюсь ни о чем не думать, согреться и уснуть, но не могу. Только теперь я чувствую по-настоящему, как холодно, но упорно стараюсь уснуть, лежу не двигаясь. Проходит время, мне холодно по-прежнему. Подгребаю к себе солому, и рука моя наталкивается на кулек с конфетами, купленными для Вальки. Я достаю конфеты и принимаюсь их есть. Они кажутся мне невыносимо приторными, от сладости у меня выступает пот на лбу, но я вспоминаю фуфайку, которую утащила Валька, и продолжаю есть, пока тошнота у меня не пересиливает холода, озноба. Мне не хватает воздуха, всего меня ломит от неподвижного лежания на боку, от этой конфетной сладости, но вылези на холод я не решаюсь. Протягиваю ноги, выставляю их наружу, потом поворачиваюсь на спину и вижу звезды. Жесткая проржавевшая крыша шалаша вся в заметных дырках, но сейчас они светятся, как звезды. Я отбрасываю плащ и выползаю наружу. Рассвет только начинается, но звезды уже пропали, и вокруг так голо и серо, что и желтые, и красные листья кажутся серыми, а сами кусты не стоят, как обычно днем, а висят уныло на проволоке и напоминают куриц со свернутыми шеями. На земле валяются обьединенные виноградные ветки, железные и деревянные колья, оружие дневных сторожей, куски газеты, обрывки проволоки, все, что днем почему-то не бросается в глаза, и трехногая скрипучая вышка тоже кажется голой, жалкой и, как все вокруг, обобранной этим предутренним серым светом...

Я поворачиваюсь к шалашу, приседаю, чтобы опять залезть туда, и вижу там, в темноте, белые бумажки от конфет. И я вспоминаю все, что было со мной этой ночью, все, что я делал, и смертная тоска наваливается на меня. Мне хочется упасть на землю, прижаться к ней изо всех сил, спрятать в нее лицо... Проснувшись цикада, прояснился ее голос, и теперь он совсем не похож на милицейский свисток — робко запекает одинокая дудочка, пробует, ждет, как видно, что ее поддержат другие, и умолкает. И тут оглушительно гремит выстрел. В первую секунду мне кажется, что стреляют в меня. Но в следующее мгновение меня обжигает такая догадка, что меня подбрасывает, как пружиной, — я выбегаю на дорогу. То, что мне представляется, переполняет меня, оно в каждой моей мышце, в каждом ударе сердца, и я мчусь вниз, к лошине, к Толиному участку, откуда прогремел выстрел, и хоть с каждой секундой все яснее понимаю, что то, что пришло мне в голову, не что иное как моя фантазия, возможно даже, сон, меня неудержимо тянет заорать на весь виноградник, что Толя застрелился! Потому что человек не камень! Не земля! Не вода! Не трава!.. Вот вышка Толина, вот шалаш!..

Толи нет... Я оглядываюсь, затем иду между рядами к лошине... Дохожу до конца ряда и вижу Толю. Он лежит под кустом, запахнувши фуфайку на груди и обнявши ружье. Он спит. Рот его приоткрыт, кажется, что Толя улыбается. Я поднимаю голову и вижу над лошиной звезду. Это Венера. Вот в честь кого стрелял Толя! Как я не догадался, не увидел ее раньше? Да и не могло быть у Толи ни дробин, ни свинцовой закрутки! У Толи-то!..

Я тихо отхожу от него, поднимаюсь к дороге, и Венера подымается вместе со мной, разгорается все ярче. По морю от нее бежит чуть заметная розовая тропка, которая вот-вот растает. Но мне кажется, такое у меня чувство, что, если смотреть и смотреть на нее, не отрываясь, тропка эта не исчезнет, не растает, не пропадет...

Наталья ГАЛАДЖЕВА

Между высокими столбами ворот Ваганьковского кладбища прохожу по центральной аллее знакомым маршрутом. Вот сейчас будет поворот, за ним другой, и я у ограды. Внутри, прямо против входа, — изящная и легкая полуметровая стела из серовато-зеленоватого гранита. Вверху надпись — «Олег Даль»; внизу, у самого постамента, две даты — «25.5.1941 — 3.3.1981». Как всегда, здесь много цветов... Иногда на эту могилу приходят целые экскурсии. Незнакомые люди берут на себя роль экскурсоводов. И тогда можно услышать нечто весьма далекое от реальной действительности. Таким образом восполняется недостаток информации: вместо ненаписанных рецензий и статей — досужие вымыслы, невышедших фильмов — загадочные слухи о них.

Сейчас, когда правда доступна большинству, словосочетанием «полночное кино» никого не удивишь. Настораживает другое. Понятие «справедливость» теряет свой изначальный смысл. Легче легкого воздать должное тем, кто знаменит во всем мире, и тем самым продемонстрировать мировому общественному мнению, так сказать, «перестройку в действии».

А как же быть тем, кто известен и любим у себя на родине не меньше и чье творчество долгое время замалчивалось? Наверное, пора уже сказать о них правду, не отдавая их судьбы на откуп случайным людям на кладбище, которые с уверенностью выдают невероятное за очевидное. Пора уже сделать предметом гласности их жизнь и творчество.

Как гамлетовское «Прощай, прощай и помни обо мне» звучит одна из последних записей Олега Даля в его дневнике:

«Стал часто думать о смерти. Удручает никчемность. Но хочется драться. Жестоко. Если уж уходить, то уходить в неистовой драке. Из всех оставшихся сил стараться сказать все, о чем думал и думаю. Главное — сделать!!!»

Олегу Далю удалось «сделать». Он один из немногих актеров 60—70-х годов, кто сумел рассказать о трагедии интеллигенции своего поколения. Это были люди радужных надежд и разрушенных иллюзий, колоссальной потенции и обидного бессилия, огромных творческих возможностей, но пришедших в конечном итоге либо к опустошению, либо к сделке со своей совестью. Многие из этих состояний актер пережил сам, многие наблюдал со стороны. На его глазах ломались характеры, судьбы. И он знал, сколь мучительно преодоление себя, как тяжело не дать равнодушию и безразличию заглушить все лучшее, что в тебе есть. Знал, если еще сравнительно молодым сделал в дневнике запись, ставшую для него программной:

«...Хранить СЕБЯ! Это ГЛАВНОЕ. Не приспособиться. Не обезразличиться. Обратиться внутрь — там моя сила, моя земля обетованная. Дело — моя крепость. Никого близко не подпускать. Я — хозяин! Я — раб!»

На эту борьбу уходили физические и душевные силы. Немногие выстаивали в этой борьбе. Он был среди этих немногих.

«ОТЧАЯНИЕ. Можно найти признаки ума в скопище мошкеры, забившей театр и кинематограф и выносящей суд тому, чего им не дано ПОНИМАТЬ?»

«Нет, не вписываюсь я в их «систему». Систему лжи и идеологической промывки мозгов. Чувствуют врага в искусстве. Переходят на личности. Правильно чувствуют. Я, в каждой роли, я. Но забывают закон: чиновник правит, но не вечно, искусство управляет и в душу проникает, а, стало быть, оно вечно. Я их презираю душой и ненавижу умом».

Олег Даль с гневом писал о том, что считал вредным, что считал падением искусства своего времени. В его словах нет неправды. Давно уже сказано с высоких трибун о той лжи, которой мы долгое время питались. На наших глазах «высокоидейные», но, к сожалению, малохудожественные произведения поддерживались, превозносились, награждались, ставились в пример. С точки зрения идеологии в них было все правильно, но там не было искусства. Все свои силы, внешне сдержанный и как бы отрешенный, актер вложил в борьбу с бездуховностью, рож-

даемой таким искусством. Делал он это, как умел — своим творчеством.

Актер появился в кинематографе «мальчишеским интеллектуалом» 60-х годов. Но вот этот мальчик вырос и пришел в фильмы другой эпохи — со всеми теми изменениями, которые время вносило в его характер. Среди героев его темы — люди разных временных слоев. Но, связанные личностью актера, все они современные, или, как актер любил говорить, своевременны. Дорогие ему мысли, идеи, проблемы он забирал с собой, свободно переносил их из одного времени в другое. Он вел речь от себя и от имени своего поколения. Он говорил о том, что происходит с человеком в результате обесценивания духовных ценностей. О неспособности мыслить самостоятельно в обществе, где говорится одно, думается другое, а делается третье.

Напомним фильмы далекой темы — «Удар рога» (Хосе Альба), «Плохой хороший человек» (Лаевский), «По страницам журнала Печорина» (Печорин), «В четверг и больше никогда» (Сергей), «Отпуск в сентябре» (Зилов). Из всех только «Печорин» прошел по экранам ЦТ без проблем. «Удар рога» был смыт с видеопленки за ее дефицитностью после единственного показа. «В четверг и больше никогда» шел в Москве всего два дня и был снят с экранов. «Плохой хороший человек» шел чуть больше, но тоже мало. Как выяснилось позднее, эти и многие фильмы сходной судьбы назывались «фильмами ограниченного проката». Что же касается телефильма «Отпуск в сентябре», то его судьба хорошо известна. На экране ЦТ он появился спустя восемь лет после создания. Причем, не доверяя умственным способностям советского телезрителя, руководство ЦТ не ограничило выступлением режиссера В. Мельникова, представившего свою картину. После окончания просмотра кинокритик Г. Каприалов объяснил нам, о чем говорилось в фильме, который мы только что посмотрели.

За трагический, пронзительный образ Зилова актер был удостоен приза Союза кинематографистов за лучшее исполнение мужской роли на Минском фестивале телевизионных фильмов. Первая награда актеру — через шесть лет после смерти.

Не просто иметь свою тему. Очень трудно выделить ее из вороха предлагаемых ролей и вести из фильма в фильм. Но еще труднее донести ее до зрителя, если он твои фильмы не видит.

В 1976 году режиссер А. Симонов снял Олега Даля в главной роли в фильме «Обыкновенная Арктика». Картину единственный раз показали по тогдашней четвертой программе. В это время шла очередная Олимпиада, и фильм, естественно, мало кто смотрел. Повторного показа не было. В 1977 году на ЦТ была сделана запись передачи «Трубка коммунара», в которой Даль читает рассказ И. Эренбурга. Вышла она в 1987 году. Сам актер на голубом экране ее так и не увидел.

Кадр из фильма «Отпуск в сентябре».

Причины, по которым задерживались эти работы, в некоторых случаях просто смешотворны. Например, про «Обыкновенную Арктику» было сказано, что не нужно разрушать тот романтический стереотип, который сложился у зрителя об Арктике с 30-х годов. Про «Плохой хороший человек» — что нашему зрителю он будет неинтересен (фильм по чеховской «Дуэли»!). Про «В четверг и больше никогда» — таких типов, как главный герой, у нас нет.

И все же, несмотря ни на что, Олег Даль продолжал «делать». Однажды актер заперся у себя в кабинете, включил проигрыватель и магнитофон и записал черновик моноспектакля по стихам М. Ю. Лермонтова. Переплелись две эпохи, две судьбы — великого русского поэта и нашего современника. Переплелись родством душ, мыслей, чувств... Открыв нам своего Лермонтова, он приблизил к нам поэта, дал возможность услышать его живой голос. Как, откуда он мог его услышать — это загадка выдающегося актера.

Предназначался спектакль для концертного зала имени П. И. Чайковского. Но довести его до сценического воплощения актер не успел. И все же он оставил его нам. Часто записывая собственное чтение на магнитофон, актер затем его стирал. Но пленку с этой записью он оставил. Ее отреставрировал сотрудник Государственного литературного музея С. Филиппов. А в 1986 году фирмой «Мелодия» был выпущен диск под названием «Наедине с тобою, брат» — так должен был называться спектакль. А через год Всесоюзное радио выпустило ее в эфир. Полился поток писем благодарных слушателей.

«...Олег Даль сумел в этом спектакле стихами великого поэта раскрыть трагедию своей личности и драму своего поколения. Поколения художников — современников Высоцкого, Шукшина, Тарковского, хотя они были и старше его, но близки по судьбе, по бескомпромиссному поиску правды и справедливости. В созданном Далем спектакле — горькое обвинение времени, обществу, в котором он жил, беспощадный суд над собой и своим поколением, над его слабостями, нередким уходом от тяжелой борьбы с бюрократией, ложью, приспособленчеством...»

«По своим годам я отношу себя к поколению Олега Даля. Его моноспектакль, как его завещание художественное, является, на мой взгляд, из составляющих совести нашего поколения, совести болезненно честной и жаждущей справедливости, социального действия».

ЭЛЕНТУК Илья Павлович,
Томск».

«Удивительно! Никогда не слышала, чтобы так читали. Это не артист, не теперешний человек, это сам Лермонтов со своими думами. Это его боль, гнев, сарказм, любовь, нежность. Глубина мысли, музыка стиха, титаническое познание мира, природы, вечности — все передано артистом. Глубина огромная. Вот спасибо, что не разошлись, что встретились с Олегом Далем еще раз, еще раз приобщились к его неразгаданности, его очарованию».

Зоя Николаевна АВДЕЕВА,
пенсионерка,
Ленинград».

Все-таки Олег Даль пришел к людям. Пришел своими фильмами, исполненными им песнями и стихами, пришел как личность.

«...Все чаще и чаще в последние годы в квартире Олега Даля раздаются телефонные звонки с просьбой разрешить прийти и посмотреть, как он жил и работал, его кабинет. Небольшая, скромно обставленная комната с фигуркой Пушкина на письменном столе, книжными полками и фотографиями на стенах, с которых смотрят на нас грустные и печальные глаза актера, раздвинула свои параметры и смогла вместить всех желающих. И знакомых, и незнакомых, деятелей культуры и людей чисто технических профессий. Все так же лежит на своем месте темно-зеленая книжечка дневника, все звучит голос артиста, усиленный динамиком, ждет своего хозяина гитара».

Так возник маленький культурный центр, который очень нужно сохранить. Ведь он дает людям общение, согретое дыханием не так давно ушедшего артиста. Они приходят сюда с намерением вспомнить Олега Даля, а уходят с ощущением, что только только его для себя открывают...

РА - ДО И ПОСЛЕ

ДВАДЦАТЬ ТРИ
КИНОРОЛИ,
ДВАДЦАТЬ
ТЕАТРАЛЬНЫХ И
ШЕСТНАДЦАТЬ
ТЕЛЕРАБОТ.
И, ЭТО
ВСЕГО
ЗА ДВАДЦАТЬ
ЛЕТ РАБОТЫ
В ИСКУССТВЕ.
НО ДЕЛО,
РАЗУМЕЕТСЯ,
НЕ В ТОМ,
«СКОЛЬКО»,
А В ТОМ,
«ЧТО» И
«КАК».
И В ЭТОМ
СМЫСЛЕ
ОН МОГ БЫ
СДЕЛАТЬ
ГОРАЗДО
БОЛЬШЕ,
НО ЗДЕСЬ
ЕГО ВИНЫ
НЕТ.
ТАЛАНТ
СИЛЬНЫЙ,
ОДУХОТВОРЕННЫЙ,
РАЗНООБРАЗНЫЙ —
ОЛЕГ ДАЛЬ
С ОДИНАКОВОЙ
ЛЕГКОСТЬЮ
И БЛЕСКОМ
ИГРАЛ
И ТРАГЕДИЮ,
И КОМЕДИЮ,
И ТРАГИКОМЕДИЮ,
И ЭКСЦЕНТРИКУ,
И ГРОТЕСК.
НО УРОВЕНЬ
НАШЕГО
КИНЕМАТОГРАФА
В 70-е ГОДЫ
ХОРОШО
ИЗВЕСТЕН.
А ИГРАТЬ
ЛИШЬ БЫ
ИГРАТЬ
ОН НЕ МОГ
НИКОГДА,
А ПОД КОНЕЦ
ЖИЗНИ
И НЕ ХОТЕЛ.
КАК БОЛЬШОЙ
ХУДОЖНИК,
КОТОРЫЙ
ЖИВЕТ
НЕ «В ОЖИДАНИИ
СВОЕЙ СЦЕНЫ,
СВОЕГО
КРУПНОГО
ПЛАНА».
ОН,
ПО ЕГО СЛОВАМ,
ЖИЛ «ЦЕЛЫМ».
ЧУВСТВОВАЛ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ЗА ТО,
ЧТО ОСТАВЛЯЕТ
ПОСЛЕ СЕБЯ.

ОЛЕНЬИЙ Ч

Фото
Юрия
КАВЕРА

ИГОЛ

лучается и у горожан мысль: а не податься ли на жительство в деревню, куда-нибудь в глушь?

Но есть люди, которых «цивилизация» никуда не тянет, они верны давнему укладу и прадедовским обычаям. Им по душе редкие перелески, воздух без чужих дымов и вообще любой тундровый пейзаж через ажур оленьих рогов. Таковы коми-оленеводы.

Есть у них дома в Казыме, далеко на север от Ханты-Мансийска. Но живут в них редко, предпочитая чум. Да и какой дом при оленях?

Цивилизации, впрочем, коми-кочевники не чураются, но пользуются ею только по необходимости. Вертолетом, скажем, чтобы детей в интернат доставить, рацией, коли нужна в медике случится, в быту — отчасти продуктами и одеждой. Да и то ею больше мужчины интересуются.

А женщины предпочитают нарядную, национальную. И кухня по большей части своя сохраняется.

Вот и натягивают олени жилы на лук ребята, только-только прилетевшие на каникулы. Потом приносят с болота подбитого кулика. Можно было бы и с ружьем. Но ребята коми стараются не шуметь зря. А у взрослых охота — целый ритуал. Выстрел гремит в крайнем случае, когда медведь у стада.

Цивилизация не гость, но и не хозяин в чуме. Ее приме-

ты органичны в быту. Но не кажется архаизмом и икона Николая-чудотворца, покровителя странствующих, рядом со свежим номером «Огонька»... Оторваны от Большой земли? Лишь расстройством. Замкнулись в своем ограниченном мире? Тоже не так, поскольку радушны и приветливы. Да и сыновья уходят служить в армию. Но ведь возвращаются. А может, все дело как раз в языке и природе, которые держат на родной земле крепче всяких якорей?

ТОЛЬКО ПОСТУПКАМИ СОВЕСТЬ ЖИВА

Михаил
КВЛИВИДЗЕ

АВТОПОРТРЕТ — 1981

Взгляд осторожный с горячностью рысей.
К делу приучен, хотя и речист.
Счастлив представить: Миха Квливидзе —
добрых намерений «авантюрист»!

Вас не смутила невнятная фраза,
не испугали чудные слова?
Дело — надежней любого рассказа,
только поступками совесть жива!

Что б ни писал я, о ближних радея,
все-таки я перед вами в долгу,
если на деле — всей жизнью своею
вам ничего доказать не смогу!..

Свойственно мне унывать без причины,
но иногда, своенравен и прям,
я обретаю всю доблесть мужчины,
пылкость и смелость, любезные вам.

Завтра, хотите, в счастливую сказку
я превращу этот горестный мир,—
сброшу с подонка приличия маску,
любящим выкрою свадебный пир!

Завтра, клянусь, инвалид из артели
снежный Памир покорит и Тибет;
или, хотите, с Ваню Мачабели
силой сравняется юный поэт!

Я вас избавлю от горя и смерти,
дождь на несчастных пролью золотой,—
только доверьтесь мне,
только поверьте,
следовать только рискните за мной!..

Кажется, бабкою быть повивальной
я для беременной жизни готов.
В чем тут вина моя? Лишь бы нормальный
мальчик родился — красив и здоров!

Не до стихов, если рушится кровля.
Праздная нынче смешна болтовня.
Делом спасайся! Стыдись суесловья!
Дело — заглавье удачного дня!..

Дар мой непрочен, но солнцем пронизан
мир этот бренный и все-таки мглист...
Счастлив представить: Миха Квливидзе —
доброжелательный «авантюрист»!

* * *

Академику Евг. Харадзе

Высокогорная обсерватория
снится мне в ярких полдневных лучах.
Словно небесная фантазмагория
держится вся у нее на плечах.

Сложные предпринимая усилия
для изучения звездных орбит,
здесь современная дышит идиллия:
прыгает белка, и дятел стучит.

В звездном душа обновляется инее,
алгеброй чудо здесь охлаждено,—
небо такое мучительно-синее,
что даже кажется черным оно.

Господи! Как величава симфония
эта, подобье сновидческих нег!
Все-таки, значит, возможна гармония,
может с Природой совпасть человек?

В общности этой, согласиен дышащей,
непонимания нет и обид...
Вслушаюсь: рядом с машинкою пишущей
маленький дятел бесстрашно стучит.

У МОГИЛЫ ЕЛЕНЬ МАЧАБЕЛИ В КАНОБИЛЬСКОМ ЛЕСУ

Уж если кто и вправе «я любила»
сказать, то это вы: так безоглядно
любили вы, что, мнится, не остыла
любовь и после смерти; так громадна
была любовь, столь искреннего рода,
что с той поры, как веки вы сомкнули,
здесь, у могилы вашей, вся Природа
стоит, скорбя, в почетном карауле.

* * *

Ноги из отстоянья в воде покраснели,
Стадо, как пересохшее русло реки...
Лишь представлю себе эти камни и мели,—
Так заслышу забытого детства шаги.

Эге-гей! — окликает оно издали,
Из-за пасмурных гор, из-за шумной листвы.
Босоногий мальчишка волнует глубоко
И тревожит меня, пожилого, увя!

О, как воспоминания эти мне любы,
Как шальной ветерок пробирает и льнет,
Как мне хочется, господи, вымазать губы
Ярким соком ореховым, терпким, как йод...

СЛАВА

Вдруг слава выглянет, как солнце из-за тучки,
Случайно выделив кого-нибудь из тьмы.
Где справедливость? Шариковой ручки
Изобретателя не знаем имя мы!

Перевел с грузинского А. КУШНЕР

С НАТУРЫ

В кухоньке
тесной, как спичечный коробок,
они умудрились
разместиться вчетвером:
четыре женщины,
четыре жены и матери,
упакованные в модные платья,
втиснутые в джинсы.
Они дымят сигаретами
и говорят, говорят...
«Мальборо»,

«Кент»,

«Пелл-Мелл»...

Зажигалки —
японские, шведские, американские...
(У них все — заграничное!)
Они говорят, говорят...
Уже четвертый час
клубами дорогого сизого дыма
пропитываются стены и потолок.
Телефон —
привязанная к черному проводу
белая болонка —
вынесен на кухню
и время от времени взвизгивает,
что слегка оживляет
монотонную эту беседу,
в которой упомянуты все и вся,
кроме самой четверки,
раскуривающей сигареты
в тесноте между газовой плитой,
столиком и холодильником.
Надо помнить, что в гостиной
живет антикварная мебель,
(добытая из дворца Георга Четвертого!)
серебро, мрамор, хрусталь...
В эту гостиную входить нельзя.
«Табу» написано и на спальне,
но там царит уже не Георг, а Людовик,
барокко, рококо...

— Ко-ко-ко... — кудахчет хозяйка, —
ко-остюмчик принесли на продажу.
— О-о-отлично... — откликаются еще
три курицы хором,
смежают наклеенные ресницы,
и горбатые клювы свои
погружают в китайские чашечки,
и кофе побулькивает в их горлах.
(Потом они опрокинут фарфоровые чашечки
и по рисунку гуши
определят с тревогой
каждая — свою судьбу.)

Четыре мужа, четыре петуха, —
один из них отбывает наказание,
другой — в ресторане,
третий — районный начальник,
мешит сапогами грязь на проселках,
четвертый — далеко в Аргентине
семенит на цыпочках по сцене
и этим величайшим достижением
национальной культуры
ошарашивает иностранцев...
В кухню втискивается мальчик
с перемазанными в чернилах пальцами.
— Мама, задачка не получается...
— Он измучил меня, — стонет мама. —
Отвяжись ты, наконец!..
Мальчик уходит.
А женщины продолжают беседу,
и четыре сигареты,
как четыре фабричных трубы,
все дымят и дымят
в знак того, что в нашем городе
еще не окончился
рабочий день.

Перевел Ю. МИХАЙЛИК

* * *

Я на земле Поззии солдат.
Лишь вдохновенье — командир поэта.
И только тем я знатен и богат,
что есть во мне
и что на мне надето.

Я подданный Ее и гражданин.
Ее ярмо я на себе таскаю.
Достаток у меня всего один:
все, что мне мнится
и о чем я знаю.

Какой богатый я! Как счастлив я!
Благодарю тебя, страна моя,
за все, что не сберег и не припрятал.

Я постарел? Вы думаете? Нет.
Я только устарел, как тот сонет,
которого никто не напечатал!

Перевела М. АЛИГЕР

* * *

Если б сызнова жить мне выпало,
кем бы ни было в радости этой:
өлкой в рощице,
зайцем во поле
или снова, простите, поэтом, —
я просил бы судьбу — не от робости —
сделать так, как еще не бывало:
чтоб топор ко мне не притронулся,
чтоб борзая меня не догнала;
чтоб, прожив стихи свои краткие,
знал в последнюю из минут —
хоть украдкою, хоть догадкою, —
«Чем потомки меня помянут?»¹

Перевел Ю. МИХАЙЛИК

¹ Известная строка Галактиона Табидзе.

БОЛЬШЕ СОЦИАЛИЗМА!

Начало на стр. 4.

знаем. Известно другое: тридцатые годы создали наш военно-экономический потенциал.

Для того чтобы такой потенциал создать, нужно было изымать средства из сельского хозяйства, перекачивать средства из гражданской промышленности в военную, из легкой промышленности — в тяжелую. В условиях нэпа, основа которого — эквивалентный обмен, такая перекачка средств была бы невозможна. Требовался неэквивалентный обмен между отраслями производства, а он мог осуществляться только принудительной силой государства. Так что, я думаю, нэп в течение десятилетия не успел бы дать тех результатов, которые дала чрезвычайная система управления.

Мы на протяжении одного поколения из страны отстали, из провинции мировой политики стали тем, что сейчас называется «сверхдержава». Мы выстояли в чудовищной войне и стали одним из двух центров мировой политики. Я не знаю в истории другого такого взлета.

В. Н. ШУБКИН: Взлета, который неизбежно предвещал последующее падение...

Б. П. КУРАШВИЛИ: Нет, падение произошло оттого, что мы вовремя — в 50-е годы — не перешли от чрезвычайного управления к нормальному. Но сейчас, если уж мы говорим о факторах необратимости перестройки, надо понимать: у многих появляется соблазн вернуться к чрезвычайному управлению, лишь бы выйти из застоя. Вы уверены в том, что не найдутся более или менее многочисленные слои, которые среагировали бы положительно на возврат чрезвычайных мер? Давайте все же — мы ведь ученые — объективно исследовать процесс. Конечно, без моральных оценок обойтись нельзя, но было бы оскорблением народной интуиции, народного чувства считать, что ничтожная личность могла завоевать такой авторитет. Поклонение-то Сталину было искренним! Масштабы этой личности огромны.

Ю. Ф. КАРЯКИН: Масштабы личности ничтожны!..

Б. П. КУРАШВИЛИ: Нет, огромны. И результаты деятельности огромны.

Ю. Ф. КАРЯКИН: Господи, да результаты ужасны!

В. Н. ШУБКИН: Да, Сталин — личность огромных масштабов и гениальный организатор, если принять позицию: «Я освобождаю вас от химеры, называемой совестью». И тогда можно творить что угодно...

Б. П. КУРАШВИЛИ: Опять эта моральная оценка! Но мы должны разобратся, почему все же этот самый проклятый культ личности до сих пор сохранил в народной памяти и какие-то привлекательные черты? Почему шоферы выставляют на лобовое стекло портреты Сталина? Я после январского (1987 года) Пленума ЦК КПСС ездил с лекциями в Кемерово и Томск, и на каждом втором выступлении меня спрашивали, когда наконец Волгограду вернут его «настоящее» имя. Откуда это? Конечно, Сталин совершил возмутительные беззакония и жестокости, и ему этого народ не простит. Но одновременно он оставил о себе память как о деятеле, который не давал распу-

саться «начальству». Понимаете? Вот что останется...

В. Н. ШУБКИН: Хотя это неправда.

Б. П. КУРАШВИЛИ: Это — чистейшая правда. Именно не давал распу-саться «начальству»...

Л. А. ГОРДОН: Он не давал распу-саться против себя! А против наро-да...

Б. П. КУРАШВИЛИ: Нет, нет, подо-ждите, всевозможные корыстные по-ступки и тому подобные действия пре-следовались беспощадно. Сталин дер-жал бюрократический аппарат в кула-ке. И это народ помнит.

К чему я все это? Да поймите вы: не к тому, что Сталин — это хорошо. Я о другом: о серьезной опасности, ко-торая должна же нас насторожить! К сожалению, поскольку перестройка еще хромает, вполне возможно возник-новение настроений в пользу чрезвы-чайных мер, в пользу установления ав-торитарной власти — вроде бы для того, чтобы провести перестройку, а на деле для того, чтобы с ней покончить. И тогда, конечно, мы еще не на одно поколение будем отброшены назад. Вот почему нам все-таки необходимо спо-койно и объективно разобраться: что же такое сталинизм? Только разобрав-шись, можно говорить о демонтаже остатков сталинизма и возникших по-сле него застойных явлений.

Что же касается гарантий от безза-коний и жестокостей, то здесь нам ни-что не поможет, кроме создания того, что называется правовым, государ-ством.

В. Н. ШУБКИН: Борис Павлович, вы знаете, я старательно вас слушал и за-писывал. Итак, чрезвычайное управле-ние было необходимо... Необходимо было изымать средства из сельского хозяйства... Нэп этого бы не дал... Ста-лин имел послушный аппарат, и это было хорошо... Значит, насколько я по-нял, вы считаете, что сталинский вари-ант коллективизации — жестокой, при-нудительной, уничтожение старого и со-здание нового аппарата, «держание» аппарата, да и всего народа, «в кула-ке», в постоянном страхе — все это вы считаете вещами необходимыми и заслу-гами Сталина?

Б. П. КУРАШВИЛИ: Нет, я говорю о неизбежности чрезвычайного управ-ления. Но не все негативные явления периода сталинизма вытекают из чрез-вычайного управления. Не стоит сме-шивать! И не стоит очернять все — от «а» до «я».

В. Н. ШУБКИН: Но вы считаете, что нэп был ликвидирован Сталиным пра-вильно?

Б. П. КУРАШВИЛИ: Знаете, я бы с великой радостью согласился с серь-езными исследованиями, которые до-казывали бы, что в течение десятиле-тия то же самое можно было сделать на рельсах нэпа. Тогда, конечно, чрез-вычайная политика была излишней. Нэп — это ведь не просто новая, это нормальная экономическая политика социалистического государства. Аб-страктно рассуждая, она предпочти-тельнее. Но в конкретных условиях? Таких исследований нет.

Ю. Ф. КАРЯКИН: Но разве не были многие «успехи» сталинской эпохи успе-

хами мнимыми? Мы же так до конца и не пробежали ту дистанцию, продол-жаем во многом отставать. Да, мы до-стигли определенного уровня индус-триализации к началу войны. Допу-стим даже, что темпы развития были вдвое выше, чем было бы возможно при сохранении нэпа...

Л. А. ГОРДОН: Да, но, в конце кон-цов, война-то велась не восемнадцатью миллионами тонн стали, которые были получены в 40-м году, война-то велась половиной этого количества. Ведь по-ловиной была потеряна в течение пер-вых месяцев. Значит, на самом деле страна воевала с производственным потенциалом, примерно в полтора раза более низким, чем тот, который был в 41-м году. А такой потенциал, скорее всего, можно было создать и в рамках нефорсированного развития, в рамках нэпа.

Ю. Ф. КАРЯКИН: Вот именно! Я уж не говорю о людях, кадрах, которые, по словам того же Сталина, «решают все». Ведь если бы не пресловутое «чрезвычайное управление», не было бы трагического, бессмысленного уни-чтожения накануне войны лучшей части офицерского корпуса, лучших хозяй-ственников и ученых. Уж лучше в 1941 году было бы меньше стали, но больше толковых генералов!

А вспомните речь Сталина в 1946 году! Сформулированные в ней цели — это то же самое, что сейчас поставить задачу в тысячу раз повысить качество наконечников для стрел. Сталин же совершенно не понял, что на дворе уже другая эпоха — эпоха НТР. «Гений всех времен и народов» поносил те головы, которые думали над проблемами гене-тики, кибернетики. Сталин к этому мо-менту безнадежно отстал от уровня эпохи.

На сколько лет назад мы были отбро-шены в послевоенный период?

Ю. С. МАРХАШОВ: Было бы непра-вильно преуменьшать достижения со-ветского народа в период сталинского правления. Но вот были ли эти успехи достигнуты благодаря Сталину? Я счи-таю, что вопреки ему, вопреки его по-литике.

Ю. А. ВАСИЛЬЧУК: Еще несколько слов о том, что, мол, Сталин выиграл войну. Когда в Германии шел к власти фашизм, не без участия Сталина была выработана политика, в соответствии с которой коммунисты должны были бороться главным образом против со-циал-демократии. То есть две главные силы, которые общими усилиями спо-собны были блокировать фашизм, он столкнул в страшной схватке.

Вообще о внешней политике Стали-на. Когда завершилась гражданская война, Ленин распустил 5-миллионную армию, которая в Европе воспринималась как реальная угроза, и тем самым разрядил напряженную обстановку. А когда пришел к власти Сталин, он принялся восстанавливать ситуацию «осажденной крепости». Всеми своими действиями он создавал и множил смертельных врагов нашей страны за рубежом.

Е. Г. ПЛИМАК: Внутри страны Ста-лин не просто множил, он, можно ска-зать, «назначал» врагов. Владимир Ильич не ставил разногласия в смер-тельную вину революционерам, даже отклоняющимся от партийной линии. У Сталина же была совершенно четкая

концепция «злого умысла». Все, кто хоть в чем-то отклонился от его взгля-дов, — злоумышленники. А способом их переубеждения стал расстрел. В конце концов, это выродилось в положения «Краткого курса» истории партии, где соратники Ленина превратились в «агентов империализма» и «врагов народа».

Г. Г. ВОДОЛАЗОВ: Итак, переход от нэпа к жестким административным формам управления, чрезвычайным методам управления — суть сталиниз-ма, а ленинская линия — это линия продолжения нэпа?

Мне кажется, водораздел между ле-нинизмом и сталинизмом, между ленин-ской и сталинской методологией не здесь. Можно спорить о том, следовало ли продолжать нэп или перейти к чрез-вычайным методам и формам управле-ния, — здесь есть предмет дискуссии, но Ленин и ленинцы могли бы избрать и ту и другую линию развития.

Но в чем отличие ленинского подхо-да к социализму от сталинского? Я ду-маю, что если говорить о сущности со-циализма и, значит, революции социа-листической, — суть в характере связи «человек и экономика», «человек и вечное богатство», «человек и сред-ства». Весь прогресс в прошлом дости-гался под девизом: вечное богат-ство — цель, а человек — средство для ее реализации. Социализм ставит во главу угла человека, его развитие. Экономика, вечное богатство есть средство развития индивидуальности. Если некоторые не понимают этой идеи из «Манифеста», то они ничего не пони-мают в марксизме. Его идеал — разви-тие индивидуальности, универсальное, всестороннее развитие личности.

Сталинизм — это представление чрезвычайной ситуации в качестве социалистического идеала, образца. Ле-нинский подход — чрезвычайную ситу-ацию (когда человек — средство) надо преодолевать по мере развития эконо-мики, продвигаясь к действительно со-циалистическим отношениям. Стали-низм же, по сути, рассматривает чело-века как средство, и это есть, «по Ста-лину», настоящий, подлинный социа-лизм, провозглашенный им в 1936 году. Отсюда все другие следствия стали-низма.

И. К. ПАНТИН: Очень верная мысль! Да, сталинизм — это возведение чрез-вычайной ситуации в норму, даже в «идеал». Если нет чрезвычайных ус-ловий, их надо создать или выдумать.

Ю. С. МАРХАШОВ: Чрезвычайная ситуация, нагнетание страха перед внешней и внутренней опасностью, на мой взгляд, были необходимы Сталину для установления и поддержания лич-ной диктатуры.

Е. Г. ПЛИМАК: Сталин деформиро-вал социализм в сторону грубого, ка-зарменного коммунизма.

В. Н. ШУБКИН: Но структуры, соз-данные Сталиным, продолжают суще-ствовать и сейчас. Они в конечном сче-те источник застоя, возникновения сил, тормозящих общественный про-гресс.

Е. Г. ПЛИМАК: И ту же самую ста-линскую концепцию «злого умысла» до недавнего времени воспроизводили наши историко-партийные пособия. Разумеется, оценки из «Краткого кур-са» в них были несколько смягчены,

модернизированы, однако в том, что «История КПСС» издания 1985 года под редакцией Б. Н. Пономарева воспроизводит именно эти оценки, никаких сомнений нет. Оппозиционеры по-прежнему обвиняются в антисоветской деятельности, в сознательном намерении подорвать обороноспособность страны, в давнем стремлении помешать строительству социализма. Например, факт вступления Троцкого в 17-м году в ряды большевиков трактуется однозначно — как поступок, имеющий коварную цель разложения и подрыва партии.

В точном соответствии с концепцией «Краткого курса» трактовалось и убийство Кирова. Оказывается, оно служило не разгону сталинского маховика репрессий, а призывало страну к бдительности. В последнем случае перечеркнуты данные историко-партийной науки начала 60-х годов. Ведь в издании учебника истории КПСС 1963 года (под редакцией того же Б. Н. Пономарева!) прямо говорилось: Сталин использовал убийство Кирова для расправы со всеми негодными ему людьми.

Ю. А. ВАСИЛЬЧУК: Хотел бы обратить внимание на одну странность. Люди, которые правильно, глубоко критикуют Сталина, вскрывая, что за ним стоит целая система политических, экономических и моральных отношений, — они же иногда защищают Троцкого, который фактически, с моей точки зрения, разделял большинство этих положений. Более того, он эти положения в отличие от Сталина излагал прямо. Сталин потом эти положения у него брал и уже в более «приемлемой», псевдодемократической оболочке проводил в жизнь.

Нужно ли нам — я не боюсь сказать даже — портить собственную репутацию апелляциями к людям, которые говорили и делали ужасные вещи? Тот период ушел. Сбросить все это надо и начать с нового листа...

РЕПЛИКИ: Так не бывает.

И это невозможно.

Ю. Ф. КАРЯКИН: Мне кажется, все дело в невероятной мешанине, которую я нахожу в наших головах, и в своей тоже. Каша из идеологических установок, эмоций, воспоминаний... Заговоришь о Троцком — и сейчас же: «А, значит, вы его защищаете?». Да нет, я всегда Троцкого терпеть не мог, по моему, Троцкий — это был Сталин вчера, а Сталин — это Троцкий «сегодня».

Е. Г. ПЛИМАК: Я считаю Троцкого неоднозначной фигурой. Троцкий несет вину — я могу об этом сказать, потому что очень внимательно в последнее время изучал произведение Троцкого, — за накаливание страстей в Центральном Комитете. В своих «Уроках Октября» он обвинил соратников Ленина — Зиновьева, Каменева, Ногина и других — в меньшевизме. Наклеивание ярлыков шло фактически от Троцкого, это потом уж он получил то, что сам бросал в лицо своим товарищам по партии.

Но нужно научно оценить, в чем были ошибки Троцкого и в какой мере Сталин воспроизвел концепцию Троцкого. А для этого, товарищи, надо, во-первых, чтобы был открыт доступ ко всем выступлениям Троцкого, к его платформе во всей ее полноте, и, во-вторых, чтобы доступ был открыт ко всем сталинским материалам.

З. В. КЛОПОВ: Троцкий был действительно одной из самых заметных фигур Октября. Но тут очень важно сказать, что он, представляя силовое, радикалистское течение в революции, нередко впадал в авантюризм.

Когда осуществлялся переход к мирному этапу, Троцкий каждый раз оказывался левее того течения, которое было нужно. Весной 20-го года он предлагал организовать трудовые армии, то

есть предлагал строительство социализма путем мобилизации, на казарменной, военной основе. Его силовые, казарменные настроения выявились и в профсоюзной дискуссии. Идеология троцкизма — так или иначе это идеология культа личности, казарменного социализма, идущая вразрез в этих решающих пунктах с ленинским пониманием сути нового строя.

Но я хочу сказать и другое. Когда мы слышим: «Троцкий», — мы вздрагиваем. Как говорил в мои студенческие времена наш лектор: «И тогда, не к ночи будь сказано, Троцкий...» Ну надо же преодолевать это религиозное, мифологическое представление о демонической личности. Мы же культурные люди! И надо уметь видеть причины и обстоятельства, порождающие мифологию вообще — идет ли речь о Троцком или Сталине.

Л. Я. ГОЗМАН: Конечно, необходимо до конца разобраться в том, кто есть кто в нашей истории. Но надо помнить, что проблема эта представляет не столько чисто научный интерес, сколько подчинена определенной цели — не допустить повторения прошлого.

Прежде всего должна быть однозначной и необратимой оценка сталинского культа. Как сделать ее необратимой?

У многих в памяти дискуссии конца пятидесятых — начала шестидесятых годов о Сталине и то, как потом постепенно эти разговоры сошли на нет. И вот снова мы осуждаем Сталина... Но психологически осуждения на словах недостаточно. Должно быть как-то материально — именно материально, в камне, в железе — закреплено негативное отношение к репрессиям, к любым проявлениям культа личности, к деспотическому стилю управления.

И поэтому мемориал жертвам сталинских репрессий — не просто дань памяти. Я дважды был в Воркуте: лет восемь назад и только что. Там раньше вдоль дороги были кладбища. Многомного могил: конечно, это были братские могилы... Но сейчас я ехал: там нет кладбищ! Ни одного. Ровное место. Оказывается, их совсем недавно местные власти решили сровнять с землей. Раздражало: так все теперь хорошо, так прекрасно — и вдруг такое напоминание.

По моему, мемориал — это больше, чем просто преодоление кощунственной ситуации, что миллионы наших сограждан похоронены безвестно. Он даст ощущение необратимости, даст психологическую гарантию.

Куль личности Сталина имел не только экономические и политические, но и психологические причины. Но долг десятилетия роль психологического фактора в общественном развитии, в социальных процессах совершенно игнорировалась. Развивалась психология личности, инженерная психология, детская психология, психология коллектива, а вот психологии общества не было совсем. И только сейчас мы на кафедре социальной психологии пытаемся подойти к проблеме психологии перестройки.

Мы сами еще несем в себе множество черт, воспитанных сталинизмом. В психологии есть такое понятие при характеристике личности — когнитивная комплексность. Это мерность той системы координат, в которой вы видите мир. Можно так: хороший — плохой. И будет одна ось: любые оценки проецируются на нее одну, других ориентиров нет. Можно чуть сложнее: хороший — плохой, свой — чужой. Вот уже двухмерная система. Можно: хороший — плохой, свой — чужой, романтик — циник... Чем человек интеллигентнее, культурнее, тем его система координат комплекснее, тем она сложнее. Увы, та система координат, в которой описывался мир нашей культурой, — она исключительно примитивна. Мир был черно-белым. Люди делились, к примеру, только на эксплуататоров и эксплуатируемых. На своих и чужих —

и все. Сейчас система координат усложняется. Оказывается, капиталист — он не обязательно толстый и пустоглазый, с ним можно разговаривать, он не обязательно прячет нож за спиной и бомбу в кармане.

Простое восприятие мира дает простые рецепты. Например, уничтожить целые группы населения для того, чтобы другим группам населения было хорошо. Или, например, так: надо построить еще одну домну, еще одну ГЭС (тысячу домен, сотню ГЭС) — и все станет хорошо! Нам не хватает чугуна, значит, будет чугун — все будет хорошо. Это тоже представление об очень простом мире. Оказывается, есть чугун, а все равно не так уж хорошо, к сожалению.

И вот сейчас меня очень тревожат некоторые моменты современных дискуссий. Сейчас нашли две группы «врагов»: бюрократы и гидростроители. Гидростроитель стал просто опасной профессией! Скажите, что вы гидростроитель, и вас запросто обругают, потому что это из-за вас нет рыбы, из-за вас гибнет природа. О бюрократах я доброго слова тоже не скажу. Но ведь понятно, к чему это приводит: до «врагов народа» один шаг — бронепоезд-то на запасном пути стоит!

Примитивность картины мира приводит вот к чему: вместо того чтобы реально изменять жизнь, постепенно, медленно добиваться результатов, вместо этого ищут врагов, которых надо победить. Не расстрелять, слава богу, но уволить, прижать, дать по рукам...

Но примитивность картины мира не только диктует простые решения. Главное, она «оправдывает» простую, в конечном счете авторитарную систему управления. Она тяготеет, стремится к авторитарному режиму.

И мы ответственны за то, чтобы представление людей об обществе, о мире, в котором они живут, было более комплексным, более сложным. Чтобы они не были падки на простые решения — решения, которые «направляются». Потому что, пока существует эта простая структура: «мы — за, они — против», — за «пистолет» будут хвататься обязательно.

Ю. Ф. КАРЯКИН: 30 лет мы только и слышали, что «от победы к победе». Потом нам приоткрыли щелочку, мы увидели какие-то кошмары. Так? Потом снова окно захлопнули, причем так поспешно, что кое-кому и руки прищемили. И головы... Теперь снова проветриваемся. Снова окно открыли, но вот опять... Я не согласен с Борисом Павловичем Курашвили. Будто надо нацепить очки, отфильтровывающие чувства и мораль, дающие беспристрастную, научную, «объективную» до стерильности картину культа. Нет, именно «морализаторство», именно ощущение ужаса, спазм в горле будут играть сейчас решающую роль — и в развитии общественных наук тоже! — именно это и может помочь нам...

Надо, чтобы мы наконец невероятной ценой поняли, что **цель не оправдывает средства**.

Нам заранее говорят: «Нет, товарищи, нельзя чернеть» — но подождите! Я еще не знаю предмета! Я не знаю миллион фактов еще! Мне необходимы миллион триста тысяч единиц архивов. 700 тысяч единиц уже открыто. Но каких архивов? Общегосударственных. А другие архивы? Они нам недоступны. Но мне уже дан ответ, что я очерняю. То есть мне дан запрет на познание. Заранее! Под видом оценки. И опять я должен лезть в эту западню, все исходы из которой самоубийственны и уже давным-давно известны...

ЭКОНОМИКА — ЧЕЛОВЕК — СЕМЬЯ — СВОБОДА

В. Г. ГЕЛЬБРАС: Гарантия успеха перестройки — это постоянное уточнение концепции хозяйственного механизма.

Б. П. КУРАШВИЛИ: Давайте смотреть правде в глаза: у нас сейчас политическое руководство требует перестройки, а аппарат управления зачастую спускает эти требования на тормозах, чем, по сути, подготавливает реставрацию старого хозяйственного механизма и старой системы управления в целом.

В. Г. ГЕЛЬБРАС: Да, в стране возникла ведомственная собственность. Ведомства подчас хотели быть выше государства, партии, общества. Они навязывают свою концепцию развития. Уже доказано многократно, что они в состоянии сорвать выполнение любых государственных планов, программ, законов.

Б. П. КУРАШВИЛИ: Прежде всего, я думаю, необходимо сокращение в несколько раз громоздкого административного аппарата, радикальное укрупнение, слияние ведомств, особенно отраслевых. При Ленине первый Совнарком состоял из руководителей семнадцати наркоматов!

Если мы сохраним существующий административный аппарат, он задушит любую перестройку. Никакой реальной самостоятельности не будет ни у предприятия, ни у организации, действующей в социально-культурной сфере, ни тем более у самого работника.

Но и это лишь часть проблемы. Беда в том, что сейчас, когда нам необходимы коренные изменения в экономике, нет системы хозяйственного управления, которая во многом была бы противоположной прежней системе, — именно противоположной! Она еще не разработана до конца.

Многие из присутствующих здесь были свидетелями того, как разрабатывался Закон о государственном предприятии. Первый вариант, появившийся в июле 1986 года, был откровенно консервативным. В нем просто воспроизводилось существующее положение. И я откровенно сказал на обсуждении проекта в комиссии Госплана, что если этот проект и имеет какие-то новации, то вслед за каждой новацией в нем следует консервативно-бюрократическая ловушка, в которой эта новация застрянет и погибнет. С тех пор меня на обсуждения не приглашали... Мы в Институте государства и права тоже работали над проектом Закона. Многие старались не выходить за рамки вопросов, связанных с юридической техникой. Другие пытались действовать в обход — убеждали, спорили, писали докладные, выступали в печати, сочиняли свои проекты и варианты. В конце концов на самом последнем этапе проект Закона был дополнен рядом статей. В них провозглашены превосходные принципы, на которых должен основываться новый хозяйственный механизм.

Что касается полного хозрасчета, то, если предприятие не имеет плановой самостоятельности, о полноте хозрасчета говорить не приходится.

Ю. А. ВАСИЛЬЧУК: Я согласен, нет полноценного правового обеспечения экономической перестройки. Местная власть может разрешить кооператив, а может и не разрешить — как ей выгоднее. Ей, а не нам. В результате выросли высоченные барьеры на пути массового создания кооперативов, что на корню подрывает крылья самостоятельности, конкуренции в этой сфере и, кстати, уже вызвало рост цен. И привело к созданию маленьких «монополистов». А где неконкурентные доходы, там и угроза образования «мафий» в органах власти. Цепочка — монопольное положение, высокие цены, неконкурентные доходы — неизбежно влечет за собой следующее звено — коррупцию. Надеюсь, будущий Закон о кооперации в СССР изменит положение к лучшему.

А где законы, гарантирующие права и неприкосновенность лидеров? Мы

много говорим о том, как велика роль лидера в коллективе.

Но ведь у нас положение лидера на местах фактически таково, что от него требуется ежечасное гражданское мужество. Его непрерывно «проверяют», а то и откровенно преследуют. Министрство и сегодня может быстро и просто создать ему невыносимые условия деятельности, райком и сегодня может за десять минут слушания «на ковре» его снять. Значит, он и сегодня должен стоять на выдержку...

Теперь о другом.

Видимо, гарантия номер один для перестройки — это научно-техническая революция.

В нас глубоко сидит представление, что накопление — это накопление вещей: материалов, машин... Но если в обществе есть люди, которые знают дело и вправе принимать решения, то материальные ценности возникают словно из-под земли, как по мановению волшебной палочки — в гигантском количестве. Поэтому в условиях НТР главная форма накопления — это накопление знаний, накопление человеческого капитала.

Я приведу такие цифры. В США сегодня, чтобы вырастить мальчика до двадцатилетнего возраста, когда он сможет по-настоящему принять участие в производстве, рабочая семья затрачивает примерно 90 тысяч долларов. Плюс к этому еще труд женщины — матери, домохозяйки — оценивается в 60—70 тысяч — это оценка по потерянной ею заработной плате.

Это значит, что семья рабочего, которая вырастила пятерых детей, фактически инвестировала в экономику и безвозмездно отдала обществу почти миллион долларов. Теперь продадим простой подсчет. В конце 70-х годов в США ежегодно достигало трудоспособного возраста около 4 миллионов человек. Перемножьте 150 тысяч на 4 миллиона. Вы получите цифру реального накопления — 600 миллиардов долларов ежегодно. Эти 600 миллиардов несопоставимы с тем накоплением чисто материального богатства, которое в то время происходило. Например, в гибкие автоматизированные системы США за все годы вложено 400 миллионов долларов.

Итак, главный капитал, общественное богатство — это новое поколение молодежи. Конечно, можно этого не понимать — скажем, отдавать студентов на два года в армию, или обучать молодежь устаревшим профессиям, или отучать их думать... Но тогда нужно хотя бы иметь смелость реально оценить потери. У нас же все выглядит так, будто здесь никаких потерь нет вообще!

И еще один вывод. Источником экономического динамизма является семья, а вовсе не те компании, предприятия или фирмы, которые производят, скажем, ботинки, нужные этой семье. Главным фактором накопления общественного богатства является многолетняя «затратная экономика» в семьях.

Семьи работают именно по принципу затратной экономики. Отец мать год за годом тратят свои сбережения, свое время, чтобы вырастить детей, которые потом уйдут и фактически оставят стариков одних. И это называется потребительством. С другой стороны, когда предприятие год за годом гноит средства, перенакапливая их либо выпуская дурную продукцию, то это почему-то называется производством и накоплением.

Если женщина доит корову, то она занята общественным производством. А если она растит детей, то она вроде бы занята частным делом, которое никак не вознаграждается. Все понятия смещены и наполнены противостественным смыслом, и ситуация эта стала обыденной. А раз так — раз все это ничего не стоит, оно обесценивается...

У нас накоплен колоссальный интеллектуальный потенциал. Но при этом интеллигенты работают шоферами, по-

варами, официантами, барменами... А сейчас еще уходят в кооперативы.

Выпускаемая у нас продукция пока еще по большинству параметров не выдерживает сопоставления с зарубежной, неконкурентоспособна. Мы выходим на мировой рынок в основном лишь с сырьем. Но даже и при нынешнем положении мы — самая богатая страна мира по своему интеллектуальному потенциалу. Так не пора ли дать этим людям возможность работать по-настоящему? Не это ли гарантия перестройки?

Древние люди считали, что, пока вещь не названа, она не существует. До тех пор, пока не названы два главных врага нашей экономики, их, по существу, нет в нашем сознании. Это абсолютное господство всепроникающих ведомственных монополий и вытекающая из этого ненужность специалистов — всепроникающая вакханалия некомпетентности. Ведь раз монополия, то у завода все равно купят всю его продукцию, зачем тогда заботиться об интересах потребителя, зачем стремиться к постоянному научно-техническому перевооружению, беспокоиться о модности и дешевизне изделий, о дизайне, зачем идти на риск, внедряя какие-то сверхновые технологии? Монополия и НТР — вещи несовместимые.

Ю. С. МАРХАШОВ: Мы тут много говорили о недостатках абсолютной монополии с точки зрения самой экономики. Но без ликвидации этой абсолютной монополии не только оздоровления экономики не произойдет — не будет и расширения демократии. Пока человек полностью экономически зависим от того или иного ведомства, у него не будет выбора и, следовательно, чувства независимости, чувства свободы.

Помимо государственной собственности, которая должна включать базовые отрасли и предприятия, имеющие важнейшее народнохозяйственное значение, необходимо развивать различные формы аренды, кооперативной собственности, мелкой и средней групповой и семейной собственности, различные смешанные формы, в том числе и с участием зарубежных фирм, располагающих капиталом, новейшей технологией, опытом организации производства и сбыта.

Все это, с одной стороны, будет способствовать развитию конкурентных рыночных механизмов, кредитно-банковской системы, включающей движение ценных бумаг, созданию новых источников занятости и в конечном счете даст толчок ускоренному развитию экономики. С другой стороны, все эти виды собственности будут расширять поле демократии, реальной свободы. Не пришел ли к двору на государственном предприятии — пойду к другому «хозяйину». Только экономически независимые субъекты могут быть и политически, духовно, морально независимыми.

СПОРЫ ПОСЛЕ ЗАСЕДАНИЯ

Б. А. ГРУШИН: Хотя психология нас тут уже предупредила, что мы падки на простые решения... Но смотрите: с одной стороны, говорится о перестройке как о революции, о том, что нынешние изменения имеют революционный характер. А революция-то какая-то вежливая! Конечно, нынешняя революция предполагает не кровавую, но бескомпромиссную борьбу, о которой Юрий Федорович Карякин так блистательно написал в своих «Граблях».

Я представляю общество как функциональное, многоструктурное, расчлененное по вертикали и горизонтально образование — ну, скажем, как корабль. Это значит, что я могу кому-то дать в руки штурвал, а кого-то, наоборот, посадить в шезлонг и на солнышко, отобрав у него руль управленческий.

А мы руль подчас не отбираем, и что же?

Как мало меняется — например, в науке! Потому что люди, которые пер-

сонально повинны в гигантских уронах, которые они нанесли науке, народному хозяйству, морали, — многие из них сегодня по-прежнему сохраняют командные позиции.

РЕПЛИКА: И будут подбирать себе преемников...

Б. А. ГРУШИН: Да они уже подобрали себе преемников, потому что механизм остается старым.

Ю. С. МАРХАШОВ: А судьи кто? Вот один доктор экономических наук, профессор, сейчас разоблачает политэкономии социализма. Ругает ее всячески. Но я, читая эти работы, думаю: ведь ты же сам все это время участвовал в разработках, которые поносят. Ты где-нибудь против выступил? Нет, ты не то что на эшафот, ты и на конфликт не пошел, тебя не сняли с работы за возражения, ты стал доктором наук, благополучно получил звание профессора, заведующий кафедрой. Так могу ли я верить тебе, если ты начал разоблачать сейчас, когда разрешили?!

Вот вы говорите о том, что нужно таких людей судить судом общественного мнения. Согласен, но кто же их будет судить? Если мы все, здесь сидящие, в это же самое время вместе с ними участвовали в создании мифов...

Б. А. ГРУШИН: Ну, начать с того, что не все!

Ю. С. МАРХАШОВ: Ну, большинство.

Б. А. ГРУШИН: Мы в самом деле получили звания, но заплатили за это немалыми нервами. Я, к примеру, трижды защищал кандидатскую диссертацию. Трижды!

РЕПЛИКА: Минуточку!..

Б. А. ГРУШИН: Как это минуточку?! Я против того, чтобы говорить «все»! Не все! Не все!

Л. А. ГОРДОН: Читай статью Михаила Яковлевича Гефтера «Сталин умер вчера...», которая опубликована в первом номере журнала «Рабочий класс и современный мир».

Б. А. ГРУШИН: Конечно, если смотреть с башни высшей нравственности, тогда можно говорить: а ты где был?, «не судите, да не судимы будете»... А если реально? А реально, начиная с пятидесяти шестого года, в обществе шла открытая борьба! Иногда с успехом «нашей» стороны: когда удавалось защитить хорошую идею, выпустить правдивую, смелую книгу (пусть смелую между строк), получить кафедру, группу и делать с ней дело.

К тем, кто реально участвовал в жизни последние 20—30 лет, нужно подходить в высшей степени дифференцированно.

У меня 72 печатных листа, 4 большие книги, которые я не мог последовательно опубликовать в 1967 году, в 1972 году, в 1976 году и последний раз в 80-м или 81-м. Это конкретный пример, тут дело абсолютно не во мне, я думаю, что вы все правильно понимаете.

В семьдесят втором году, когда я принес «Советское общество в вопросах общественного мнения» (итоги деятельности Института общественного мнения «Комсомольской правды») в издательство, мне сказали: «Ты что, с ума сошел, с такой информацией вылезать?». Когда я сегодня прихожу, мне говорят: «Ну помилюте, она очень интересна, но она же устарела». Но про Киевскую Русь-то пишут! Так почему же нам не написать про 60-е годы? Про то, как при Никите Сергеевиче дела обстояли. Особенно, если вы сейчас хотите исследовать общественное мнение, ну как же вы без динамических рядов? Это же уникальная совершенно ин-

формация, причем чудом сохранившаяся!!

И после всего этого я еще должен слушать: «У нас абсолютно не изучено общественное мнение!» и «А вы где были?»...

Л. А. ГОРДОН: «Вежливая» революция, говорите? Я просто хочу вопрос задать присутствующим: неужели вы все такие лихие? Неужели вам всем не страшно? Неужели вы не чувствуете, что хватит уже резких поворотов, попробовали? Это пока я не умел водить машину и сидел рядом с водителем, я все говорил: давай побыстрее, давай покруче! А когда сел за руль, то увидел, что это ого-го. Так вот: разве не надо об этом думать?

Б. А. ГРУШИН: Надо и об этом...

Л. Я. ГОЗМАН: Надо четко расставить акценты. Конечно, речь не может идти об ответных репрессиях. Речь может идти только об общественном осуждении.

И. К. ПАНТИН: Разумеется, об общественном... Необходимо научиться называть противников перестройки по имени. Иначе в атмосфере благодушия мы просмотрим опасности, угрожающие перестройке.

В. Н. ШУБКИН: Еще когда я работал в Академгородке, прибегает соседка и говорит: «Слушай, в «Новом мире» опубликованы воспоминания генерала Горбатова, и он назвал там фамилию человека, который его пытал на протяжении нескольких недель... Так слушай, — говорит, — тот человек благополучно в нашем подъезде живет!»

Такие люди будут вторгаться в перестройку. Они будут говорить, что вот они-то и являются подлинной силой перестройки.

Ю. Ф. КАРЯКИН: Маленькая справка. Человек из воспоминаний генерала Горбатова — его фамилия Столбунский.

Б. А. ГРУШИН: Да, простых решений хватит. Но решить вопрос о моральной ответственности — это не месть, это не «долой врагов». Это ступенька к нравственному возрождению общества.

«Круглый стол» вел и подготовила к печати Алла АЛОВА.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Споры, подобные тому, в котором вы только что приняли участие, идут сейчас во всех слоях общества, на самых разных его этажах. Мы публикуем материалы этой беседы именно потому, что вы, дорогие читатели, в своих письмах не раз просили обсудить затронутые в ней вопросы. Читательский «круглый стол» мы ведем постоянно: ведь перестройка — всенародное дело, и, как сказано в постановлении февральского (1988 года) Пленума ЦК КПСС «О выступлении на Пленуме ЦК КПСС Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева»: «Пленум считает необходимым решительное обновление форм и методов идеологической, политико-воспитательной работы, утверждение социальной справедливости в соответствии с целями революционного обновления советского общества». И далее: «Всеми средствами политической работы необходимо добиваться, чтобы перестройка стала партийным делом каждого коммуниста, патристическим долгом каждого гражданина».

Время требует от нас конкретных размышлений и конкретных дел, пассивность недопустима. Вот почему нам важно знать, хотите ли вы продолжения споров, подобных только что прочитанному на страницах «Огонька».

Юрий РОСТ

ГАМБУРГСКИЙ СЧЕТ

Шкловский сидел, опершись на палочку. За спиной на стене зеркало отражало свет заката. Виктор Борисович смотрел на фотографию, где они с Маяковским, молодые и крепкие, сидят на песке в купальных костюмах, напоминающих борцовские трико. Он смотрел и говорил.

«...Вот борцы... Когда-то в цирках боролись для зрителя. Настоящие силачи часто поддавались разным «черным маскам». Это делалось для остроты сюжета и чтобы заработать. Бывает, когда поддаешься — зарабатываешь больше... В результате все так запутывались, подыгрывая друг другу, что сами борцы уже не знали, кто из них сильней. Поэтому раз в год или, может быть, реже они собирались в Гамбурге и боролись по-настоящему, чтобы для себя выяснить, кто, действительно, чего стоит. По гамбургскому счету. По правде. Потом они разъезжались по циркам притворяться перед зрителями, уже зная цену себе и другим. Кажется, никто, кроме борцов, не рисковал испытывать себя таким образом».

Всю свою сложную и интересную жизнь, утрамбованную выдающимися событиями и людьми, Шкловский запоминал и вспоминал, писал и рассказывал.

Порой, правда, казалось, что он вспоминал больше, чем запомнил. Но, наверное, предъявив ему жизнь и люди гамбургский счет, он все же оплатил бы его...

«...Историю про эти состязания рассказали мне повара из довоенного Дома литераторов. Там поварами были деклассированные борцы. Они готовили словно на себя — невероятной величины порции и тем поддерживали голодных писателей...».

Виктор Борисович заметил наведенный на него аппарат и застыл, глядя в стеклянную скважину объектива. Возможно, он специально так задумался, чтобы контролировать момент съемки. Но я терпеливо ждал и ждал, надеясь, что он забудет про меня, понимая, что и фотографировать надо по гамбургскому счету! Ведь в жизни, как на борцовской арене... или, наоборот, на арене, как в жизни?..

Шкловского больше нет, чтобы объяснить.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

Грэм ГРИН

РОМАН

Рисунки
Геннадия
НОВОЖИЛОВА

Глава II

С

эр Джон Харгривз в кабинете своего загородного дома читал Тrolлопа. Он предвкушал спокойствие и умиротворенность послеобеденных часов в выходные, когда лишь дежурному офицеру разрешалось нарушить его покой, чтобы передать срочное сообщение, а срочные сообщения в секретной службе — чрезвычайная редкость. Леди Харгривз давно смирилась с тем, что он пропускал пятичасовой чай, поскольку аромат «эрл-грэя» мешал сэру Джону получать удовольствие от «катти-сарка» — виски, которое он предпочитал в шесть часов вечера. Еще во время службы в Западной Африке сэр Джон пристрастился к чтению Тrolлопа, хотя в принципе не считал себя любителем романов.

В моменты душевного волнения Харгривз перечитывал «Попечителя» или «Барчестерские башни». Эти книги не только успокаивали его, но помогали накопить запас терпимости, столь необходимый для жизни в Африке. Мистер Слоуп ассоциировался у Харгривза с назойливым и самодовольным комиссаром провинции, а миссис Прауди — с женой губернатора. В данное время сэр Джон увлекся чтением Тrolлопа, который успокаивающе, как когда-то в Африке, действовал на него и в Англии. Роман назывался «Как мы теперь живем» — кто-то, сэр Джон уже не помнил точно кто, рассказывал ему, что по роману сделали неплохой многосерийный телефильм. Телевизор Харгривз в принципе не любил, однако экранизацию Тrolлопа посмотрел бы с удовольствием.

И сегодня в послеобеденные часы чтение Тrolлопа, как обычно, доставляло ему огромное удовольствие. Автор переносил его в спокойную викторианскую эпоху, где добро есть добро, а зло — зло, и отличить одно от другого не составляло труда. У Харгривза не было детей, которые могли бы научить его смотреть на мир иначе. Ни он, ни его жена никогда не хотели иметь детей, в этом они были единодушны, хотя каждый имел на то свои причины. Сэр Джон не хотел добавлять к служебным обязанностям дополнительные семейные заботы (ведь уход за детьми в Африке — всегда обременительные хлопоты), а жена стремилась сохранить фигуру и независимость. Взаимное нежелание иметь детей еще больше укрепляло их привязанность друг к другу.

В то время как сэр Джон читал в кабинете Тrolлопа, потихоньку потягивая виски, его жена с меньшим удовольствием наслаждалась ароматным английским чаем в гостиной. Им предстояло провести прекрасный уик-энд, не обремененный ни охотой, ни шумными гостями. В ноябре смеркалось рано, и сэр Джон представил, что находится где-то в Африке, в одной из их загородных резиденций. Повар, наверно, уже начал ошипывать кур, а бродячие собаки крутились вокруг в надежде, что им перепадут потроха... Проблески света в отдалении, там, где проходило шоссе, вполне можно было принять за огоньки африканской деревушки, в которой местные девушки помогали друг другу расчесывать волосы.

Харгривз дошел до главы о старце Мелмотте — этом «мошеннике», как окрестили его знакомые члены парламента. Сэр Джон читал о том, как Мелмотт пришел в ресторан палаты общин: «Невозможно было выдворить его отсюда, как и сидеть рядом. Даже официанты и те старались обойти его стороной, однако терпение и выдержка Мелмотта привели наконец к тому, что его обслужили».

Харгривз стал невольно испытывать симпатию к Мелмотту, оказавшемуся в одиночестве, и с сожа-

лением вспомнил, как сам в разговоре с доктором Персивейлом, когда тот заявил, что Дэвис ему чем-то нравится, назвал Дэвиса «предателем», как коллеги Мелмотта величали его «мошенником».

Сэр Джон продолжил чтение: «Все, кто наблюдал за ним, почему-то считали его счастливым, выскочкой, но сейчас Мелмотт, видимо, был самым несчастным человеком в Лондоне». Сэр Джон не был знаком с Дэвисом лично, он, вероятно, не узнал бы его, случайно встретив в коридоре.

«Возможно, я высказался о нем необоснованно, слишком поспешно, — подумал Харгривз, — но ведь убрал-то его Персивейл. Стоило, наверно, поручить эту операцию кому-то другому...» Харгривз снова принялся за чтение: «Несмотря на то, что все кругом отвернулись от него, несмотря на то, что впереди его неминуемо ждало унижение, как кара за то, что он преступил закон, Мелмотт не терял достоинства и в последние дни пребывания на свободе». Бедняге тоже трудно отказать в мужестве. Догадывался ли он, ненадолго выйдя из комнаты, что доктор Персивейл подмешал в виски яд?..

Зазвонил телефон. Сэр Джон понял, что трубку сняла жена. Она старалась оградить его покой, но, судя по всему, кто-то во что бы то ни стало хотел поговорить с ним, и леди Харгривз позвала мужа. Сэр Джон с неохотой подошел к аппарату.

Незнакомый голос произнес:

— Это Мюллер.

Харгривз до сих пор пребывал под впечатлением от книги и потому переспросил:

— Мюллер?

— Корнелиус Мюллер. — Последовала неловкая пауза. — Из Претории.

На какой-то миг сэру Джону Харгривзу показалось, что незнакомец звонит издали, но потом он вспомнил.

— Да, конечно, чем могу помочь? Надеюсь, Касл...

— Мне хотелось бы поговорить с вами как раз о Касле, сэр Джон.

— Я буду на работе в понедельник. Если вы позвоните моей секретарше... — Он посмотрел на часы. — Она еще на месте.

— А завтра вас не будет?

— Нет. Этот уик-энд я проведу дома.

— Не могу ли я заехать к вам, сэр Джон?

— У вас что-нибудь срочное?

— Полагаю, да. Мне кажется, я допустил весьма серьезную промашку. Мне нужно увидеться с вами, сэр Джон.

«Придется теперь отложить Тrolлопа в сторону, — подумал Харгривз. — Бедная Мэри... Когда мы приезжаем сюда, я стараюсь оградить ее от служебных дел, но это редко удается». Он вспомнил, как вечером, после охоты, довольно трудно было найти общий язык с Дейнтри...

— Вы на машине? — спросил Харгривз.

— Да, конечно.

«Может, удастся хоть в субботу освободиться от всех дел, если сегодня проявить к нему радушие», — подумал сэр Джон.

— Дорога займет у вас меньше двух часов, так что можете успеть к ужину.

— Весьма признателен, сэр Джон. Никогда не стал бы вас беспокоить, если бы не важность дела...

— Боюсь, на ужин у нас будет только омлет, Мюллер. Чем богаты, тем и рады, как говорится, — добавил Харгривз.

Он положил трубку и вспомнил ходившие в конторе сплетни, будто он связан с канибализмом. Сэр Джон подошел к окну и посмотрел на улицу. От африканского пейзажа уже ничего не осталось. Мерцавшие вдали огни были огнями автомагистрали, которая вела в Лондон на работу. Он внутренне уже приготовился к тому, что Мелмотт покончит жизнь самоубийством, ибо иного выхода не было. Когда

Сотрудник британского разведуправления Морис Касл ранее служил в посольстве ЮАР.

Он ненавидит апартеид и помогает коммунистам, спасшим его будущую жену от секретной полиции расистов, бороться с чловеконенавистническим режимом. Касл получает от сотрудника юаровской спецслужбы Мюллера сведения о проекте, предусматривающем применение атомных бомб южноафриканцами. Необходимо срочно переправить эти данные.

Касл понимает, что теперь, после гибели Дэвиса, спецслужбы легко установят источник утечки секретной информации. Несмотря на смертельную опасность, Морис все же передает документ, полученный от Мюллера. Касл нервничает, ему необходимо выговориться. Но попытка найти связного Бориса и побеседовать с ним окончилась неудачей. Желая исповедаться, он заходит в костел, однако священник не стал слушать Касла. Возвратившись домой, Морис впервые в жизни рассказывает обо всем жене.

Харгривз пошел в гостиную, жена налиwała себе чай из серебряного чайника, приобретенного на аукционе «Кристи».

— Ты уж извини, Мэри. Но у нас сегодня гость к ужину.

— Честно говоря, я этого и боялась. Он настаивал, чтобы я позвала тебя к телефону... Кто он такой?

— Его прислали из Претории, из БОСС.

— До понедельника подождать не мог?

— Объяснил, что у него чрезвычайно срочное дело.

— Терпеть не могу этих держиморд-расистов, — обычные английские ругательства весьма колоритно звучали с ее американским акцентом.

— Я тоже их терпеть не могу. Ничего не поделаешь, приходится сотрудничать. Надеюсь, нам удастся сообразить что-нибудь на ужин?

— Да, есть ростбиф.

— Отлично, это лучше омлета, который я ему пообещал.

Ужин прошел довольно напряженно, о делах разговаривать они не могли, и леди Харгривз, угощая «божолем», всячески старалась завязать разговор. Для начала она призналась, что абсолютно не разбирается в южноафриканском искусстве и литературе. Однако оказалось, что Мюллер понимает в этом не больше ее. Мюллер, правда, заметил, что у них встречаются поэты и писатели и даже присуждается премия. «Но, — добавил он, — ни одного из них я сам не читал».

— Все они неблагонадежные, — объяснил Мюллер, — по крайней мере большинство.

— Неблагонадежные?

— Дело в том, что они лезут в политику. Вот, к примеру, сейчас в тюрьме сидит один такой поэт, который заодно с террористами.

Харгривз хотел было перевести разговор на другую тему, но ничего, хоть как-то связанное с Южной Африкой, за исключением золота и алмазов, на ум не приходило. Кстати, золото и алмазы ничуть не меньше писателей тоже самым тесным образом свя-

заны с политикой. Вспомнив об алмазах, сэр Джон подумал о Намибии и что этот миллионер Оппенгеймер поддерживал прогрессистскую партию. Африка для сэра Джона по-прежнему оставалась символом нищеты, а политические страсти бушевали где-то там, на юге континента.

Харгривз вздохнул с облегчением, когда, пройдя в кабинет, они с Мюллером уселись в мягкие кресла, рядом на столике красовалась бутылка виски. Разговор на неприятные темы лучше вести в удобных креслах, поскольку, как был убежден сэр Джон, в уютных креслах трудно заставить себя сердиться.

— Хочу извиниться за то, — обратился Харгривз, — что не встретил вас, когда вы прибыли в Лондон. Мне надо было слетать в Вашингтон. Знаете, одна из обычных плановых поездок, от которой нельзя отвертеться. Надеюсь, мои сотрудники смогли оказать вам содействие.

— Мне тоже пришлось отлучиться из Лондона. Я ездил в Бонн.

— Ваша поездка в Бонн, видимо, прошла не столь

тривиально, как моя в Вашингтон. Благодаря полетам «конкорда» расстояние между Лондоном и Вашингтоном сократилось настолько, что теперь за океаном вас ожидают прямо к обеду. Надо полагать, вы съездили в Бонн не без пользы. Вы, наверное, уже обсудили все это с нашим другом Каслом.

— Скорее вашим другом, нежели моим.

— Ну да, конечно. Я в курсе, что несколько лет назад вы с ним немного повздорились. Но это ведь дело прошлого, не правда ли?

— Существует ли вообще, сэр, категория дел, которую можно отнести к прошлому? Ирландцы, например, так не считают, и, кстати, то, что вы именуете войной буров, — для нас священная война, мы называем ее войной за независимость. Меня очень беспокоит Касл. Именно поэтому я вас сегодня и потревожил. Я допустил неосторожность. Я передал ему некоторые записи, связанные с моей поездкой в Бонн. Ничего, конечно, сверхсекретного, однако для любого, кто умеет читать между строк...

— Уважаемый коллега, можете положиться на Касла. Я никогда бы не стал поручать ему встречу с вами и обмен информацией, не будь он нашим лучшим сотрудником...

— Он пригласил меня на ужин к себе домой. Меня удивило, что он женат на той самой чернокожей, из-за которой, как вы выразились, мы повздорились. И, похоже, у него от нее ребенок.

— Здесь, Мюллер, нет расовых барьеров. Кроме того, могу вас заверить, что она прошла весьма тщательную проверку.

— Ее побег организовали коммунисты. Вдобавок Карсон был большим другом Касла. Полагаю, вам это известно.

— Да, мы все знаем о Карсоне и ее побеге. Задача Касла как раз и состояла в поддержании контактов с коммунистами. А что, Карсон по-прежнему доставляет вам хлопоты?

— Уже нет. Карсон умер в тюрьме от воспаления легких. Вы представить себе не можете, как расстроился Касл, узнав об этом.

— Могу себе представить, ведь они были друзьями.

Харгривз сокрушенно взглянул на роман Троллопа, лежавший на столике рядом с бутылкой «кати-сарка». Мюллер резко поднялся с кресла и прошелся по кабинету. Его внимание привлекла фотография негра в мягкой черной шляпе, какие любили носить миссионеры. Половина лица у африканца была обезображена проказой, мужчина улыбался направленной на него камере изуродованным ртом.

— Ему не повезло, — прокомментировал сэр Джон, — он умирал, когда я сделал фотографию. Причем он знал об этом. Либерийские негры славятся своим мужеством. Фотография на память.

— Но это еще не все, — продолжил Мюллер. — Сэр, я случайно передал Каслу не те записи. Я подготовил один материал для него, а другой — для моего отчета о поездке. Я перепутал записи. Конечно, в них нет ничего особо секретного, понятно, я не стал бы доверять такие сведения бумаге, однако там есть ряд неосторожных намеков...

— Вам, право, не стоит беспокоиться, Мюллер.

— Не могу не беспокоиться, сэр. Вы живете в столь непривычной для нас обстановке. По сравнению с нами здесь вам, видимо, просто нечего бояться. А вы симпатизировали этому негру на фотографии?

— Он был моим другом, я даже любил его.

— Не могу так сказать ни об одном чернокожем, — заметил Мюллер. Гость повернулся и оглядел кабинет. На противоположной стене красовалась дорогая африканская маска. — Я не доверяю Каслу, — настаивал Мюллер. — Ничего конкретного, но интуиция подсказывает мне... Жаль, что вы не поручили брифинг кому-нибудь другому.

— Лишь два наших работника занимались интересующим вас материалом — Дэвис и Касл.

— Дэвис, по-моему, скончался?

— Да.

— Вы здесь ко многому так легко относитесь. Я иногда даже завидую вам. Например, тому, что у него чернокожий ребенок. Знаете, сэр, имеющийся опыт научил нас, что нет более уязвимого человека, чем сотрудник разведслужбы. Несколько лет назад в БОСС, в отделе, который занимался коммунистическими организациями, произошла утечка информации. Выяснилось, что виноват один из наших самых способных сотрудников. Он тоже водил дружбу с коммунистами, и, представьте себе, дружеские связи одержали верх. В этом деле, кстати, замешан и Карсон. Был еще и такой случай — один из наших офицеров блестяще играл в шахматы. Работа в разведке стала для него чем-то вроде шахматной игры. Он проявлял интерес к работе лишь тогда, когда чувствовал, что против него играл действительно первоклассный соперник. В итоге он разочаровался, поскольку наши игры стали для него слишком банальными, и переметнулся на другую сторону. Мне

кажется, он получал истинное удовольствие, играя в эти игры.

— Что с ним стало потом?

— Он уже покойник.

Харгривз вновь вспомнил Мелмотта. Мужество считается главным человеческим достоинством. А как тогда расценивать мужество известного мошенника и банкрота, не побоявшегося появиться в ресторане палаты общин английского парламента? Но может ли мужество служить оправданием любого поступка? И всегда ли мужество должно прославляться? Затем он произнес вслух:

— Мы довольны тем, что утечке информации, шедшей от Дэвиса, положен конец.

— Счастливый смертельный исход?

— Да, цирроз печени.

— Я говорил вам, что Карсон умер от воспаления легких.

— Касл, насколько знаю, не играет в шахматы.

— Но ведь существуют и другие мотивы. Любовь к деньгам.

— Ну это уж точно к Каслу не относится.

— Он любит жену и ребенка.

— Так что из этого?

— Ведь они — чернокожие, — пояснил свою мысль Мюллер.

Мюллер еще раз осмотрелся в кабинете Харгривза и пристально взгляделся в висевшую на стене фотографию либерийского вождя. «Пожалуй, я сам, — про себя отметил сэр Джон, — тоже нахожусь у него под подозрением. Этот Мюллер вроде луча маяка на мысе Доброй Надежды, непрерывно скользящего по неприветливой поверхности моря в поисках неприятельского судна».

— Молю бога, чтобы вы оказались правы в том, что утечка действительно шла от Дэвиса. Хотя я в это не верю, — добавил Мюллер.

Харгривз наблюдал за тем, как Мюллер на черном «мерседесе» подъехал к воротам. Машина притормозила и скрылась из виду.

Была почти полночь. Харгривз поднялся наверх, снял рубашку, накинул на шею полотенце и стал бриться. В том не было никакой необходимости, поскольку он побрился перед ужином, но ему всегда лучше думалось в момент бритья. Он попытался восстановить в памяти, почему Мюллер стал подозревать Касла. Его связь с Карсоном ничего не значила. Чернокожие жена и ребенок... Харгривз с чувством горечи и утраты вспомнил свою чернокожую любовницу, с которой встречался задолго до женитьбы. Она умерла от лихорадки, и когда ее не стало, он почувствовал, как вместе с ней канула частица его любви к Африке. Еще Мюллер говорил об интуиции: «Ничего конкретного, но интуиция подсказывает мне...»

Харгривз мог насмеяться над чем угодно, но не над интуицией. Он жил в Африке, полагаясь на интуицию. Интуиция помогала ему подбирать новых сотрудников. И однажды, именно благодаря интуиции, он остался в живых.

Сэр Джон вытер лицо полотенцем. «Пожалуй, позвоню Эммануилу», — подумал он.

Доктор Персивейл — единственный настоящий друг в их контуре. Харгривз приоткрыл дверь и взглянул в спальню. Свет был потушен, и ему показалось, что жена уснула, но она спросила:

— Почему, дорогой, ты еще не ложишься?

— Сейчас лягу, вот только позвоню Эммануилу.

— А этот Мюллер уже уехал?

— Да.

— Он мне не понравился.

— Мне тоже.

Глава III

Касл проснулся и посмотрел на часы, хотя подсознательно всегда чувствовал время. По его расчетам, было около восьми, он успеет пройти в кабинет и, не будя Сару, включить радио. Касл удивился, что уже пять минут девятого, внутренний будильник никогда не подводил его раньше.

«Возможно, спешат часы», — прикинул он. Когда Касл вошел в кабинет, основные новости уже передали и зачитывали второстепенные сообщения, которыми обычно заполняли паузы. На автомагистрали М-4 произошла серьезная авария, премьер-министр дала интервью, в котором поддержала кампанию против порнографической литературы, затем сообщение дополнили, передав, что некий Холлидей — «простите, Хэллiday», — извинился диктор, — привлечен к судебной ответственности в Ньюингтон-Баттсе за продажу порнографического фильма четырнадцатилетнему юноше. Дело было решено передать в городской суд, задержанного выпустили под залог в двести фунтов.

«Значит, теперь он на свободе», — подумал Касл, — и копия записей Мюллера преспокойно лежит у него в кармане. Не исключено, что Хэллiday-младший находится теперь под наблюдением полиции. Возможно, он побоится передать документ нужным людям, воспользовавшись тайником, или уничтожит

его. Скорее всего, он сохранит записи Мюллера, чтобы потом торговаться с полицией».

«Могу быть вам полезен гораздо больше, чем кажется... Если мы утрясем это маленькое дельце... Готов передать вам кое-какие документы... Позвольте переговорить с кем-нибудь из спецслужбы...» — так представлял себе Касл разговор, который мог происходить в данный момент. Недоверчивый полицейский рассматривает записи, которые в качестве приманки передал Хэллiday-младший.

Касл приоткрыл дверь в спальню. Сара еще спала. Касл понял, что настал момент, которого он всегда с опаской ждал. Думать надо предельно четко и действовать решительно. Для благих желаний, как и для отчаяния, места в душе уже не осталось. Эмоции лишь помешают принятию решений. Следует исходить из того, что Бориса нет в Лондоне, связь прервана, и рассчитывать можно лишь на собственные силы.

Касл спустился в гостиную, чтобы не разбудить Сару, и снова набрал телефон, которым должен был воспользоваться в чрезвычайных обстоятельствах. Касл понятия не имел, кому звонил, судя по номеру, куда-то в район Кенсингтона. Он трижды с интервалом в десять секунд набирал номер, казалось, что сигнал бедствия раздавался в совершенно пустой квартире, но как знать...

Каслу некуда было обращаться за помощью, важно как можно быстрее разобраться с домашней обстановкой. Какое-то время он сидел у телефона, составляя план действий, точнее говоря, проверяя пункт за пунктом, поскольку план был продуман им уже давно. Не надо уничтожать какие-либо важные документы, тут все ясно. В доме не было книг, которыми он пользовался для составления шифровок... Касл знал, что нет нужды уничтожать бумаги... он может преспокойно запретить пустой дом и уехать... собаку, конечно... а что, кстати, ему делать с Буллером? Глупо было сейчас думать о собаке, причем собаке, которую он никогда не любил. Но мать никогда не разрешит Саре оставить пса у себя в Суссексе. «Вероятно, можно сдать Буллера куда-нибудь на псарню, — предположил Касл, — но где, черт побери, ее найти?» Вот над этим Касл никогда не задумывался. Поднимаясь в спальню к жене, он успокаивал себя тем, что сейчас это не самая сложная проблема, которую ему предстоит решить.

«Почему же сегодня она так крепко спит?» — задумался Касл. Глядя на Сару, он понял, почему даже спящего врага воспринимаешь без злобы. Накануне он заснул почти мгновенно, словно окунувшись в небытие, чего с ним давно уже не было. Объяснялось это тем, что они с Сарой поговорили по душам, поведали друг другу свои сокровенные тайны. Касл поцеловал жену, она открыла глаза, видимо, уже догадавшись, что им нельзя терять ни минуты, что ей, как обычно, некогда понежиться в кровати, потянуться и произнести: «А мне приснилось...»

— Тебе нужно сразу же позвонить моей матери, — сказал Касл. — Будет лучше, если ты сама скажешь ей о нашей ссоре. Спроси, нельзя ли тебе с Сэмом пожить несколько дней у нее. Можешь наговорить чего угодно. Пусть она даже заподозрит, что ты что-то скрываешь. Зато потом, когда вы будете у нее, тебе не обязательно сразу все выкладывать. Можешь, к примеру, сказать, что ты никак не можешь простить мне... пришлось объясняться всю ночь напролет.

— Ты же говорил, что у нас еще будет время.

— Я ошибался.

— Что-то случилось?

— Да. Тебе с Сэмом надо немедленно уехать.

— А ты останешься здесь?

— Или мне помогут скрыться, или сюда нагрянет полиция. В этом случае вам незачем находиться тут.

— Значит, мы сейчас расстанемся навсегда?

— Разумеется, нет. Пока мы живы, мы всегда будем вместе... где-нибудь, когда-нибудь.

Они быстро одевались, почти не разговаривая, словно чужие, которым волею случая пришлось ехать в одном купе. Уже у двери, собираясь идти будить Сэма, Сара спросила:

— А как же нам быть со школой? Конечно, никто не станет особенно расспрашивать...

— Не думай сейчас об этом. Позвони в понедельник в школу и скажи, что мальчик заболел. Я хочу, чтобы вы побыстрее уехали. Пока не явилась полиция.

Сара вернулась через пять минут.

— Я говорила с твоей матерью. Нельзя сказать, что она с восторгом восприняла мою просьбу. Она пригласила сегодня кого-то на обед. Как поступим с Буллером?

— Что-нибудь придумаю.

Без десяти девять Сара и Сэм были готовы к отъезду. Такси ждало у подъезда. Каслу казалось, что все происходит в каком-то кошмарном сне.

— Если ничего страшного не случится, ты сможешь вернуться. Тогда мы забудем о нашей размолвке, — сказал Касл.

Петр ВЕРШИГОРОВ (СССР). ПЕЙЗАЖ.

ПЛЕНЭР- ОТКРЫТЫЙ ВОЗДУХ ОБЩЕНИЯ

Магдалена МАРЧИНКОВСКА
(Польша).
ПЛАКАТ ВЫСТАВКИ «АРТ БРУТ».

Стефан БАЕВ (Болгария).
ГОРИЗОНТ.

оследний поворот, и наш микроавтобус въезжает на территорию усадьбы. Бывший помещичий дом занят теперь воеводским центром развития сельского хозяйства. Напротив него — одна из служб, П-образное двухэтажное здание добротной постройки, схваченное сверху красной черепицей; рядом гостиница, которая предоставляется раз в году художникам, съезжающимся в Петровицы под Хойновом на международные пленэры.

Мац РИЗБЕРГ
(Швеция).
АВТОПОРТРЕТ.

Павел ШАДКОВСКИ
(Польша).
СТАРЫЙ ДОМ.

Пленэр — не арена творческого соревнования, всем понятно, что каждый художник идет собственной дорогой: одни остаются приверженцами традиции, другим ближе пластические новации нашего времени. Но что бы ни исповедовал художник, как бы ни декларировал свою позицию, — все равно нет и не может быть искусства вне жизни — мертво новаторство ради новаторства, мертва традиция, не наполненная дыханием времени.

Разные по индивидуальности художники работали рядом, под открытым небом, уважая искания друг друга.

В день советского искусства мы показали более пятидесяти слайдов с произведений московских живописцев 60—80-х годов. Аудитория знакомилась с ними внимательно, профессионально заинтересованно, и эта дружелюбная атмосфера понимания и одобрения осталась в памяти как залог наших будущих встреч.

Иван ПОПЧЕВ
(Болгария).
ФАНТАЗИЯ.

Только Сэм был, похоже, доволен происходящим. Касл заметил, как оживленно мальчик беседовал о чем-то с таксистом.

— Ну, а если...

— Тогда приезжай в отель «Полана».

— Но ты ведь сам говорил: что произошло однажды, никогда больше не повторится.

Впопыхах они забыли даже поцеловаться на прощание и, вспомнив, поцеловались как-то неуклюже, не придавая этому значения, словно расставались не наяву, а во сне. Они всегда рассказывали друг другу свои сны — загадочные, касающиеся их обоих.

— Тебе можно позвонить?

— Лучше не надо. Если все будет в порядке, я позвоню тебе через несколько дней из автомата.

Такси отъехало, Каслу не удалось взглянуть напоследок на жену — помешало заднее затемненное стекло машины. Он вернулся домой и стал складывать маленький чемоданчик, который пригодился бы и в тюрьме, и в случае бегства. Он сложил пижаму, туалетные принадлежности, полотенце и после некоторого раздумья паспорт. Касл присел и стал ждать. Кто-то из соседей завел машину и уехал, и снова воцарилась обычная для субботы тишина. Казалось, что на Кингс-роуд в живых остался он один, не считая полицейских на углу улицы. Буллер распахнул дверь в комнату. Пес сел на задние лапы, преданно глядя Каслу в глаза.

— Буллер,— прошептал Касл.— Буллер, сколько же, черт побери, хлопот ты мне доставляешь!

Буллер, не отрываясь, смотрел на хозяина, требуя, чтобы его вывели погулять.

Прошло четверть часа, пес все так же, не спуская глаз, глядел на Касла. Зазвонил телефон. Касл не стал снимать трубку. Телефон же надрывно звонил и звонил, словно плачущее дитя. Касл был уверен, что звонили не те, чьего звонка он с таким нетерпением ждал, связной никогда бы не стал так долго занимать линию. «Скорее всего кто-то из друзей Сары,— подумал Касл.— Мне звонить некому, ведь у меня нет друзей».

Доктор Персивейл сидел в холле клуба «Реформ» рядом с массивной и широкой лестницей, специально, видимо, построенной для тучных либералов, этих государственных чинуш, обожавших носить бороды и бакенбарды и которых непременно отличала целостность характеров. В холле находился всего один член клуба — мужчина невысокого роста, выглядевший невзрачно и вдобавок, очевидно, плохо видевший. Он с трудом пытался прочесть последнюю биржевую сводку, когда в клубе появился Харгривз.

— Знаю, Эммануил, сегодня моя очередь, но «Травеллерз» закрыт,— начал разговор сэр Джон.— Ты не против, что я пригласил сюда Дейнтри?

— Что тебе сказать? Дейнтри не самый интересный собеседник,— ответил Персивейл.— Проблемы по его части?

— Да, угадал.

— Я так надеялся, что тебе удастся хоть немного отдохнуть после Вашингтона.

— В нашей профессии трудно рассчитывать на отдых. Честно говоря, особого удовольствия от работы я уже не испытываю. И почему, собственно, я не подал еще в отставку?

— Джон, прекрати, пожалуйста! Одному господа богу известно, кого МИД назначит вместо тебя. Так в чем дело?

— Давай для начала чего-нибудь выпьем.

Они поднялись по лестнице и заняли столик на веранде. Харгривз выпил виски, не разбавляя.

— Допустим, Эммануил, ты ошибся и убил не того, кого следовало? — обратился к нему «С».

Доктор Персивейл сохранял хладнокровие. Он внимательно осматривал бокал с мартини, понюхал его, выловил из бокала дольку лимона, проделав все это так, будто готовил коктейль по своему собственному рецепту.

— Абсолютно уверен, что не ошибся,— ответил Персивейл.

— Мюллер, например, не разделяет твоей уверенности.

— Ох уж этот Мюллер! Какого черта он вообще тут понимает?

— Ничего конкретного он сказать не мог, однако полагается на свою интуицию.

— И это все?..

— Тебе никогда не доводилось бывать в Африке, Эммануил. А в Африке нельзя не полагаться на интуицию.

— Дейнтри требует настоящих доказательств, а не просто ссылок на интуицию. Его, кстати, не удовлетворили даже факты, которые имелись против Дэвиса.

— Факты?

— Скажем, история с зоопарком и зубным врачом. Или Портон. С Портоном все было предельно ясно. Так что же ты собираешься поведать Дейнтри?

— Сегодня с самого утра моя секретарша пыталась дозвониться до Касла, но безрезультатно.

— Вероятно, он уехал с семьей куда-нибудь на выходные.

— Допускаю. Я распорядился открыть его сейф — записей Мюллера там нет. Знаю, что ты мне ответишь. Каждый может допустить оплошность. Я подумал, что если Дейнтри отправится в Беркампстед и, скажем, никого там не застанет, можно незаметно обыскать дом Касла. Если же Касл будет дома... он удивится визиту Дейнтри, и, если он действительно виноват... у него могут сдаться нервы...

— А МИ-5 ты предупредил?

— Да, я уже переговорил с Филиппом. Он дал распоряжение снова начать прослушивать телефон Касла. Молю бога, чтобы ничего из этой затеи не вышло. В противном случае окажется, что Дэвис невиновен.

— Не надо беспокоиться о Дэвисе. Для нашей фирмы это не такая большая потеря, Джон. Не стоило его вообще вербовать с самого начала. Работал он неэффективно и невнимательно, много пил. В любом случае рано или поздно у нас с ним возникли бы проблемы. Но, если Мюллер прав, с Каслом нам придется попотеть. Афлатоксин здесь неуместен. Всем хорошо известно, что Касл практически не пьет. Дело неминуемо дойдет до суда, Джон. Если, конечно, мы не найдем никакого другого выхода... И тогда в суде заговорят защитники. Свидетельские показания «при закрытых дверях». А это так не любят журналисты. Появятся сенсационные заголовки в газетах. По крайней мере хоть Дейнтри будет всем этим удовлетворен. Ведь он большой поборник всех норм, предписанных законом.

— А вот наконец и он сам,— заметил сэр Джон Харгривз.

Дейнтри медленно поднимался по широкой лестнице. Казалось, он самым внимательным образом хотел обследовать одну за другой каждую ступеньку, словно они служили косвенными уликами.

— Даже не знаю, как начать разговор.

— Попробуй, как со мной — бесцеремонно и сразу.

— Однако, Эммануил, он ведь не такой толстокожий, как ты.

Часы ожидания тянулись целую вечность. Касл попытался читать, но чтение не снимало напряжения. В интервалах между абзацами он вдруг лихорадочно вспоминал, не оставил ли в доме чего-нибудь такого, что могло бы его скомпрометировать. Касл просмотрел все хранившиеся дома книги — остались лишь те, которыми он никогда не пользовался для составления шифровок. «Войну и мир» он тоже успел уничтожить. В кабинете он собрал все использованные листки копирки — даже самые безобидные — и на всякий случай тоже сжег их. В телефонной книге, лежавшей на столе, самыми секретными являлись номера телефонов мясника и семейного врача, тем не менее Касл был почему-то уверен, что где-то все равно обследовал. Он вспомнил, как те двое из спецслужбы обыскивали квартиру Дэвиса и наткнулись на строки из книги Браунинга, которые Дэвис подчеркнул и выделил буквой «с». Но следов его искренней любви к Саре никто в доме не обнаружил. Дело в том, что они с Сарой не писали друг другу любовных писем — любовные письма в Южной Африке служили неоспоримым доказательством тяжкого преступления.

Никогда время не тянулось так долго и Касл не чувствовал себя таким одиноком, как сейчас. Он не испытывал голода, хотя завтраком они успели накормить только Сэма. Касл понимал, что трудно предположить, в какой ситуации он окажется к вечеру и удастся ли ему поесть вообще. Касл пошел на кухню и достал тарелку с холодной ветчиной. Едва он принялся за еду, как вспомнил, что пора включить радио — в час дня передавали новости. Он внимательно прослушал всю сводку, включая даже спортивные известия, на тот случай, если диктор зачитает в конце передачи какое-либо экстренное сообщение.

Но по радио не передали ничего, что хоть как-то могло его заинтересовать. Ни о каком Хэллидее-младшем и речи не было. Да и наивно, видимо, дожидаться такого сообщения, с этого момента жизнь молодого человека будет протекать исключительно «при закрытых дверях». Несмотря на то, что Касл долгое время имел дело с тем, что обычно именуется «секретной информацией», чувство профессионализма словно покинуло его. Его так и подмывало снова передать по телефону условный сигнал бедствия, но все же он удержался от этого шага, поскольку опрометчиво было второй раз звонить по засекреченному телефону из дома. Касл не знал, где находился таинственный абонент, но для прослушивающих его телефон ничего не стоило определить, кому он звонил. Появившееся накануне у Касла ощущение, что все каналы связи перекрыты и теперь он предоставлен исключительно самому себе, крепло с каждым часом.

Остатки ветчины Касл отдал Буллеру, и тот, в знак благодарности, с радостью облизал его брюки. Пса уже давно нужно было вывести на прогулку, но Каслу очень не хотелось вообще выходить из дома, даже в сад. Если нагрянет полиция, Касл предпочел бы, чтобы его арестовали дома, а не на глазах у любопытных соседей, выглядывающих из окон на улицу. В спальне, в тумбочке у кровати, Касл хранил револьвер, о существовании которого никогда никому не рассказывал, даже Дэвису. Касл владел им на законном основании, поскольку приобрел его еще в Южной Африке, где практически каждый белый имеет оружие. При покупке револьвера Касл зарядил его одним патроном. Все семь лет он так и лежал в тумбочке. Касл подумал, что может разрядить револьвер в себя, когда ворвется полиция. Но прекрасно знал, что на самоубийство никогда не пойдет. Ведь он обещал Саре, что рано или поздно они снова будут вместе.

Касл брался за книгу, включал телевизор, потом вновь пытался читать. У него вдруг появилось безумное желание — сесть на поезд, отправиться в Лондон к отцу Хэллидея и узнать, нет ли новостей. Но Касл подумал, что наверняка установлена слежка и за его домом, и за железнодорожной станцией. В полнотемноты, когда стали сгущаться сумерки и в темноте нельзя было ничего разобрать, снова зазвонил телефон, на сей раз вопреки всякой логике Касл снял трубку. В душе Касл надеялся услышать голос Бориса, хотя прекрасно понимал, что он не пошел бы на такой риск и не стал бы звонить по телефону.

Он услышал суровый голос матери, причем казалось, что она находилась рядом, в той же комнате.

— Морис?

— Да.

— Хорошо, что застала тебя. Сара почему-то думала, что ты уже уехал.

— Нет, я еще здесь.

— Что за глупости вы тут выдумали?

— Это не глупости, мама.

— Я сказала Саре, чтобы она оставила Сэма у меня и возвращалась домой.

— Надеюсь, она не поехала? — встревоженно переспросил Касл. Еще одно расставание с женой он бы просто не перенес.

— Она отказывается ехать и говорит, что ты непустишь ее обратно. Чепуха какая-то.

— Вовсе не чепуха, если она вернется, тогда уеду я.

— Что же в конце концов между вами произошло?

— Потом узнаешь.

— Ты что, разводится думаешь? Это очень плохо отразится на мальчике.

— Пока лишь речь идет о том, чтобы пожить отдельно. Пусть все само собой уляжется, мама.

— Ничего не понимаю. Терпеть не могу, когда ничего не понимаю. Сэм спрашивает, покормил ли ты Буллера.

— Передай, что покормил.

Она положила трубку. Касл подумал, проигрывают ли на магнитофоне их разговор. Ему захотелось выпить виски, но бутылка оказалась пустой. Тогда Касл спустился в погреб, где раньше хранили уголь, а теперь устроили небольшой винный погребок. Желобок, по которому раньше насыпали уголь, давно переделали в наклонное оконце. Касл выглянул на улицу и заметил, что кто-то стоит у уличного фонаря.

На мужчине не было полицейской формы, но не исключено, что это сотрудник спецслужбы в штатском. Тем не менее, кем бы он ни был, он бесцеремонно стоял прямо у входа в дом Касла. Скорее всего неизвестный хотел запугать Касла и вынудить его к какому-то необдуманному поступку. Буллер спустился за хозяином в погреб и, заметив постороннего, залапал. Вид у пса был довольно свирепый, но если бы мужчина стоял поближе, Буллер, вместо того чтобы наброситься на него, наверняка стал бы лизать ему ноги. Касл с псом увидели, как неизвестный скрылся из виду, и Буллер выразил явное неудовольствие, поскольку потерял возможность подружиться с прохожим. Отыскав бутылку виски (причем цвет уже не имел для него никакого значения), Касл поднялся в гостиную. Если бы накануне он не избавился от «Войны и мира», теперь с удовольствием перечитал бы несколько глав романа.

Ощущение неопределенности привело Касла в спальню, где он стал рыться в вещах Сары в поисках старых писем, плохо, правда, представляя, как письма, которые он когда-то писал ей, можно использовать против нее. Но самые невинные фразы могут быть превратно истолкованы сотрудниками спецслужбы и станут доказательством виновности Сары. Касл понимал, что «спецы» непременно станут добиваться именно этого, настолько сильна в таких случаях жажда мщения. Но никаких писем Касл не нашел — когда любишь и рядом с любимым, старые письма невольно утрачивают свое значение.

Перевела с английского Мария ОСИНЦЕВА.

Продолжение следует.

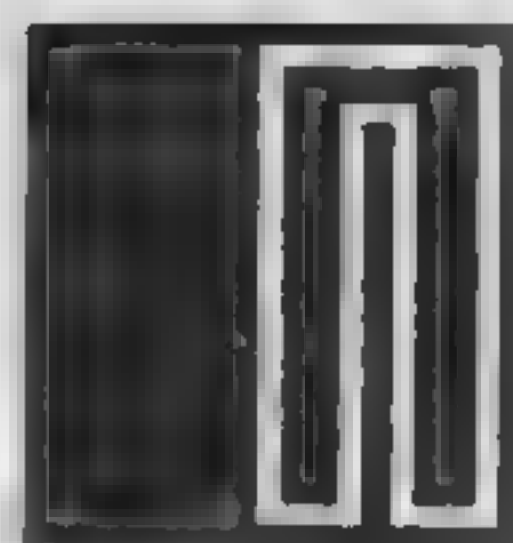
К 75-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
АЛЕКСАНДРА ЯШИНА

АЛЕКСАНДР
ЯШИН
НЕ МОГ ЖИТЬ
БЕЗ ОТЧЕЙ
ЗЕМЛИ.
БЕЗ ВОЛОГОДЧИНЫ...
ЗДЕСЬ,
В ДЕРЕВНЕ
БЛУДНОВО,
ОН РОДИЛСЯ
И ВЫРОС.
НА БОБРИШНОМ
УГОРЕ
ПОДОЛГУ
ЖИЛ
И РАБОТАЛ...

ДОРОГА К ПРАВДЕ

Владимир СОЛОУХИН

Поэт, писатель, вообще художник формируются под воздействием внешних сил. Во-первых, надо назвать обстановку, в которой проходит детство, а потом и юность художника.

Для одного — это большой город, троллейбусы, кинотеатры, городские дворы, скверы, парки, дворцы пионеров, многоэтажные дома, асфальт, камень...

Для другого — природа, небольшая деревенька, река, лес, корова, птичьи гнезда, лошади, поля, крестьянские полевые работы, изба, сеновал, керосиновая лампа, удочки, пилка дров, горячая печка после катания на салазках...

Понятно, что два писателя, выросшие в столь разных условиях, будут писать по-разному.

Второй формирующей силой надо признать народ, к которому писатель

принадлежит, из недр которого вышел. Бальзака не спутаешь с Тургеневым, Диккенса со Львом Толстым. Строго говоря, и родная природа, и народ формируют писателя, художника, дабы он потом, сформировавшись, изображал их в своих произведениях, рассказывал о них, восславлял их.

Сказки, песни, предметы быта, характеры людей, обычаи, обряды, праздники, игры, весь жизненный уклад у испанцев, скажем, один, у норвежцев — второй, а у русских — третий. Затем идут книги, любимые писатели, живописцы, история родины, ее города, музыка, славные имена, деяния, подвиги — одним словом, все, что составляет понятие «народ» и «родина».

Третья внешняя сила — время, в которое художник живет и творит. Каждый художник, о чем бы он ни писал, так или иначе рассказывает о своем времени.

Замечательный писатель Александр Яшин (поэт и прозаик) родился и вырос в вологодской деревне, вышел из недр русского народа, жил и творил в советское время. Эти три обстоятельства определяют Яшина как писателя, его творческое лицо.

Его биография внешне ничем, пожалуй, не примечательна. Родился в 1913 году в деревне Блудново во глубине Вологодской области.

Не за «тремя волоками», как напишет потом его ученик Василий Белов, но, пожалуй, за семью, за пятнадцатью волоками. Ведь даже самолет (правда, двухкрылый) летит от Вологды до районного городка Никольска около двух часов. В «Вологодской свадьбе» читаем, что А. Яшину потребовалось на дорогу от Москвы до Блуднова трое суток.

Дед писателя Михайло Попов был блудновским крестьянином, но, оче-

видно, не бедняком-безлошадником (каковых, впрочем, водилось тогда один-два на деревню), но крестьянином справным, он своей деревне даже подарил школу. Правда, среди северных лесов, когда в каждых мужицких руках — умелый топор, а лес не считан, не мерен, срубить бревенчатое просторное помещение — не такая уж, наверно, была дороговизна, но тем не менее подарок есть подарок, а подарено не что-нибудь, а ведь школа.

Своего отца Якова Михайловича Попова писатель не помнит. Его взяли солдатом на войну 1914 года, и там он погиб.

Почему же все-таки «Яшин», а не «Попов»? Некоторые биографы объясняют это тем, что писатель хотел увековечить в своей новой фамилии имя погибшего отца. Думаю, что слишком сложное объяснение. Разве, нося фамилию отца, сын тем самым не увековечивает его память? Но слово «поп» и как производное от него «Попов» были не самые популярные слова в конце двадцатых, в начале тридцатых годов. Возможно, это был первый компромисс будущего писателя в отношениях со временем, который продолжался потом почти четверть века.

Итак, внешне биография Александра Яковлевича Попова (теперь уж Яшина) несложна. Он начинает писать стихи, печатается в районной газете «Никольский коммунар», в газетах Великого Устюга «Ленинская смена», «Советская мысль», «Северные огни», а также в московском журнале «Колхозник». Сами названия этих печатных органов, если в них вдуматься, определяли характер стихов начинающего деревенского поэта. А. Яшин заканчивает Никольский педтехникум, некоторое время работает учителем, но его стихи уже замечены, и когда в Вологде создан Оргкомитет Союза советских писателей (перед предстоящим учредительным съездом СП СССР), то Яшин становится его председателем, а затем и делегатом всесоюзного съезда. Ему в это время 21 год.

И вот там, где доклад делает Горький, а в зале (или в президиуме) сидят Леонид Леонов и Пастернак, Тихонов и Всеволод Иванов, Серафимович и Шолохов, Федин и Паустовский, Пришвин и Катаев, оказался и вологодский паренек.

Делегат Первого съезда СП СССР! Тогда это значило очень много. На свой север Яшин уже не вернулся (хотя и ездил туда не ежегодно ли, потому что жить без своей деревни не мог). Дальше — Литературный институт, московская квартира, война, книги стихов и, наконец, Сталинская (теперь Государственная) премия за поэму «Алена Фомина» в 1950 году.

Это была высшая точка, так сказать, официального взлета поэта А. Яшина. После этой точки начался настоящий подъем, настоящий взлет, который, к великому огорчению и сожалению, не успел закончиться полностью, потому что его оборвала преждевременная смерть. После этой, упомянутой нами точки родился, укрепился и сформировался замечательный русский писатель Александр Яшин.

Если я воспринимаю поэму «Алена Фомина» как низшую точку на творческой синусоиде А. Яшина, я не хочу сказать тем самым, что она была плохо, слабо написана. Писать стихи Яшин умел всегда. «Нехудожественность» этой поэмы заключена в другом.

Когда-то пишущий эти строки побывал в Вологодской области в журналистской командировке и столкнулся со следующим явлением. Там у них была передовая, показательная свинарка, знаменитая на всю страну, депутат Верховного Совета, Герой Социалистического Труда.

Я действительно увидел образцовое свиноводческое хозяйство там, в вологодской глуши. Без белого халата меня даже не пустили в свинарник. Девушки сутились там все, как одна, тоже в белых халатах — не то лаборантки, не то ассистентки. А между тем это был единственный на всю область крохотный островок, оазис в океане полного развала сельского хозяйства. Сарай без крыш (солома скормлена скоту), коровы, стоящие по брюхо в навозной жиже, телята, подыхающие с голоду и облепленные мухами, коровы, подвешенные на веревках, ибо не могли уж стоять... Да что же это за гений такой, подумалось мне тогда, что сумела среди этой черноты и разрухи создать свой белоснежный оазис? Но тогда же я и догадался, что это не она все создала, а ее создали, одну на всю область. Хозяйство это создавалось сверху, как образец. Потом это стало называться показухой и очковитательством.

Я потому так подробно остановился на известной свинарке, что поэма Яшина и воспевала такую вот, хотя она и называлась Аленой Фоминой и была не свинаркой, а председателем колхоза. Сама задача воспеть единичный случай, а не рассказать об общем состоянии деревни, о земледедии и положении вологодских крестьян-колхозников, сама эта задача была антихудожественна и антинародна. А стих, что ж... стих сам по себе мог быть и хорошим. (Потом Яшин начинает повесть «Всколочка», где как русский писатель-реалист расскажет правду об этой свинарке.)

Да, стих мог быть и хорошим. Ну, скажем так:

*Никогда так низко не свисали
Наливные яблоки в саду,
В жизнь свою так парни не плясали,
Как плясали в нынешнем году.*

Казалось бы, чем плохое четверостишие? Но когда мы увидим, что оно помечено 1937 годом, то мы вправе над ним задуматься.

Сам А. Яшин пишущему эти строки рассказывал: «Получил я премию за «Алену Фомину», купил «Победу» и поехал к своим землякам-вологодцам. Хвастаться. Собираю дань славы. Приехал, а там голод... До сих пор, как вспомню, так и краснею».

В том-то все и дело, что он сохранил способность краснеть.

Начало его биографии, его «вход» в литературу связаны не с ослепительным блеском литературного успеха, а с обстоятельствами. Ведь он в свои двадцать лет не написал «Тихого Дона», подобно Шолохову, или «Страны Муравии», подобно Твардовскому.

Но... Есенин уже ушел. Маяковский уже ушел. Гумилев и Блок, Бунин и Куприн (каждый по-своему) ушли. Надо было показать, что может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов советская земля рождать. А Яшина на первых порах породили

не его собственные стихи, но обстоятельства.

Конечно, спору нет, Яшин родился с большим литературным талантом: если бы это было не так, не получилось бы в конце концов того замечательного писателя и поэта Яшина, каким мы его знаем теперь. Но время было такое, что одного литературного таланта могло не хватить. Машина, создававшая из талантливого вологодского юноши нужного ей поэта, дала осечку. Обтесав его со всех сторон как нужно, она, не сумев добраться до сердцевины, оставила ему совесть. Способность краснеть. Это-то обстоятельство, наложившись на врожденный талант, и породило потом Александра Яшина.

Внешне, если сопоставлять даты, пробуждение совести и гражданского, сыновнего по отношению к родному народу, истинно патриотического самосоздания произошло в первой половине пятидесятых годов, после известных всему миру событий. Но не хотелось бы думать, что это так. Хотелось бы думать, что этот процесс был более постепенным и продолжительным, а известные события пятидесятых годов послужили последней каплей в уже полной чаше, той крупницей вещества, которая вызывает быструю кристаллизацию: спелое яблоко падает мгновенно, но созревало оно перед этим постепенно и долго.

Первой ласточкой «нового» Яшина был рассказ «Рычаги», появившийся в альманахе «Литературная Москва» в 1956 году.

Нелепо (да и возможно ли) излагать содержание рассказа объемом в 10 машинописных страничек, но трудно и передать тем, кто не помнит того времени, какое впечатление произвел тогда этот рассказ. Он произвел впечатление разорвавшейся бомбы и вызвал изумление, недоумение, озлобление, открытое негодование, восхищение и полный восторг. Эти десять страничек не потеряли своей первозданной свежести, своей драгоценности и сегодня. «Рычаги» вместе с романом Дудинцева «Не хлебом единым», с очерком Федора Абрамова «Вокруг да около» явились знаменем времени, это было то попадание в «яблочко», после которого в тире мельница начинает крутиться, медведь заваливается на бок, утка падает...

Выстрадавший, проникновенный, несущий огромный обобщающий момент, написанный в лучших традициях русской классической литературы, хотя и незатейливый на первый взгляд, этот рассказ вызвал яростный огонь критики. На Яшина наклеили ярлык «очернителя». «Снимите черные очки!» — кричали ему заголовки критических статей. Но очки не были черными, просто он снял розовые очки и увидел действительность, как поется в песне, «при ярком свете дня». А еще вернее, просто упала повязка с глаз.

Литературная жизнь А. Яшина складывалась так, что к критике (не просто к литературной критике, но к критике «сверху») он не привык. Она привела его в недоумение и замешательство, а если учесть его повышенную ранимость, то можно вообразить, каким для него это было ударом. Однако, к чести А. Яшина, нужно сказать, что, встав однажды на свой новый путь, он с него уже не сворачивал до конца жизни.

В это время меняется тональность, глубина и стихов А. Яшина. Он заговорил совсем другим голосом. Даже уже названия ранних и поздних сборников говорят очень много. Сравним хотя бы несколько названий первого и второго ряда — «Песни северу», «Земля богатырей», «Советский человек», «Свежий хлеб», а потом: «Бессонница», «Совесть», «Лирическое беспокорство», «Босиком по земле», «День творчества»...

Когда перечитываешь теперь ранние и даже «серединные» стихи А. Яшина, прежде всего ловишь себя на чувстве неловкости. Хочется отвести от странички глаза. Недаром сам А. Яшин этих

стихов, включая и премированную поэму, старался не переиздавать. Возможно, что ложь была искренней, просто таковым был дух времени, и многие поэты были порождены этим временем, плоть от плоти и кость от кости его. И могла быть ложь многоликой, многообразной. Вот приведенное чуть выше четверостишие о наливных яблоках и пляшущих парнях я прочитал своему приятелю, тоже как раз в те годы деревенскому парню, подростку. «В жизнь свою так парни не плясали, как плясали в нынешнем году».

— А ведь и правда — плясали! — ответил приятель.

В 1937 году довольно было еще хлебобородающих соков в российской земле и нравственно-духовных сил в российских крестьянских душах, война еще не успела истребить всех этих парней, вот они и плясали.

А судебные процессы... Это ведь где-то там, в Москве... в городах. И потом — шпионы же... враги народа...

Или вот юноша, окончив ФЗО, получает направление на Волго-Дон.

Говорили сверстники:

*«Везет,
И везет же человеку в жизни!
Чуть из школьных вырвался ворот
И уже — на стройку
коммунизма!..»*

Воспевание героических будней — благородное дело! А то, что Волго-Дон строили заключенные (равно как и Беломорканал, равно как и канал Волга — Москва со всеми его водохранилищами, равно как и железные дороги в Сибири), этого могли не знать ни паренек, окончивший ФЗО, ни воспевающий его поэт.

Ну или там:

*Пусть будут, товарищ Сталин, ясны
И впрямь ваши дни,
И на много лет.
Земля нам дана, леса даны,
По правде, теперь ничего*

*для страны
Дороже здоровья вашего нет.*

И все-таки это еще не самое-самое. Колхозница Ильина устраивает семейный праздник, семейное торжество, по какому же поводу? Вот уж ни один человек теперь на территории нашей страны не догадается. По случаю двадцатилетия вступления в колхоз! Ну и естественно:

*В закромах немалый запас,
Что ни год, веселей живется.
Обо всем,
О любом из нас
Сам товарищ Сталин печется.*

В юбилейной статье всех этих стихов можно было бы не вспоминать, но их нужно было вспомнить для того, чтобы понять, какую силу (мрачную, темную, чуждую) земного притяжения должен был преодолеть поэт, чтобы вытащить ноги из этой глины и не просто вытащить ноги, но начать восхождение и даже полет.

Сначала робкое пробуждение (из экономии журнального места будем стихи выписывать в общую строку): «Не затем я молчу, чтоб скрываться, — в нашей жизни хочу разобраться... На людей не ропщу и у неба ничего не прошу. Правду мне бы!»

«С большим запозданием, как испытание, настал мой период исканий, метаний... И труд, коим рано увлекся я слепо, мне кажется странным и даже нелепым».

«Мы неполной жизнью живем и неполной грудью дышим, в полуголосе песни поем, даже письма с оглядкой пишем. До чего ж мы были просты с нашей верою беспросветной, с нашей преданностью несусветной, доходившей до слепоты».

«Прости меня, мама, прости, что пусти в твоей избе, а я это вовремя не заметил. Прости, что я не заметил, что ноги твои отекали, что пальцы на руках скрючило от работы. Прости меня,

поле, за неурожай, за пустоши, прости меня, моя родная земля, я рожден здесь для того, чтобы видеть и обо всем рассказать другим, а я долго на все закрывал глаза».

«Не пишется! Зачем молчу, какой у моря жду погоды? Хлеб есть задаром не хочу, он слишком дорог для народа».

«Я как будто родился заново, легче дышится, не солгу, — ни себя, ни других обманывать никогда уже не смогу...»

«Не замолить вины своей... Я ныне пекусь уже не о себе — о сыне. Пусть он грехов отца не повторяет, большой любви ни в чем не изменяет, ни в чьих глазах не будет лжив и мелок и с совестью не заключает сделок».

Понимал ли Яшин всю меру новизны своего пути, всю меру своей искренности и ответственности за нее? Понимал. Более того, он понимал, что сам изменился больше, чем пока что изменились время и, так сказать, внешние обстоятельства, наша действительность. Об этом говорит его пронзительное стихотворение, его, я бы сказал, поэтический шедевр, написанный в 1966 году. Это стихотворение стоит того, чтобы не писать его прозаической строчкой.

*Я обречен на подвиг,
И некого винить,
Что свой удел свободно
Не в силах изменить,*

*Что этот трудный жребий,
Приняв как благодать,
Я о дешевом хлебе
Не вправе помышлять.*

*Щадить себя не вправе,
И бестолковый спор
О доблестях, о славе
Не завожу с тех пор.*

*Что ждет меня, не знаю,
Живу не как хочу,
И ношу поднимаю
Себе не по плечу.*

*У бедного провидца
Так мал в душе просвет,
Что даже погордиться
Собой охоты нет.*

*А други смотрят просто,
Какое дело им,
Крещусь я троесперстно
Или крестом иным.*

*Как рыцарь старомодный,
Я в их глазах смешон.
Да нужен ли мой подвиг?
Ко времени ли он?*

*Земли не чужа сдуру,
Восторженно визжа,
Ползу на амбразуру,
Клинок в зубах держа.*

От гармоней, разукрашенных зеркалами, от залихватских плясок парней под эти гармони, от безоблачных (а на самом деле призрачных) деревенских, колхозных идиллий творчества Яшина совершило эволюцию в сторону истинной гражданственности, в сторону истинной любви к своему вологодскому северу, к людям, его населяющим, к правде.

Едва-едва начали затихать крути на воде от брошенного в омут рассказика «Рычаги», едва-едва поутихла критика, и стало Яшину как-то поспокойнее жить, как он бухнул в воду другой камень, и назывался он «Вологодская свадьба». С точки зрения традиций русской литературы, это был хороший, добротный бытовой, этнографический очерк, реалистический и правдивый. Но когда же русская литература была не правдивой? Гоголь и Тургенев, Глеб Успенский и Короленко, Куприн и Чехов... «Антон Горемыка», «Подлиповцы», «Сон Макара», «Записки охотника», «Сахалин», вся публицистическая и очерковая литература XIX века...

Наследуя эту традицию, Яшин и написал свою «Вологодскую свадьбу». И,

ШЛЮЗЫ ИЛИ КИНГСТОНЫ?

боже мой, что же тут началось! Ведь законы литературы того времени предписывали изображать действительность не такой, какая она на самом деле, а такой, какой она должна была бы быть, какой ее хотело бы видеть руководство того времени.

Ладно, если бы просто пресса, статьи в центральных газетах, но возмездие оказалось более изощренным. Местные вологодские власти организовывали (теперь это доподлинно известно) так называемые письма земляков, заставляли людей ставить свои подписи под этими сфабрикованными письмами, и письма эти посылались в центральные газеты, а копии, естественно, самому Яшину. Яшин — очернитель, Яшин — клеветник, он искажил нашу светлую, счастливую, культурную жизнь — вот основные мотивы и основная тональность этих писем. Конечно же, Яшину, любящему свою родную землю и своих земляков так, как никому и не снилось их любить, эти письма с десятками подписей были обиднее и больнее, нежели статьи записных московских критиков-профессионалов. Хорошо, что хоть крохами перепадала Яшину и поддержка. Так, Г. Тропольский писал Александру Яковлевичу: «Здорово, ей-богу! Ну просто нет слов, как здорово! Такое может написать только тот, кто очень любит человека. Родными запахами повеяло мне от «Свадьбы». Чую я твою большую любовь к своему народу. И слышу правду. Все у тебя здесь правда».

Когда сейчас перечитываешь «Вологодскую свадьбу», возникает легкое недоумение: за что? Почему вдруг такая яростная реакция официальной критики?

Ну, подумаешь, разучились петь старинные, свадебные песни, волокнистые, как их называет там одна старушка; ну, подумаешь, жених приехал за невестой на самосвале (раньше тройки с бубенцами и в лентах); ну, подумаешь, жених, напившись вусмерть (раньше жених и невеста только пригубляли), кричал всем, что он Чапай; ну, подумаешь, один старик, захмелев, подходил к каждому и, вынимая вставную челюсть, хвастался, какая у него прекрасная вставная челюсть... Все как будто бы — безобидные мелочи. Дело в другом. Официальную критику, а сказать точнее, официальные инстанции напугал подлинный, в традициях настоящей русской литературы, реализм этого очерка. Этим очерком послужившая до сего времени литература вместе с упомянутыми уже романом Дудинцева «Не хлебом единым», с очерком Федора Абрамова «Вокруг да около», с теми же яшинскими «Рычагами» сворачивала с пути синтетической лжи в сторону ржаного хлеба правды. Этого допустить было нельзя. Но и не допустить этого тоже было уже нельзя. Процесс начался, процесс продолжается. Не забудем же, что у истоков этого процесса, который теперь называется гласностью, стоял замечательный русский писатель Александр Яшин.

Александр Яшин скончался, как пишется в некрологах, от продолжительной тяжелой болезни летом 1968 года. Значит, если мерить от «Рычагов», ему на свой новый путь, на новую «раскрутку» своего литературного дарования было отпущено 13—12 лет. С одной стороны, не так уж и мало. Но так как этот новый путь лежал, главным образом, через прозу (хотя, видим, что и как поэт Яшин в эти годы заговорил совсем другим голосом и написал много прекрасных стихотворений), а проза требует времени и времени, то, когда Яшин ушел, у всех осталось ощущение, что он ушел на самом своем подъеме, на взлете, что он к своим 55 годам не обозначил еще своего литературного «потолка», что он ушел, не договорив, что болезнь его сбила влет.

Поэтому особенно горька эта утрата, поэтому с особенным вниманием вчитываемся мы в каждую яшинскую последнюю, предпоследнюю строку, в последний рассказ, в последнюю повесть.

Мы как бы стараемся угадать, а чем бы еще одарил нас А. Яшин, проживи он подольше. Ведь его путь — был путь к правде, и этот путь резко набирал крутизну.

Он и сам понимал это. В последние дни (да что дни — в последние часы!) своей жизни он говорил: «Если бы мне удалось написать то, что задумано, продумано, прожито, осмыслено, — я бы искупил свою вину перед собой, что слишком долго не брался за прозу. Слишком долго писал приказчиные стихи, в которых не мог уместиться талант, а я ощущал его с детства, с юности, как страшную, разрушительную для самого себя силу... Если бы только написать, как задумано: «Выскачку», «Слугу народа», «Директиву», «Бабу-Ягу», «Для кого строился дом» (роман или целая эпопея), «Стечение обстоятельств»...

Многое из того, что он успел написать, становится постепенно достоянием читателя. В декабре 1987 года журнал «Москва» опубликовал его большой рассказ «В гостях у сына». Готовятся к изданию некоторые страницы из его дневников. Но все равно чувство того, что Яшин ушел, не договорив, не дописав, не дожив, это горькое чувство у нас остается.

В письме своему ученику и, я бы сказал, воспитаннику, замечательному русскому писателю Василию Белову, Яшин завещал похоронить его на родине, около деревни Блудново, на Бобришном угоре, над рекой Юг, в сосновом бору. Там он и лежит, человек, чье сердце после заскорузлых десятилетий открылось добру, свету и правде. Уже нет организованных «писем земляков», есть, напротив, ежегодный литературный праздник А. Яшина на Бобришном угоре, есть улица имени Яшина в Вологде, есть улица его имени и в Никольске, есть даже пионерский лагерь имени Яшина. Все встает на свои места. Осталось его литературное наследие. Нет только самого человека, которому сейчас, когда я пишу эти строки, исполнилось бы 75 лет. Нет человека одаренного, острого, колючего, доброго, правдоискателя и правдолюбца, человека крайне раннего, человека... Хотел сказать — беззаветно любящего свою землю и свой народ, но потом подумал, что частица чего-либо не может любить то целое, частицей чего она является. Яшин был частицей родной земли и народа.

Умирая, уже в конце апреля 1968 года, он прислал в Московскую писательскую организацию, своим собратьям по перу, короткое письмо. Что-то вроде литературного завещания. Вот некоторые строки из этого письма.

«...Писать надо, друзья мои! Писать о том, о чем хочется и как хочется... Высказывать себя, свое представление о жизни, свое понимание ее и, конечно, как можно правдивее, правдивее настолько, насколько позволяет собственный характер и уважение к своему человеческому достоинству... Лишь в этом случае можно быть счастливым и достичь в литературе чего-то своего, не изменив ее великим традициям. Только такая работа будет народной».

Сколько-то лет тому назад меня остановила на улице одна общая наша знакомая.

— Вы знаете, у сына Яшина родился сын, и его называли Александром. Теперь будет на свете еще один, новый Александр Яшин.

Я вспомнил своего друга. Как в кино, прокрутились у меня в мозгу и его Вологодчина, и коллективизация, и колхозы, и война, и послевоенная, и современная российская наша деревня, все боли, все горести, все — подчас — бессилие что-либо сделать, чем-либо помочь, весь его характер, все его человеческие качества, сформировавшиеся под воздействием тех трех изначальных слагаемых, о которых писалось на первой странице этих заметок, и я подумал: «Ну, нет. Никакие, ни земные, ни космические, силы не создадут еще одного Александра Яшина!»

ратуру того времени, которое у нас принято называть эпохой культа личности.

Авторы некоторых публикаций пытаются принизить роль и значение М. Горького, а вслед за ним и лучшее в литературе 30—40-х годов.

Иной раз, полемизируя друг с другом, мы допускаем неточные формулировки, которые потом подхватываются, «обрабатываются», а то и преподносятся уже в виде определенной тенденции. Это все идет от старого, когда каждое слово непременно согласовывалось, писалось на машинке, а затем уже читалось с трибуны. Так постепенно мы разучились культурно дискутировать, терпеливо и аргументированно возражать оппонентам. Утрачены приемы ораторского искусства. Речь наша скучна, порой косноязычна. А между тем есть у кого поучиться. Вспомним выступления кинорежиссера С. Герасимова, А. Фадеева, А. Довженко, В. Шкловского, Б. Эйхенбаума. Как хорошо они говорили, как точно формулировали свои мысли, завидна культура их лексик. Из ныне здравствующих к прекрасным ораторам я отношу академика Д. Лихачева, режиссера Г. Товстоногова, актера М. Ульянова... А что если организовать молодежные клубы ораторского искусства? Ведь раньше преподавался курс риторики!

— **Сергей Владимирович, у вас много наград. К 75-летию прибавилась еще одна — десятый орден. Что вы вообще думаете о наградах?**

— Меня огорчают отдельные выступления в печати о наградах и премиях. Я считаю такие выступления тенденциозными, несправедливыми. Меня огорчает, что люди, получившие по праву свои награды, стали теперь как бы стесняться их. Я своих наград не стесняюсь. И когда мне некоторые товарищи, лжескромники, или те, которые хотя казаться очень современными, говорят, что они своих наград не носят даже по праздникам, у меня возникает вопрос: «А может быть, они и впрямь получили их не за дело?»

К счастью, открылась возможность публикаций произведений, ныне хорошо известных, которые совсем недавно не имели выхода к читателю. Важно, что шлюзы открыты. Шлюзы, а не кингстоны, как это хотя бы представить те, кто опасается напора этого потока. Я принимаю с уважением все направления, какие есть и какие были в литературе. Но объективно все же наступает то время, когда надо настойчивее вглядываться в будущее, глубоко осмысливая прошлое и настоящее. Но, конечно, если у писателя есть потребность отдать свой талант, свое перо размышлению о периоде культа личности или о периоде застоя, он волен посвятить этому хоть всю свою творческую жизнь.

Считаю, что это крайне несправедливо — вовремя не врученные награды. Владимиру Дудинцеву за его роман «Не хлебом единым» я бы и сегодня дал Государственную премию. Я ратовал за награждение Анатолия Рыбакова, его роман «Тяжелый песок» считаю достойным произведением. Считаю, что премии заслуживает, и уже давно, Юрий Нагибин. А разве справедливо, что художник Илья Глазунов до сих пор не отмечен премией?!

Я считаю, что надо в корне пересмо-

треть порядок присуждения премий. Недопустим, к примеру, тот ажиотаж, который сопровождает период выдвижения кандидатов на премию.

Крайности вообще недопустимы — они не от культуры. Крайности в ту или иную сторону всегда уводят от основной линии поведения, размыывают мировоззрение. Это не значит, что не нужны дискуссии. Дискуссии необходимы. Но мы еще не научились уважительно относиться к мнению своего оппонента. Тон неуважительный, развязный тон в дискуссии никогда не может привести к желаемому результату. Нам надо почаще вспоминать открытые дискуссии, споры, в которых участвовал, к примеру, Луначарский. Как уважительно относился он к творческой личности. У нас же считается, чем грубее выступишь, чем злее произдеваешься над творческой личностью, тем лучше, тем прочнее самоутвердишься. Амбициозная критика опасна, вредна, а главное — безрезультатна.

Сегодня некоторые писательские организации России, даже небольшие коллективы разьедают склоки и распри. Все свое время члены этих организаций тратят не на творчество, а на выяснение отношений друг с другом, то есть на дела, ничего общего не имеющие с литературой. Здесь-то и должна проявиться идейно-творческая зрелость партийной организации. Члены же партийных бюро в творческих организациях обязаны лично отвечать за то, что происходит рядом с ними.

Я считаю, что сейчас, как никогда, надо развивать наши отношения со странами Запада. Очень важны контакты между деятелями культуры на любых условиях. К сожалению, этого многие не понимают, по-обывательски относясь к тому, что, дескать, режиссер имярек почему-то ставит спектакль на зарубежной сцене, а не на советской, что артист такой-то снимается в зарубежном фильме, а не в советском. Люди не понимают, по-видимому, что прошло время «железного занавеса».

В Италии меня спросили: «Почему в СССР только одна партия?» Я в шутку ответил, что у нас две партии: одна — официальная, другая — неформальная. «Какая же это партия?» «Это партия людей, объединяющихся на почве противодействия перестройке. Они понимают, что перестройка не дает им возможности жить так, как они жили раньше. Они, может, и перестроились бы, да не могут, потому что это им не нужно».

— **Вы знаете о такой эпиграмме: «Земля, земля, ты слышишь этот зуд? Три Михалкова по тебе ползут!»?**

— Грубо, но чем больше эпиграмм, тем лучше. А вообще я часто отвечаю на вопросы о моих сыновьях. И у нас, и за рубежом; Андрон и Никита — оба народные артисты РСФСР — пошли по другой стезе, чем я: попытавшись приобщиться к музыкальному искусству, они посчитали себя недостаточно для этого подготовленными и по собственной инициативе, без всякого родительского влияния отдали предпочтение театру и кино. Старший заявил о себе, как свидетельствовала критика, интересными фильмами «Первый учитель»,

«Дядя Ваня», «Романс о влюбленных», «Дворянское гнездо», «Сибиряда», а также фильмом «История Аси Клячиной, которая полюбила, да не вышла замуж» — лентой, двадцать лет пролежавшей на полке и только сейчас выходящей на экраны. Наши кинокритики и общественность считают эту картину явлением советской кинематографии. Фильмы младшего — Никиты: «Свой среди чужих, чужой среди своих», «Несколько дней из жизни Обломова», «Неоконченная пьеса для механического пианино», «Пять вечеров», «Раба любви», «Родня», «Без свидетелей» — тоже известны.

Как отец, я никогда не мешал сыновьям, понимая, что у каждого человека своя дорога в жизни, что он сам себе ее выбирает. Вообще о сыновьях говорить трудно — они давно взрослые, самостоятельные люди, у каждого — свои взгляды на жизнь и искусство. Но вот о чем хочу сказать особо: бытует такое понятие «писательские дети». Мои сыновья тоже писательские дети: мать — Наталья Кончаловская, отец — Сергей Михалков. Но при чем тут «писательские дети», «актерские дети»? Так можно говорить лишь о тех, кто, не имея никаких данных, вылезает на поверхность благодаря знакомствам, положению родителей, родственникам. Считаю, что, пользуясь папиным именем, маминой должностью, такое дитя может продвигаться до конца своей жизни по административной, чиновничьей, дипломатической, а то и партийной линии. Но в творческой работе такие потуги кончаются крахом.

Не хочу называть конкретные имена, фамилии, они на слуху и на виду. Если человек талантлив, то не имеет значения, кто его родители. Ну, кто может сказать, что у Давида Ойстраха сын плохой скрипач? Думаю, никто: Игорь Ойстрах — талантливейший музыкант.

Да, конечно, есть обывательское суждение о том, что михалковским детям легче было пробиться. Что значит пробиться? Государство, например, дает тебе деньги на картину. Это значит, ты уже пробился? Нет! Ведь если ты снял плохой фильм, значит, тебе зря давали средства, значит, ты не оправдал доверия как творческая личность, а к тому же посрамил доброе имя своих родителей. Мне кажется, что в такой ситуации бывает стыдно всем. Да, ты пробился на студию, в театр, но не в искусство.

И еще в связи с этими разговорами. Почему мы часто говорим о династиях в рабочем классе? Почему же для искусства другие критерии?

— Сергей Владимирович, вы обща-

лись и общаетесь с выдающимися людьми нашего времени. О ком бы вы хотели сейчас сказать несколько слов?

— Да, было много встреч, было много и расставаний. Когда я оглядываюсь назад или же окрест себя сегодня, я думаю, как богата талантами русская земля...

...Алексей Николаевич Толстой — человек широкий, человек застолья, не разгульного, а освещенного умной, живой беседой, тонко понимающий русское слово. Это классик советской прозы. Алексей Николаевич первый посоветовал мне: «Ты должен писать басни!»

...Таких людей, как А. А. Фадеев, у нас сейчас в литературе просто нет. На своем 50-летию в зале Чайковского он говорил о Сталине. Фадеев в Сталина верил. Думаю, что трагический конец Александра Александровича не мог быть не связан с крахом его идеалов. XX съезд партии и Фадеев... Может быть, именно тогда он все понял. Он был человеком честным, добрым, но иногда и очень жестким в своих оценках. Он мог в лицо сказать человеку правду, не боясь потерять с ним дружеские отношения. Он мог защитить человека, но его возможности были не беспредельны. У меня к нему особое отношение — он первым написал в «Правде» статью о моих стихах для детей.

В последние годы жизни Фадеев много болел, и, мне кажется, его уход из жизни можно объяснить не только разоблачением культа Сталина, но и большой творческой неудачей. Он понял, сколько времени потрачено им на пустое дело: концепция начатого им романа «Черная металлургия» оказалась надуманной.

Лучшего руководителя союзной писательской организации трудно было найти.

...Я не мыслю советскую поэзию без Твардовского. Когда у меня плохое настроение, я снимаю с полки вечную солдатскую книгу «Василий Теркин» и перечитываю ее. На посту редактора «Нового мира» он был, как теперь говорят, человеком нового мышления. Смелым, бескомпромиссным, требовательным к себе и к людям. На таких, как он, держится искусство.

Современники никогда не видят великое, которое рядом с ними. Как говорится, лицом к лицу лица не увидать. В чем-то это относится и к Твардовскому.

...Валентин Распутин — яркий представитель целой плеяды русских советских прозаиков, творческая жизнь которых посвящена укреплению нравственного здоровья общества. К таким

писателям я отношу и Федора Абрамова, и Виктора Астафьева, и Юрия Бондарева, и Василия Белова, и Сергея Залыгина, и Евгения Носова.

...Я не все целиком принимаю в творчестве Валентина Пикуля. Но писатель чрезвычайно интересный, много думающий о патриотизме русского воинства, и по этой причине его книги имеют, несомненно, воспитательное значение, им написаны десятки романов и повестей. Некоторые справедливо подвергнуты критическому анализу. Ученые, историки иногда уличают автора в тех или иных неверных утверждениях, даже в фактических ошибках. Наверное, это так, но у Пикуля есть произведения, которые по праву занимают достойное место на книжных полках. Секретариат Союза писателей РСФСР дважды безрезультатно выдвигал кандидатуру писателя на Государственную премию.

Постановление Союза писателей об ошибочности публикации романа «У последней черты»?

Этот роман из «дворцовой жизни» пользуется у читателей большим интересом, думаю, в основном потому, что автор, хотел он этого или не хотел, показал исторические эпизоды через замочную скважину.

...Меня удивляет необъективное отношение академиков живописи и руководителей Союза художников к личности народного художника СССР профессора Ильи Глазунова. Он есть, и нигде от этого не уйдешь. Признание народа он получил. Глазунов искренне хочет возродить русский портрет, русскую школу живописи. Учеников его мастерской в институте имени Сурикова выделяют интересные работы.

К сожалению, в нашей творческой среде все еще очень могущественна зависть, даже когда речь идет о неоспоримом таланте, много лет привлекающем колоссальные аудитории на Родине и за ее рубежами.

...Владимир Высоцкий в искусстве — уникальная творческая личность, хотя я не считаю его великим поэтом. Это такой же народный талант, как Шукшин, которого я очень люблю. Когда Высоцкий умер, меня удивило, что нет некролога. Я даже пытался помочь напечатать его. Звонил, просил. Мне говорили: «Да, да, разберемся, посмотрим». Но ничего не сделали. И пришлось утешаться тем, что его похороны, по существу, превзошли все мыслимые некрологи. И когда сын мой Никита выступил на панихиде в Театре на Таганке, я сказал ему: «Ты — молодец!» И когда Михаил Ульянов тоже выступил на той же панихиде, я и ему сказал: «Хороший пример честного, объективного отношения к ушедшему из жизни товарищу по искусству». Но, конечно, если начнут выпускать майки с портретом Высоцкого и носить их, то это уже будет оскорблением имени художника, памяти художника. Если на его могиле будут оставлять всякого рода сувениры — это уже фетишизм. Высоцкий недостойн такого обывательского отношения...

Я же, вероятно, должен отнестись себя к писателям, которые уже почти все, что могли сказать, сказали. Из нашей беседы, я думаю, видно, что мне в жизни везло: меня миновала трагическая участь тысяч и тысяч соотечественников. Я не попадал в плен, не был убит на войне, как десятки военных корреспондентов. Даже не был ранен. Я рано нашел себя как детский писатель и сатирик. Мне повезло на друзей, на умных, талантливых, доброжелательных наставников. Я дорожил и дорожу любовью моих читателей, а это люди всех возрастов... Что еще сказать?..

— Приближается 1000-летие крещения Руси. Скажите, родители вас крестили? Что вы вообще думаете о религии?

— Да, родители меня крестили. Религия — это мировоззрение. Каждый человек волен верить в то, что он исповедует. Лично я исповедую веру в силу добра и разума. Да, приближается ты-

сячелетие крещения Руси. Это большой праздник, который несет в себе не только православное религиозное начало, это праздник общегосударственный, и отметить его надо как великое событие в истории Отечества, в истории христианства.

— Вы считаете, что мы достигли пределов в желании познать непознанное (непознанный Набоков, возвращенный Гумилев, вновь признанная на Родине Одоевцева, через два десятилетия опубликованный роман Рыбакова, правда о Вышинском, Берии...), наверстать упущенное другими поколениями?

— В. Даль в письме к Кошелеву пишет: «Одна только гласность может исцелить нас от гнусных пороков лжи, обмана и взяточничества и от обычая зажимать обиженным рот и доносить, что все благополучно».

У меня был приятель, племянник К. С. Станиславского. Он жил в Швейцарии в местечке Монтрё. Там жил и писатель Владимир Набоков. Однажды, будучи в гостях у моего приятеля, я ему сказал: «Джерри, познакомь меня с Набоковым». «Не советую тебе с ним знакомиться», — сказал Джерри. — Не надо рисковать». «Почему?». «Вас, советских, не любят. Я не хочу ставить тебя в неловкое положение. Набоков может тебя не принять». И я действительно не решился просить его больше об организации встречи с Набоковым.

Знал бы Набоков, что о нем через несколько лет будут писать статьи и публиковать в советских журналах его стихи и прозу. Знал бы... Кстати говоря, Беллу Ахмадулину он принял и довольно нежно говорил о России. Времена и люди меняются.

...Ирина Одоевцева? Это хорошая русская поэтесса, долгое время жила во Франции. Недавно вернулась на Родину. Буквально на днях мы приняли ее в члены Союза писателей СССР. Дай ей бог здоровья и новых стихов!

Вообще я должен сказать, что за рубежом видел много русских людей, которые с огромным благоговением говорили о Советской России, о советской культуре. Могу, в частности, назвать имя Эдуарда Фальцфейна, у которого я бывал, человека, не жалеющего средств для того, чтобы хоть что-то сделать для России. Сожалею, что нескладно вышло с Сержем Лифарем, который хотел преподнести нам ценные реликвии, но мы не сумели проявить должного такта и внимания к нему.

...Николая Гумилева надо было давно вернуть отечественной культуре. В конце семидесятых годов я попытался помочь этому. Дважды ходил в ЦК КПСС к Суслову с обстоятельным, как мне кажется, весьма аргументированным письмом, в котором говорилось о значении Гумилева для русской поэзии. Инициатором этого моего похода была поэтесса Лариса Васильева. Суслов пообещал: «Мы подумаем». Однако положительного решения не последовало.

Надо постоянно держать руку на пульсе. «Дети Арбата» напечатали — это правильно. «Ночевала тучка золотая» Приставкина напечатали — тоже правильно. «Мужики и бабы» Можая — тоже справедливо напечатали... Но мне не нравится, что, когда начинаются дискуссии, в них принимают участие люди, за спиной которых ничего нет, которые в своем творчестве ничего не доказали и только ораторствовали с трибун. То, что мы пишем о Сталине, о Лысенко, о Берии, о Вышинском, — все это нужно, необходимо, об этих фигурах давно надо было открыто писать и говорить — уже во времена Хрущева. Большой разговор о времени культа личности тогда уже начинался, но только сейчас открыты шлюзы. Повторяю, шлюзы открыты, а не кингстоны. Эти шлюзы оздоравливают общество, духовную атмосферу. Кингстоны же мы не собираемся открывать. Хотя некоторые противники перестройки, злопыхатели, быть может, хотели бы их закрыть.

С. В. Михалков с сыновьями Андроном и Никитой.

В № 1 и № 2 журнала «Огонек» опубликована статья В. Сойфера «Горький плод». Статья посвящена тяжелым для нашей биологии временам, связанным с деятельностью Т. Д. Лысенко. Важность проблемы трудно переоценить, публикации на эту тему выходят одна за другой. Отметим, в частности, обстоятельную, научно аргументированную статью проф. В. Александрова «Уроки прошлого» в № 10 и № 12 журнала «Знание — сила» за 1987 год.

Выступление В. Сойфера в журнале «Огонек» вызвало громадный и даже скандальный интерес научной общественности прежде всего личностью самого автора.

Несмотря на полное отсутствие вклада в науку, В. Сойфер хорошо известен в научных кругах аграрников и биологов. Известен как непорядочный человек и бесталанный экспериментатор, не имеющий систематического образования (пытался учиться в Тимирязевской сельскохозяйственной академии, на физическом факультете МГУ, но в конечном счете окончил плодОВОЩНОЙ факультет Всесоюзного заочного сельскохозяйственного института). Для защиты кандидатской диссертации уезжал в Белоруссию (тема — семена тыквенных), докторской — в Одессу. Последнее не помогло — провалился в ВАКе.

Следуя моде, решил посвятить себя молекулярной генетике. Эти работы получили даже «мировую известность» — были основательно раскритикованы в зарубежном научном журнале.

После этого В. Сойфер решил посвятить себя историографии и популяризации биологии. И здесь надеялся столько грубейших ошибок, что вызвал буквально град критических замечаний со стороны видных специалистов.

Последнее и самое «удачное» его поприще — связь с диссидентскими и антисоветскими зарубежными кругами. Здесь, как и следовало ожидать, его наконец-то ждал полный успех, приглашение на Запад, которое он с удовлетворением принял.

Расстаемся мы с В. Сойфером без всякого сожаления. Поражает другое. Как мог популярнейший в нашей стране журнал проявить такую поразительную неразборчивость в выборе автора для столь серьезной, острой темы. В наших сердцах — сердцах современников — эти драматические события оставили незаживающий кровоточащий след. И тем больнее сталкиваться с легкомыслием и спекуляциями на эту тему, а то и с прямыми передержками, переходящими в клевету.

Непонятно, на каком основании В. Сойфер отаял и причислил «к лику» лысенковцев величайшего се-

лекционера академика П. П. Лукьяненко.

Обливается грязью академик ВАСХНИЛ С. С. Перов — сподвижник К. А. Тимирязева и Н. Д. Зелинского, крупнейший специалист в области молочного белка. С 1905 года С. С. Перов участвовал в революционном движении, с 1918 года — член РКП(б), делегат X съезда партии. О нем что ни слово — ложь. В. М. Молотов никогда у него на квартире не бывал, в аппарате ЦК КПСС С. С. Перов никогда не работал и т. д.

Особенно больно нам, микробиологам, читать обвинения в адрес видного микробиолога, академика ВАСХНИЛ С. Н. Муромцева, которого мы близко знали. Выпускник медицинского факультета Московского государственного университета, он посвятил всю свою жизнь борьбе с опасными инфекционными болезнями людей и домашних животных. В тяжелые двадцатые годы боролся с эпидемиями в Бухаре. В дальнейшем, ведя научный поиск вакцин против бруцеллеза, заразился этой тяжелой болезнью, долго и мучительно болел. Последние годы жизни С. Н. Муромцев был директором крупнейшего в стране института микробиологии и эпидемиологии имени Н. Ф. Гамалеи.

Созданный им оригинальный препарат против ЭМКАР крупного рогатого скота вот уже более полувек надежно предохраняет живот-

ных от этой тяжелой инфекции. Большой вклад в производство эффективных вакцин внесли его полужидкие питательные среды, за которые он был удостоен Государственной премии. А сколько жизней сохранил его метод быстрой лабораторной диагностики бешенства, нашедшей применение во всем мире! С. Н. Муромцев оставил после себя большую научную школу, среди его учеников академики А. А. Волкова, Я. Р. Коваленко и многие другие.

В тяжелые годы культа личности он принял на себя всю тяжесть борьбы с известным авантюристом от микробиологии Г. Бошняком. Погиб в тюрьме его брат, полностью реабилитированный.

Обо всем этом в статье В. Сойфера — ни слова, правда его не устраивает. Зато мутным потоком летит клевета, сыплются оскорбления.

Мы — за демократию и гласность. Но никому не позволено (даже журналу «Огонек») под ширмой гласности предоставлять трибуну для шельмования наших граждан, имеющих большие заслуги перед Родиной.

Академик АН СССР,
лауреат Государственных премий
Е. Н. МИШУСТИН,
академик ВАСХНИЛ,
заслуженный
деятель науки РСФСР
В. Н. СЮРИН

Мы опубликовали отклики ученых, отражающие разные взгляды на статью «Горький плод». Однако письмо, подписанное академиком АН СССР Е. Н. Мишустин и академиком ВАСХНИЛ В. Н. Сюриным, нам хотелось бы кратко прокомментировать.

Статья «Горький плод» готовилась к печати в отделе публицистики, где, согласно существующему в редакции правилу, были проверены приведенные автором статьи факты и сверены цитаты.

Е. Н. Мишустин и В. Н. Сюрин не понимают, на каком основании причислен «к лику» лысенковцев академик П. П. Лукьяненко.

Отвечаем: на основании научных работ и выступлений в печати самого академика П. П. Лукьяненко. Например, на августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года П. П. Лукьяненко подчеркивал, что его метод создан «исходя из теории стадийного развития академика Т. Д. Лысенко» («Правда», 10 августа 1948 года). О положительном отношении к идеям Лысенко говорится и в следующей работе академика П. П. Лукьяненко: «Изменение природы сортов озимой и яровой пшеницы путем изменения условий прохождения стадий яровизации». (Журнал «Агробиология» 1948 г., № 2.)

В то же время П. П. Лукьяненко не выступал с критикой Т. Д. Лысенко, неоднократно критикуя генетиков. (См. журнал «Агробиология» 1965 г., № 2; «Правда» 1966 г., 18 апреля.) Что же касается научных работ академика П. П. Лукьяненко, выведенных им сортов, то в статье нигде не умаляется их достоинство. Поэтому непонятно, что авторы письма понимают под словом «охлаждает». В статье фамилия П. П. Лукьяненко упоминается единожды, среди фамилий новых членов, включенных в состав ВАСХНИЛ накануне печаль-

но известной августовской сессии ВАСХНИЛ.

Е. Н. Мишустин и В. Н. Сюрин сетуют, что им, микробиологам, больно читать «обвинения» в адрес академика С. Н. Муромцева, которого они близко знали. Но ведь эти «обвинения» состоят в основном в том, что в статье приводятся дословные цитаты из его выступления. (См. «О положении в биологической науке». Стенографический отчет сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина. 31 июля — 7 августа 1948 г. ОГИЗ — Сельхозгиз, Москва, 1948 г., стр. 277—281.) Если продолжить цитаты из выступления Муромцева, не вошедшие в статью, то встретишь и значительно более откровенные высказывания. Например: «Микробиология ждет своего Лысенко, который освободил бы ее от самого главного тормоза ее развития...» Думается, многим микробиологам было тогда не только «больно», но и страшно услышать эту угрозу. И далее там же: «Академик Лысенко — теоретик-биолог,двигающий вперед учение Дарвина — Мичурина, в то же время не менее талантливый и энергичный организатор масс, опирающийся в своей работе на миллионы колхозников. Попробуйте указать такого типа ученого в буржуазных странах. Попробуйте указать в какой-либо другой стране такую форму разрешения научных проблем. Нельзя найти такой другой страны, в которой агробиологическая наука за короткий исторический срок обогатила бы сельскохозяйственную практику таким большим количеством новых методов переделки природы на пользу человека».

«...Мы, однако, решительно против техвейсмановских антинаучных исходных теоретических позиций, с которыми вы подходите к своим цитологическим исследованиям...»

И если вы, профессор Рапопорт, этого различия не осознаете, ваши цитогенетические исследования окажутся столь же бесплодными, как бесплодной оказалась и вся формально-генетическая школа».

Это касается и замечания академика В. А. Струнникова о том, что в статье «Горький плод» автор бросает «незаслуженную тень» на такого выдающегося генетика, как И. И. Шмальгаузен. При всем уважении к сделанному в науке этим ученым и его личности нельзя зачеркнуть такие его слова, сказанные на той же сессии ВАСХНИЛ: «Самое большее, что у меня некоторое отношение может иметь к генетике, — это работа по филогенетике расовых признаков у кур. Никакого иного отношения мои работы к генетике не имели и не имеют, тем более мои работы не имеют отношения к формальной генетике». (Там же, стр. 412.) И далее: «Я посвящаю достаточно места и достижениям академика Лысенко...» (Там же, стр. 417.) Что же касается академика Н. И. Вавилова, то как раз в статье говорится с должным уважением об этом замечательном ученом и человеке с трагической судьбой.

И последнее. В начале своего письма академики Е. Н. Мишустин и В. Н. Сюрин, как пример авторитетного и непредвзятого мнения по обсуждаемому вопросу, называют «обстоятельную, научно аргументированную статью профессора В. Александрова «Уроки прошлого» в № 10 и № 12 журнала «Знание — сила» за 1987 г.».

С этой оценкой мы совершенно согласны. Но дело в том, что именно доктор биологических наук, профессор, лауреат Государственной премии В. Я. Александров вместе с докторами наук Г. А. Дворкиным, В. И. Ивановым и М. Д. Голубовским рекомендовал редакции «Огонька»

напечатать статью «Горький плод». Вот что сказано ими в присланной в редакцию рецензии:

«Написанная на основе многолетнего изучения истории гонений на генетику в нашей стране, эта статья правильно освещает события тех лет, вводит в обращение целый ряд новых документов, раскрывающих смысл и причинность трагических для советской биологии событий».

Мы знаем Валерия Николаевича Сойфера как серьезного исследователя, чьи работы уже на протяжении 25 лет привлекают к себе внимание и специалистов, и широких кругов читателей. Его монографии «Молекулярные механизмы мутагенеза» (1969; переведены на немецкий и английский языки), «Очерки истории молекулярной генетики» (1970), статьи о С. С. Четверикове (1964), М. Н. Мейселе (1972) и другие позволили открыть яркие страницы отечественной науки, остававшиеся забытыми».

Опубликованные письма, разумеется, не исчерпывают всю редакционную почту, полученную «Огоньком» по поводу статьи «Горький плод». На нее откликнулись не только специалисты в области биологии, но и люди самых разных специальностей. Большинство авторов писем глубоко возмущены теми методами, весьма далекими от науки, которыми тогда велась борьба против генетиков, глубоко взволнованы их трагическими судьбами.

Сохраняя авторскую аргументацию и стиль дискуссии, мы предложили вашему вниманию несколько отзывов ученых. Что же до личности автора статьи, то в процессе работы над статьей и подготовки ее к печати никакой компрометирующей автора информацией редакция не обладала.

ОТДЕЛ ПУБЛИЦИСТИКИ

С большим интересом я прочитал статью Валерия Сойфера. Статья освещает очень важные, интересные и частью неизвестные факты из истории стремительного возвышения и длительного господства в биологии и сельскохозяйственных науках Трофима Лысенко. Сообщаемые Сойфером факты строго документированы и основаны как на многолетнем изучении архивных и литературных материалов, так и на личных беседах с участниками и свидетелями описываемых событий. В статье много горькой правды. Особенно впечатляюще письмо Лысенко, адресованное Сталину и Жданову-старшему. Именно это письмо, а также известная афера с ветвистой пшеницей были важнейшими звеньями в той цепи событий, приведших к печально известной августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года.

Для многих читателей «Огонька» вся эта история может показаться почти маловероятной. Ведь о драматических событиях тех лет можно узнать главным образом лишь из художественной литературы и немногих журнальных и газетных статей. Поэтому остро необходимо не только отдельные статьи, но и специальные исторические исследования. Это тем более необходимо, что лысенковщина нанесла столь тяжелый удар нашей науке, сельскому хозяйству и многим ученым и работникам сельского хозяйства, что страна до сих пор не может полностью оправиться от ее последствий. Для биологии и сельского хозяйства лысенковщина была раковой опухолью с обширными метастазами.

**Академик
А. Л. ТАХТАДЖЯН,**
член бюро Отделения
общей биологии АН СССР,
директор ордена Трудового
Красного Знамени
Ботанического института
имени В. Л. Комарова АН СССР.
Ленинград

Генетика призвана на этом этапе развития нашего общества и производства сыграть, без преувеличения, выдающуюся роль. Это связано с особенностью данной науки. Являясь точной, а не только описательной биологической дисциплиной, генетика позволяет в ее практических приложениях перейти от экстенсивных к интенсивным формам наращивания общественного продукта. Решая с математической точностью вопросы наследственности и изменчивости, а также измеряя связанную с ними роль внешней среды, генетика плодотворно вторгается и в социальные проблемы, позволяя глубоко научно, а не умозрительно, решать вопросы социологии, демографии, права, педагогики и вообще человеческих отношений.

Именно эти естественные выходы генетики в широкие сферы жизни общества сыграли роковую роль в ее судьбе в 30—40-е годы. Лысенковщина не плод злоумышления отдельных своекорыстных невежд, а порождение эпохи. Не случайно эта беспрецедентная патология в исто-

рии науки проникла далеко за пределы чисто научных проблем и привела к ликвидации если не физически, то административно почти целого поколения советских генетиков. С 1948 года генетика если и существовала у нас, то буквально в подполье.

В середине 60-х годов был положен конец монополии Лысенко. Но только существованию лысенковщины способствовал вакуум, создавшийся в сфере ее бывшего разгула. Была прервана преемственность поколений, без чего наука развиваться не может. В течение десятилетий не готовились кадры генетиков. Заимавшая в 20—30-е годы передовые рубежи в мире, советская генетика оказалась на задворках мировой науки.

Нельзя сказать, что ничего не делалось для ликвидации последствий лысенковщины в 60—80-е годы. Однако надо смело взглянуть правде в глаза и признать, что принятые были лишь полумеры. В отсутствие гласности и демократизации общества и науки иного и быть не могло.

Сказывалась характерная для застойного периода нездоровая конъюнктура. Лысенковщина не была вырвана с корнем, и кое-кто даже из грамотных генетиков не прочь был пожить в мутной воде. За редкими исключениями в исторических сочинениях давалась искаженная картина развития генетики и роли отдельных ее представителей. Генетика из любимицы всех биологических дисциплин, которые всегда находили в ней большое подспорье, оказалась в какой-то мере скопированной, и ее подчас предпочитают сторониться. В ряде постановлений, касающихся современных биологических направлений, приоритеты развития были отданы таким порождениям генетики, как молекулярная биология, биотехнология, геновая инженерия, а генетика оказалась вообще сброшенной со счетов! Как было можно допустить это во времена, когда человечество именно генетике обязано «зеленой революцией», когда сегодня 50 процентов прироста мировых продовольственных ресурсов получено только за счет умелого управления наследственностью и изменчивостью в создании новых сортов сельскохозяйственных культур и пород скота?!

В аспектах возвращения генетике ее законных позиций в нашей стране много вопросов. Но коренным и тут, как и в других вопросах нынешнего развития нашего общества, оказался вопрос гласности и демократизации. Он уже приносит плоды. Отмечавшийся в нашей стране и во всем мире юбилей одного из основателей советской генетики, Н. И. Вавилова, дал серьезный импульс в жизни генетики.

Но именно вавиловский юбилей отчетливо выявил тревожные, негативные моменты. Юбилей показал, что лысенковщина жива и не собирается сдавать позиции. Об этом вынужден был сказать в докладе на торжественном собрании президент ВАСХНИЛ академик А. А. Никонов. Об этом свидетельствуют распространяемые лысенковцами методические рекомендации для лекторов. Об этом широко вещают статьи лысенковцев, которых уже не называли бывшими, в массовой печати, когда гласность и открытость ис-

пользуются не во благо, а во зло. Невольный вред приносят и некоторые недостатки компетентные журналисты, которым при их самых благих намерениях трудно самостоятельно разобраться в тонкостях современной передовой науки, и они становятся добычей недобросовестных консультантов и жертвами собственного честолюбия и дешевых сенсаций.

Так, например, в первых номерах журнала «Огонек» 1988 г. опубликована статья В. Н. Сойфера «Горький плод». Хотя эта статья и содержит некоторые ранее неизвестные документы, однако она не только не вскрывает причины явления лысенковщины, но и тенденциозно освещает, набрасывая незаслуженную тень на ряд выдающихся наших генетиков и биологов — таких, как Н. И. Вавилов, И. И. Шмальгаузен и другие. Редакция журнала оказалась недостаточно щепетильной в выборе автора для такого рода информации. Насколько мне известно, В. Н. Сойфер в течение 8 лет добивался выезда в Израиль и только недавно получил разрешение. Вряд ли это подходящая фигура для освещения горького для нашей страны периода лысенковщины.

Дело науки и государственные интересы требуют внесения полной и исчерпывающей ясности в историю развития генетики в нашей стране. Только так можно оздоровить обстановку и направить энергию на полезную работу. Необходимо создать компетентный и не скопированный себя авторский коллектив из генетиков, историков науки и философов, который в кратчайшее время должен создать и опубликовать достаточным тиражом труд по истории советской генетики с освещением главных естественнонаучных, социальных и философских вопросов, ею затрагиваемых. Яркое освещение прошлого прояснит дорогу в будущее как самой генетике, так и в сети других дисциплин, нуждающихся в ее полезной помощи и поддержке.

**Президент Всесоюзного общества
генетиков и селекционеров
имени Н. И. Вавилова,
председатель Научного совета
по проблемам генетики и селекции,
академик
В. А. СТРУННИКОВ.**

Хочу высказать мнение по поводу статьи Валерия Сойфера.

В статье подробно и документально описывается один из трагических периодов, имевших место в трудные дни отечественной биологии, — печально известная августовская сессия ВАСХНИЛ 1948 года и события, предшествовавшие ей.

События эти, описанные интересно, в большей мере на основании документов, раскрывают деятельность Т. Д. Лысенко с его агрессивным стремлением к безграничной власти в науке. Все его планы на этом пути осуществлялись благодаря поддержке сверху.

Впервые печатается письмо Т. Д. Лысенко И. В. Сталину и А. А. Жданову о том, что ему мешают работать противники «мичуринского направления» в науке и он про-

сит создать ему возможность далее работать в этом направлении.

В дальнейшем приводятся события, разыгравшиеся на августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года, в большой степени по опубликованной тогда же стенограмме сессии с комментариями автора и, как результат сессии, запрет генетики и репрессии в отношении «вейсманистов-морганистов».

Статья В. Сойфера читается с большим интересом, так как вскрывает характер трагической и неравной борьбы генетиков и других биологов с псевдонаучными положениями, выдвинутыми Т. Д. Лысенко.

**Академик
М. Х. ЧАЙЛАХЯН,**
Институт физиологии растений
имени К. А. Тимирязева АН СССР.

Научная ценность статьи заключается в том, что автор собрал большой фактический материал, использовал сборники ряда конференций, опросил большое количество людей, непосредственно принимавших участие в этих событиях. Статья написана строго, последовательно, тональность статьи представляется мне правильной.

Считаю, что публикация данной статьи В. Н. Сойфера приносит большую пользу читателям, особенно сегодня, когда ощущается огромный интерес к истории лысенковщины и когда материалов, даже близких к статье В. Н. Сойфера, подкупающей своей объективностью и глубоким историзмом, нет.

Знаю В. Н. Сойфера в течение многих лет как продуктивного ученого и автора ряда серьезных книг по генетике и истории биологии.

**Зав. сектором
Института
молекулярной генетики АН СССР,
профессор
М. Д. ФРАНК-КАМЕНЕЦКИЙ.**

Наш адрес: 101456,
Москва, ГСП,
Бумажный проезд, 14.

ПОЧЕМУ СТОЛЬКО „ПОЧЕМУ“?

НА СОИСКАНИЕ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ

Когда труппа Роберта Стура играла «Ричарда III» на родине Шекспира, торжественность момента омрачили несколько зрителей. Не дождавшись финальной реплики, они беспардонно ринулись к выходу. Прояснилось все наутро. Газеты поместили под сенсационными заголовками отзывы рецензентов, продиктованные ночью.

О

днажды тот же режиссер дебютировал на тбилисских оперных подмостках спектаклем «Музыка для живых». Сам приход Роберта Стура в святыню традиций вызывал повышенный интерес. А тут еще он придумал либретто и заказал композитору сочинение, где не столь существенны слова. Гия Канчели, до той поры опер не писавший, выдвинул свое условие: на сцене должны обязательно присутствовать дети, им и будет посвящена музыка. Затем явились постоянные сотрудники режиссера, художник Георгий Алекси-Месхишвили, балетмейстер Юрий Зарецкий; репетировались какие-то хореографические новеллы, сценограф соорудил что-то абстрактное, партитура дорабатывалась до последнего дня, а по лестницам носились мальчишки из детского хора. Словом, все шло против правил...

СКОРО В «ОГОНЬКЕ»

В следующем номере
«Огонек»
предлагает вниманию читателей
интервью с Яношем Кадаром.
В нем Генеральный секретарь
Венгерской социалистической
рабочей партии
специально для наших читателей
рассказывает
о трудных годах
становления социализма в Венгрии,
об испытаниях,
выпавших на долю коммунистов
в 1956 году.

На премьере даже воздух уплотнился от ожидания, смешанного с предубеждением. Оперная публика консервативнее самой оперы. Ей подавай, с горечью замечал великий Вальтер Фельзенштейн, нарядного, как рождественская елка, «вокального идиота, убажывающего любителей звуков». Но вот за пульт встал Мазестро Джансуг Кахидзе: тишина... мощный канцелиевский взрыв, и покатился вперед спектакль, сметающий сомнения и скепсис своей вдохновенной творческой энергией. Причудливое, изысканное зрелище, исполненное тревоги, нежности, юмора и Красоты. И совсем как на гастролях грузинских актеров в Англии, в конце секундная пауза и — овации. Только... Никто не кинулся ничего никуда диктовать.

И вот нынешней осенью — сенсация на Всесоюзном фестивале музыкальных театров в Минске. Коллеги, критики, теоретики потрясены. Стенограмму обсуждения работы Тбилисского государственного театра оперы и балета имени З. Палиашвили неловко цитировать. Обновление жанра... Свежий, современный театральный язык, Божественные хоралы. Певцы — от Зураба Анджапаридзе до солиста детского хора — голосисты, но при том лишены вокального тщеславия. Даже стилизация под бельканто, эта итальянская мини-опера в опере, не нарушает безупречного стиля, потому что все на сцене подчинено общему замыслу... Это самые скромные цитаты.

Возникает очень простой вопрос. Почему специалистам потребовалось четыре года, чтобы разглядеть и оценить незаурядное явление сегодняшней нашей культуры? Почему мы не диктуем и почему нас не печатают «в номер»? Потеряли чутье? Боимся ошибиться? Или просто «ленивы и нелюбопытны»? Почему телевидение, уделяющее музыке десятки часов, прошло мимо такого редчайшего события, как рождение новой современной советской оперы, мимо неординарного спектакля, поднимающегося до философских раздумий о Бытии, о судьбе человечества? Почему перед недавним показом «Музыки для живых» на сцене ГАБТа в Москве отсутствовала какая бы то ни было реклама? И вообще: почему у нас столько «почему»? Даже вокруг такой чистой материи, как музыка...

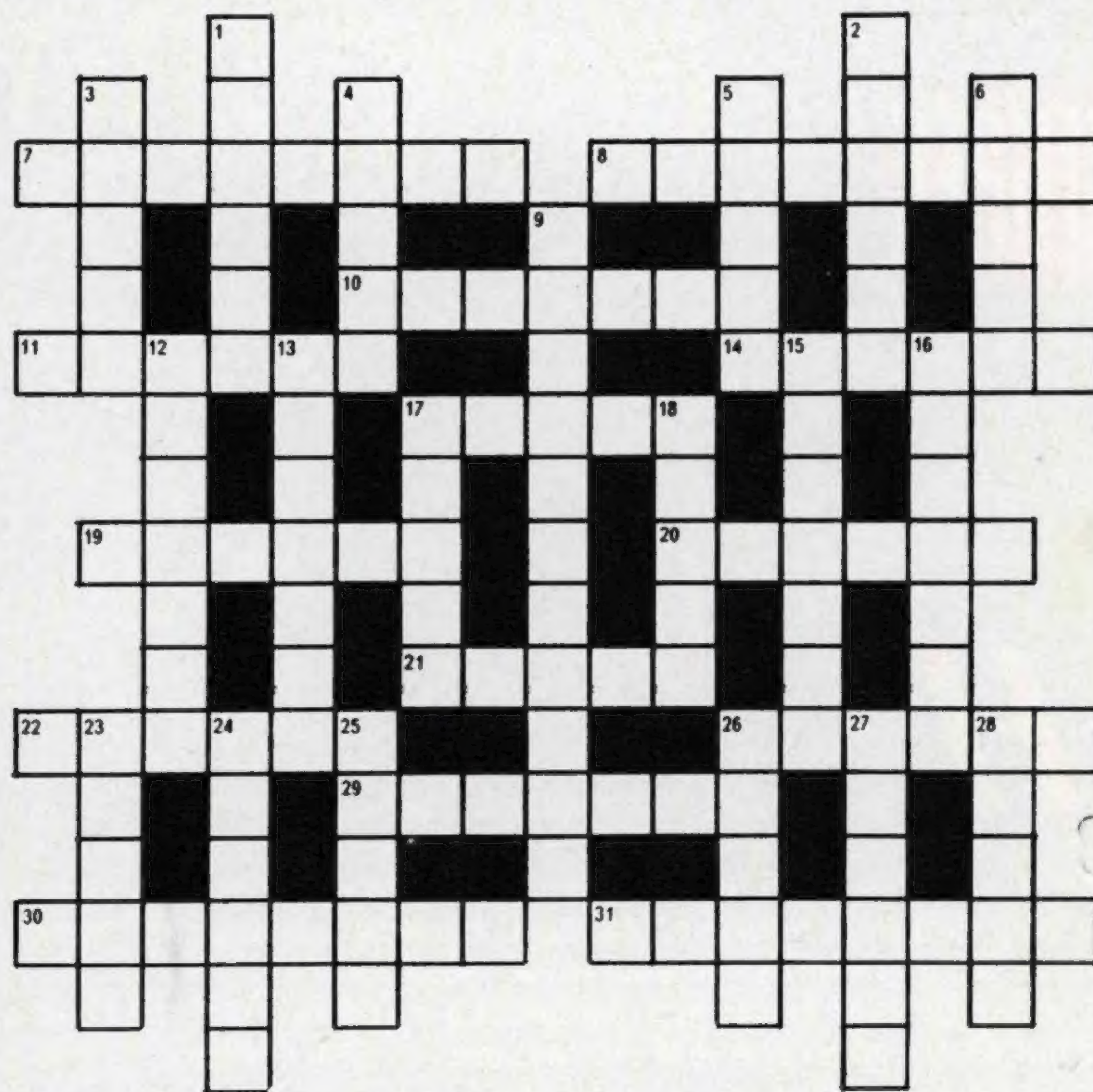
Пишу о спектакле «Музыка для живых» не первый и, может быть, не последний раз — в силу личной заинтересованности. Потому что, если из профессии журналиста изъять личную заинтересованность в судьбе каждого талантливого человека и каждого талантливого творения, — профессию эту надо просто отменить.

Галина КОЖУХОВА

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Симфоническая поэма Ф. Листа. 8. Советский писатель, автор повести «Непокоренные». 10. Горючее для тракторов, растворитель. 11. Государственная награда за особые заслуги. 14. Соединение отдельных частей механизма, изделия. 17. Персонаж «Сказки о золотом петушке» А. С. Пушкина. 19. Большое тропическое дерево в саваннах Африки. 20. Сок, выделяемый цветками медоносных растений. 21. Объединение строительных предприятий в СССР. 22. Металлург, основатель школы русских доменщиков, активный участник революции 1905—1907 годов. 26. Дипломатический ранг. 29. Искусный повар. 30. Кондитерское изделие. 31. Учреждение общественного питания.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Злаковая и кормовая культура. 2. Музыкальный темп. 3. Сорт мелких конфет. 4. Ковкий сплав железа с углеродом. 5. Французский писатель, лауреат Нобелевской премии. 6. Прилавок для торговли на улице. 9. Рассказ А. П. Чехова. 12. Устройство для автоматического отмеривания заданных объемов жидкости, сыпучих материалов. 13. Город в Польше. 15. Сорт сдобного печенья, кондитерский полуфабрикат. 16. Прямоугольная клумба в составе цветников. 17. Объем нефти, газа, поступающих из буровых скважин в единицу времени. 18. Музыкальный ансамбль. 23. Украинская актриса, Герой Социалистического Труда. 24. Переменная звезда в созвездии Персея. 25. Промысловая пресноводная рыба. 26. Химический элемент, инертный газ. 27. Река на Кольском полуострове. 28. Промысловая морская рыба.

КРОССВОРД

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Персонаж. 6. Сомбреро. 9. Микроскоп. 10. Лучко. 11. Цефей. 12. Куприянов. 14. Коперник. 16. Фисташка. 17. Ратин. 18. Кифара. 19. Фреска. 21. Буква. 26. «Хамелеон». 27. Арканзас. 28. Австралия. 31. «Волга». 32. Глава. 33. Белинский. 34. Сложение. 35. Ставрида.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Трускавец. 2. Майкоп. 3. Боткин. 4. Сенбернар. 5. Петушкова. 7. Одоевский. 8. Полиглот. 12. Кондратьева. 13. Василевская. 15. Карабин. 16. Фанфара. 20. Гладиолус. 22. «Катерина». 23. «Красавица». 24. Береговой. 25. Антология. 29. Салгир. 30. Локоть.

УЧИТЬСЯ ПРОСТОДУШИЮ

ISSN 0131-0097

Цена номера 40 коп.

Индекс 70663

ОГОНЁК

Фото Льва МЕЛИХОВА

Н

а удивление схожи их судьбы. Все они — ровесники века, потомственные крестьяне. Воевавшие. Выжившие. Работавшие не за страх, а за совесть. Живут в старинных селах вблизи древних российских городов — Ростова, Переяславля, Борисоглебска, Мезени. Выйдя на пенсию, взялись они вырезать и мастерить из дерева незатейливые поделки.

В зале Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, где любовно, с пониманием показывалось это причудливое, самобытное собрание, одолженное музеями и энтузиастами, всегда былолюдно. Особенно радовало обилие молодежи, даже подростков. А вот из отзывов о выставке. «Нынешнее наше пробуждение требует фундаментальных ориентиров. Как бы не ожесточиться в борьбе, которую мы развернули! Гуманизм, человеколюбие начинается с простодушия. Понять бы сердцем! Здесь нам пример — эти вот прекрасные старики, одарившие нас житейским уроком. Н. Кротов, партийный работник».

Назовем же почтенные имена тех, чьи творения вы видите: Владимир Николаевич Зазнобин, Федор Александрович Жильцов, Михаил Дмитриевич Королев, Феофан Прокопьевич Ладыгин, Петр Александрович Попов, Иван Александрович Якимов.

Игорь ДУДИНСКИЙ